

Выпуск № 4, 2023

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2023. Вып. 4

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е.М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е.В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Польшанский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц.Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2023

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2023. Issue 4

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)

G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)

N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)

D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)

A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)

F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

E.V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)

R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)

D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)

C.Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)

A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)

Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)

Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

K.A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazew str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be
found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Болнова Е.В.** Творческий диалог В.А. Сосноры и М.И. Цветаевой (На материале стихотворений В.А. Сосноры «Я тебя отворюю у всех семей, у всех невест...» и М.И. Цветаевой «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...») 5
- Евдокимова О.В., Трофимова А.В.** «Совершенная любовь изгоняет страх...»: формы воплощения темы в рассказе Н.С. Лескова «Несмертельный голован» 13
- Логутенкова О.Н.** Реализация стратегий доместикации и форенизации в переводах гастрономического дискурса романа «Гарри Поттер и Философский камень» на русский и греческий языки 21
- Процин Е.Е.** Эстетический контекст оппозиции «природа» — «культура» в пьесе А.П. Чехова «Чайка» 31

Языкознание

- Архипова И.В.** Немецкие девербативы в контексте актуализации их таксисных функций 38
- Бакина Н.М.** Вербальная составляющая коммуникативного поведения Джо Байдена 44
- Королева В.В., Румянцева М.С.** Экспликация содержания концепта «рынок» в различных моделях синтаксических конструкций (На материале публицистического текста) 51
- Работалова Е.В.** Словарь английской терминологии нефтепереработки в цифровую эпоху 60
- Таганова Т.А.** Неологизмы в цифровую эпоху (На материале английского языка) 66

История

- Ильин Ю.А.** Намерения и первые усилия общественности текстильного края по реализации идеи учреждения высшего технического учебного заведения в г. Иваново-Вознесенск (конец 1916 — начало 1917 г.) 75
- Радченко М.Л.** К вопросу об использовании корреспонденции и частной переписки как исторического источника для выявления причин самоубийств среди российского чиновничества во второй половине XIX века 88
- Савельева Н.В.** Историко-архитектурный анализ фронтальной застройки улицы Советской в г. Иваново 99
- Селезнев Ф.А., Куприн Р.А.** Жилищное строительство в Нижнем Новгороде в контексте вопроса о советском варианте урбанизации (первая половина 1930-х годов) 111
- Шмаков А.А., Абидулин А.М.** Формирование системы политического воспитания в Красной армии после Октябрьской революции 1917 года 121

Философия

- Васюков В.Л.** Логические языки описания сознания 132
- Финогентов В.Н.** Об одной замечательной особенности бытия сознания 140
- Шабанов Л.В.** Высшая форма отражения и степень ясности рефлексии (рассуждение о субъектности) 148
- Турчин А.С.** Знаковое пространство сознания личности и процесс обучения 156
- Рябов О.В.** «Их отучили думать»: репрезентации сознания и дегуманизация врага в языке пропаганды Холодной войны 163
- Шорин Р.В.** Неакадемическая философия: проблема дефиниции 174

Информация для авторов журнала

«Вестник Ивановского государственного университета» 185

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Bolnova E.V.** Creative dialogue between V.A. Sosnora and M.I. Tsvetaeva (Based on the poems “I will win you from all families, from all brides...” by V.A. Sosnora and “I will win you from all lands, from all heavens...” by M.I. Tsvetaeva) 5
- Evdokimova O.V., Trofimova A.V.** “Perfect love casts out fear...”: the forms of the theme embodiment in the story “Non-Lethal Golovan” by N.S. Leskov 13
- Logutenkova O.N.** Realization of the strategies of domestication and foreignization in translations of the gastronomic discourse of the novel “Harry Potter and the Philosopher’s Stone” into Russian and Greek 21
- Proshchin E.E.** The aesthetic context of the opposition “nature” — “culture” in the play “The Seagull” by A.P. Chekhov 31

Linguistics

- Arkhypova I.V.** German deverbatives in the context of actualization of their taxis functions 38
- Bakina N.M.** The verbal component of Joe Biden’s communicative behavior 44
- Koroleva V.V., Rummyantseva M.S.** Linguistic explication of the concept ‘market’ in different models of syntactic structure (Based on the publicistic text) 51
- Rabotalova E.V.** Oil refining terminological dictionary in digital era 60
- Taganova T.A.** New words in digital era (Based on the English language) 66

History

- Ilyin Yu.A.** Intentions and the first efforts of the Textile Region public to implement the idea of establishing a higher technical educational institution in Ivanovo-Voznesensk (late 1916 — early 1917) 75
- Radchenko M.L.** On the use of correspondence and private correspondence as a historical source to identify the causes of suicides among Russian officials in the second half of the XIX century 88
- Saveleva N.V.** Historical and architectural analysis of Sovetskaya ulica frontal development in Ivanovo 99
- Seleznev F.A., Kuprin R.A.** Housing construction in Nizhny Novgorod in the context of the question of the Soviet version of urbanization (the first half of 1930s) 111
- Shmakov A.A., Abidulin A.M.** Formation of the system of political education in the Red Army after the October Revolution of 1917 121

Philosophy

- Vasyukov V.L.** Logical languages for describing consciousness 132
- Finogentov V.N.** About one remarkable feature of the existence of consciousness 140
- Shabanov L.V.** The highest form of reflection and the degree of clarity of reflection (discourse of subjectivity) 148
- Turchin A.S.** Sign space of personality consciousness and the learning process 156
- Riabov O.V.** “They were weaned from thinking”: representing consciousness and dehumanizing the enemy in the language of the Cold War propaganda 163
- Shorin R.V.** Non-academic philosophy: the problem of definition 174

Information for the authors of “Ivanovo State University Bulletin” 185

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 5—12.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 5—12.

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1

DOI: 10.46726/И.2023.4.1

ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В.А. СОСНОРЫ И М.И. ЦВЕТАЕВОЙ (На материале стихотворений В.А. Сосноры «Я тебя отворюю у всех семей, у всех невест...» и М.И. Цветаевой «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»)

Екатерина Владимировна Болнова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, eka332@yandex.ru

Аннотация. Несмотря на очевидную связь творчества В.А. Сосноры с культурным наследием прошлого, данная тема нечасто становилась предметом литературоведческого исследования. Статья помогает уточнить и конкретизировать модели и принципы взаимодействия неоавангардистских и неомодернистских текстов с предшествующими поэтическими текстами на примере стихотворений «Я тебя отворюю у всех семей, у всех невест...» В.А. Сосноры и «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...» М.И. Цветаевой. Анализу подвергаются образная система, мотивы, темы, форма сопоставляемых произведений. Расширение контекста происходит за счет привлечения материала мифов различных народов, библейских сюжетов и текстов христианских богослужений. В статье применяются также имманентный и контекстуальный подходы к литературному произведению, при этом учитывается, что биография М.И. Цветаевой изучена значительно лучше на данный момент. Биография В.А. Сосноры еще не написана, и ее появление сможет пролить свет на многие неочевидные места исследуемого текста. В заключении высказывается обоснованное предположение, что стихотворение В.А. Сосноры «Я тебя отворюю у всех семей, у всех невест...», очевидным образом отсылающее к тексту М.И. Цветаевой «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...», при более пристальном рассмотрении оказывается не просто повторением сходных тем, а поэтическим ответом с усложнением структуры, системы образов и значительным изменением центральных мотивов.

Ключевые слова: В.А. Соснора, М.И. Цветаева, проблема преемственности, творческий диалог, цитаты, аллюзии, реминисценции

Для цитирования: Болнова Е.В. Творческий диалог В.А. Сосноры и М.И. Цветаевой (На материале стихотворений В.А. Сосноры «Я тебя отворюю у всех семей, у всех невест...» и М.И. Цветаевой «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»)// Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 5—12.

Вопрос о функциях цитат, аллюзий и реминисценций в поэзии неомодерна и неоавангарда важен для адекватного понимания литературы второй половины XX века. Справедливо это как для официальной, так и для неподцензурной поэзии. Исследования в данной области актуальны в литературоведении XXI века, однако они носят фрагментарный характер и не выходят за рамки статей или обзорных исследований творчества одного-двух авторов [Зубова; Суханова; Прошин].

В творческом наследии В.А. Сосноры немало переключек с текстами М.И. Цветаевой. Некоторые из них уже становились объектом литературоведческого исследования. Например, в статье И.Е. Лоцилова «Поэзия и дидактика: о стихотворении Виктора Сосноры “Тоска по родине”» [Лоцилов] разбору подвергается обозначенный текст через призму его взаимодействия со стихотворением Марины Цветаевой и рецензией Андрея Белого на сборник «Разлука».

Диалогические отношения выстраиваются и между стихотворениями В.А. Сосноры «Я тебя отворюю у всех семей, у всех невест...» и М.И. Цветаевой «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...». На это указывает не только синтаксический параллелизм первых строк, но и особенности образной системы. Так, образ московских площадей в стихотворении В.А. Сосноры, на которых творилась история страны, несомненно, отсылает к целому ряду стихотворений М.И. Цветаевой («Москва! Какой огромный странноприимный дом!», «У меня в Москве – купола горят...», «Семь холмов», «Над городом, отвергнутым Петром...», «Ты запрокидываешь голову...» и т. д.). Текст М.И. Цветаевой был написан в 1916 году в тот же период, что и «Стихи о Москве», «Стихи к Блоку». Неслучайно часть исследователей отмечает переключки текста «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...» с такими стихотворениями А. Блока, как «Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...» (1914) и «Шаги командора» (1910). Кроме того, возможным прототипом героя стихотворения называют мужа С. Эфрона.

Стихотворение В.А. Сосноры, входящее в сборник «Тридцать семь» 1973 года, закономерно может быть рассмотрено как поэтический отклик на текст М.И. Цветаевой. Такой подход проясняет восьмое двустишие: «Я тебе ответил. В свидетели – весь свет. / Я тебе отверил. И нашего неба – нет»¹.

Если взять за основу при рассмотрении стихотворения В.А. Сосноры принцип диалогичности, то акцент будет падать на те структурные элементы текстов, которые не совпадают при общей ярко выраженной схожести. Прежде всего, это сказуемое в первой строке. У В.А. Сосноры «отвоюю» заменяется на «отворюю», что находит объяснение в следующих строках:

Я тебя отворюю у всех семей, у всех невест.
Аполлону — коровы, мяса, а я — Гермес.
Аполлону — тирсы и стрелы, а я — сатир,
он — светящийся в солнце, а я — светлячком светил.

¹ Здесь и далее текст стихотворения цитируется по: [Соснора: 571].

Воровство является одной из значимых характеристик Гермеса, в то время как воинственность — Аполлона (один из его атрибутов — лук и стрелы). Строго говоря, В.А. Соснора допускает неточность в приведенных строках, ведь тирс является атрибутом Диониса и представителей его свиты, в число которых входили сатиры, не связанные ни с Аполлоном, ни с Гермесом.

При рассмотрении стихотворения М.И. Цветаевой возникает соблазн соотнести авторское «я» в том числе с Артемидой, чему способствует и ее воинственность, и указание на лес, как принадлежащее ей пространство: «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес, / Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес...»².

Артемиды и Аполлон, как известно, близнецы, поэтому вполне мотивированным выглядит появление данного мифологического героя в стихотворении В.А. Сосноры в качестве антагониста авторского «я».

Текст В.А. Сосноры строится на развитии значимых мотивов произведения М.И. Цветаевой, при этом они значительно трансформируются. Так, в первой строфе у М.И. Цветаевой встречается указание на двойственную природу героини: с одной стороны, как уже было указано, она воплощает собой природное, активное, воинственное начало, а с другой, она утверждает свой особый статус как поэта, лишь частично привязанного к земной жизни:

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес,
Оттого что я на земле стою лишь одной ногой,
Оттого что я о тебе спою — как никто ругой.

В стихотворении В.А. Сосноры данный мотив заметно усилен: тема творческого бессмертия становится одной из центральных. Композиционно стихотворение распадается на две части, граница между которыми приходится на строку, обозначившую смену темы: в первой осмысливается антагонизм героев, а во второй остается лишь образ авторского «я». Теме творчества посвящена как раз вторая часть стихотворения:

Он — жизнь сама, а я — бессмертье твое.

Я тебя от рая (убежища нет!) уберегу.
Я тебя отправлю в века и уберу.

Я тебе ответил. В свидетели — весь свет.
Я тебе отверил. И нашего неба — нет.

Нет ни лун, ни злата, ни тиканья и ни мук.
Мне — молчать, как лунь, или мычать, как мул.

Эти буквицы боли — твои семена,
их расставлю и растравлю — и хватит с меня.

Применительно к фразе «молчать, как лунь», стоило бы отметить, что лунь не молчит; видимо, В.А. Соснора спутал луня с сычом, но и последний «молчит» только в рамках фразеологического оборота.

Таким образом, для М. Цветаевой в стихотворении «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...» тема творчества не является центральной, она заявляет о себе лишь в начальных строках, в то время как В.А. Соснора,

² Здесь и далее текст стихотворения цитируется по: [Цветаева 1: 317].

начиная текст с темы противостояния двух героев за героиню, затем полностью переключается на тему творчества, преодоления сопротивления языка.

Система образов стихотворения М.И. Цветаевой построена на взаимодействии двух центральных образов: героини «я» и героя «ты». На периферии выделяется еще несколько образов, значимых для раскрытия темы. Собирательный образ «других», среди которых особо выделяется «та, одна», образ Бога как наиболее могущественного соперника, не считая самого героя. На первый взгляд, система образов стихотворения В.А. Сосноры достаточно близка тексту М.И. Цветаевой, однако и тут обнаруживается ряд концептуальных различий. Во-первых, она построена на явном противоречии: с одной стороны, герой отрицает наличие и значимость соперников («Я тебя (о, двое нас, что — до них остальных!)»), подчеркивает обособленность героев, называемых местоимениями «я» и «ты», от всех прочих. С другой стороны, тема соперничества героев, названных местоимениями «я» и «он», задана с первых строк и поддерживается во всей первой части стихотворения, в том числе и с помощью синтаксических средств, таких как многочисленные тире и противительные союзы:

Я тебя отворю у всех семей, у всех невест.
Аполлону — коровы, мяса, а я — Гермес.

Аполлону — тирсы и стрелы, а я — сатир,
он — светящийся в солнце, а я — светлячком светил.

Он творил руками тебя, а я — рукокрыл.
Он трудился миллионы раз, а я в семь дней сотворил.

Он стражник жизни с серебряным топором.
Он — жизнь сама, а я — бессмертье твое.

При этом отдельно стоит отметить, что появляющиеся в начале стихотворения имена героев греческой мифологии никоим образом не должны быть восприняты как определяющие данное противостояние. Характеристики героев «я» и «он» не исчерпываются теми, которые мы можем отметить как типичные для античных богов. О специфике употребления тирса как атрибута Аполлона говорилось выше, кроме того, Гермес не связан с сатирами. Можно предположить, что В.А. Соснора расширяет дихотомию аполлонического и дионисийского начал, введенную в оборот культурологии Шлегелем, Шеллингом, Гёльдерлином и активно развитую в «Рождении трагедии из духа музыки» Ницше. Сатир при данном прочтении метонимически заменяет Диониса. Другие характеристики персонажей предполагают их противопоставление как дневного и ночного начал (светлячок виден только в темное время суток, его свет имеет отличную от солнечной природу): «он — светящийся в солнце, а я — светлячком светил».

Мифологема дня и ночи далеко не всегда в религии и мифологии трактуется через призму их противопоставления. В контексте интерпретации стихотворения В.А. Сосноры важным представляется не столько противоположность данных образов, сколько значительно более частотно встречающееся восприятие ночи как исходного состояния мира. Такую трактовку мы встречаем и в Ветхом завете, бразильской мифологии и в мифологии ацтеков. Темный мир освещают своим путешествием по небу боги Ра и Шамаш в египетской и месопотамской мифологиях.

Культурологическая составляющая текста может быть значительно расширена за счет активного привлечения египетской и христианской мифологии для трактовки следующих строк:

Я тобой отворю все уста моей молвы.
Я тебя отрину на всех площадях Москвы.

Он творил руками тебя, а я — рукокрыл.
Он трудился миллионы раз, а я в семь дней сотворил.

Отвержение уст — один из значимых ритуалов египетской религии, заключающийся в открывании рта мумии, чтобы дать ей возможность дышать и говорить. Так, можно предположить, что героиня, обозначенная местоимением «ты», помогает герою, от лица которого написано произведение, обрести собственный голос. Исследователи отмечали и очевидную параллель названного египетского ритуала с псалмом 50, содержащем в русском переводе следующий фрагмент: «Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою» (Пс. 50:17). Также и в Литургии святого Василия встречается аналогичный оборот: «даждь нам слово во отвержение уст наших во еже призвати Духа Святого на хотящие предложитися Дары» (цит. по: [Афанасьева: 325]). Примечательно, что В.А. Соснора неоднократно признавался в интервью, что на него сильно повлиял язык древнерусских летописей, стиль церковно-славянских книг.

В следующих строках, возможно, содержится один из ключей к пониманию взаимодействия текста В.А. Сосноры со стихотворением М.И. Цветаевой. Как уже было сказано ранее, топоним Москвы указывает на то, что адресатом произведения В.А. Сосноры является М.И. Цветаева, воспевавшая город в своих стихотворениях и неоднократно отмечавшая свою связь с «городом, отвергнутым Петром». Но важна здесь и иная образная переключка. Так, у М.И. Цветаевой в последнем четверостишье герой наделяется крыльями:

Но пока тебе не скрещу на груди персты —
О проклятье! — у тебя останешься — ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, —
Оттого, что мир — твоя колыбель, и могила — мир!

В данном контексте рукокрылость героя стихотворения В.А. Сосноры косвенно подтверждает, что его текст может быть прочитан как ответ на обращение М.И. Цветаевой, на что, как было сказано, указывают и строки: «Я тебе ответил. В свидетели — весь свет». То есть можно предположить, что В.А. Соснора воспринимает себя отчасти преемником М.И. Цветаевой, согласно той же логике, по которой сама М.И. Цветаева считает себя преемником Орфея («Так плыли: голова и лира...»):

Так, лестницею нисходящей
Речною — в колыбель зыбей.
Так, к острову тому, где слаще
Чем где-либо — лжет соловей...

Где осиянные останки?
Вода соленая — ответь!
Простоволосой лесбиянки
Быть может вытянула сеть? — [Цветаева 2: 68]

В приведенном отрывке из стихотворения М.И. Цветаевой может заключаться и еще одно недостающее для понимания текста В.А. Сосноры звено: указание на лесбийские отношения М.И. Цветаевой и С. Парнок. Подробно данный этап жизни М.И. Цветаевой описан в статье С.В. Поляковой «Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок» [Полякова]. Возможно, знание приведенного контекста позволяет понять начальные строки стихотворения В.А. Сосноры: «Я тебя отворюю у всех семей, у всех невест». С точки зрения культурологии в приведенной строке нельзя не опознать обряд похищения невесты, известный с древнейших времен и упоминаемый еще в Ветхом Завете. В Римской мифологии данный ритуал нашел отражение в мифическом похищении сабинянок. Вариант данного обряда упоминается и в «Уставе святого Владимира», в «Уставе князя Ярослава Владимировича», в «Повести временных лет». Далеко не всегда данный обряд был связан с насилием, зачастую он являлся лишь способом преодолеть определенный запрет на законный брак. Именно в таком ракурсе он вошел в мировую художественную литературу, в частности, русскую. Так, в повестях А.С. Пушкина «Метель» и «Станционный смотритель», в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», в пьесе А.Н. Островского «Женитьба Бальзаминова», в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» тема насилия либо полностью отсутствует, либо заметно сглажена. Данный обряд призван преодолеть несогласие родственников либо продемонстрировать силу чувств, испытываемых женихом. Можно предположить, что именно данный контекст и актуализируется В.А. Соснорой в приведенной строке.

Возвращаясь к противопоставлению героев в стихотворении В.А. Сосноры, стоит отметить значимость контекстуальной антонимичной пары в строке «Он трудился миллионы раз, а я в семь дней сотворил». Семь дней творчества вызывают ассоциации лирического героя с Богом. Труд воспринимается как атрибут земной жизни («Он — жизнь сама...»), в то время как творчество связано с бессмертием. Показательно, что творит и герой, названный местоимением «он», однако его творчество — земное, осязаемое, следовательно, незавершенное, нецелостное (указывает на различие статуса изменение вида глагола: он «творил», я — «сотворил»).

Упоминаемый в последующих строках В.А. Сосноры рай воспринимается как фактически неизбежное завершение земной жизни, в то время как творчество обеспечивает бессмертие, то есть выход за пределы уготованного обычным людям пути. Альтернативой является сохранение в веках, то есть, по сути, в вечности. При этом отличительной особенностью поэтики М.И. Цветаевой, согласно взглядам В.А. Сосноры, является ее напряженность и надрывность. Последние строки текста отсылают к известному стихотворению М.И. Цветаевой «Расстояние»: «Рас-стояние: версты, мили... / Нас рас-ставили, рас-садили, / Чтобы тихо себя вели / По двум разным концам земли» [Цветаева 2: 258]. В конечных строках своего стихотворения В.А. Соснора повторяет первый из глаголов, используемых М.И. Цветаевой («расставить»), и некоторым образом расширяет линейку за счет добавления того глагола, который не встречается в тексте М.И. Цветаевой («растравить»): «Эти буквицы боли — твои семена, / их расставлю и растравлю — хватит с меня».

Стихотворение В.А. Сосноры «Я тебя отворюю у всех семей, у всех невест...», очевидным образом отсылающее к тексту М.И. Цветаевой «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...», при более пристальном рассмотрении оказывается не просто повторением сходных тем, а поэтическим ответом с усложнением структуры, системы образов и значительным изменением центральных мотивов.

Список литературы / References

- Афанасьева Т.И. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI—XV вв.). М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. 448 с.
(Afanas'eva T.I. The Liturgies of John Chrysostom and Basil the Great in the Slavic tradition (according to the service books of the XI-XV centuries), Moscow, 2015, 448 p. — In Russ.)
- Зубова Л. Деконструированный Пушкин (Пушкин в поэзии постмодернизма) // Пушкинские чтения в Тарту 2. Тарту, 2000. С. 364—384.
(Zubova L. Deconstructed Pushkin (Pushkin in the poetry of postmodernism), *Pushkin readings in Tartu 2*, Tartu, 2000, pp. 364—384. — In Russ.)
- Лошилов И. Е. Поэзия и дидактика: о стихотворении Виктора Сосноры «Тоска по родине» // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 101—112
(Loshchilov I. E. Poetry and didactics: about Victor Sosnora's poem "Homesickness", *Siberian Philological Journal*, 2022, no. 1, pp. 101—112. — In Russ.)
- Полякова С.В. Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок // «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб.: ИНАПРЕСС, 1997. С. 188—269.
(Poliakova S.V. The days of the day: Tsvetaeva and Parnok, "*Oleynikov and about Oleynikov*" and other works on Russian literature, St. Petersburg, 1997, pp. 188—269. — In Russ.)
- Прошин Е.Е. Функции пушкинской цитаты в поэзии неомодерна и неоавангарда // Болдинские чтения 2016. Н. Новгород: ННГУ, 2016. С. 178—185.
(Proshchin E.E. The functions of Pushkin's quotation in neo-modern and neo-avant-garde poetry, *Boldinsky readings 2016*, Nizhnij Novgorod, 2016, pp. 178—185. — In Russ.)
- Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: Пальмира, 2018. 910 с.
(Sosnora V. Poems, St. Petersburg, Moscow, 2018. — In Russ.)
- Суханова С.Ю. Знаки античности в паратекстуальных элементах русской поэзии второй половины XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 31—36.
(Sukhanova S.Iu. Signs of antiquity in the paratextual elements of Russian poetry of the second half of the XX century, *Bulletin of Tomsk State University*, 2011, no. 352, pp. 31—36. — In Russ.)
- Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994.
(Tsvetaeva M. Collected works: in 7 vols., ed. by A. Saakiant, L. Mnukhin, Moscow, 1994. — In Russ.)

CREATIVE DIALOGUE BETWEEN V.A. SOSNORA
AND M.I. TSVETAEVA (Based on the poems "I will win you
from all families, from all brides..." by V.A. Sosnora
and "I will win you from all lands, from all heavens..." by M.I. Tsvetaeva)

Ekaterina V. Bolnova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, eka332@yandex.ru

Abstract. Despite the obvious connection of V.A. Sosnora's creativity with the cultural heritage of the past, this topic has rarely become the subject of literary research. The article helps to clarify and concretize the models and principles of interaction of neo-avant-garde and neo-modern texts with previous poetic texts by the example of the poems

“I will win you from all families, from all brides ...” by V.A. Sosnora and “I will win you from all lands, from all heavens ...” by M.I. Tsvetaeva. The figurative system, motives, themes, and the form of the compared works are analyzed. The context is expanded by involving the material of myths of various peoples, biblical stories and texts of Christian services. The article applies both immanent and contextual approaches to the literary work, while taking into account that the biography of M.I. Tsvetaeva has been studied much better at the moment. The biography of V.A. Sosnora has not yet been written, and its appearance will be able to shed light on many non-obvious places of the text under study. In conclusion, a reasonable assumption is made that the poem by V.A. Sosnora's “I will win you from all families, from all brides...”, which obviously refers to the text of M.I. Tsvetaeva “I will win you from all lands, from all heavens...”, on closer examination turns out to be not just a repetition of similar themes, but a poetic response with a complication of the structure, the system of images and a significant change of central motives.

Keywords: V.A. Sosnora, M.I. Tsvetaeva, the problem of continuity, creative dialogue, quotations, allusions, reminiscences

For citation: Bolnova E.V. Creative dialogue between V.A. Sosnora and M.I. Tsvetaeva (Based on the poems “I will win you from all families, from all brides...” by V.A. Sosnora and “I will win you from all lands, from all heavens...” by M.I. Tsvetaeva), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 5—12.

Статья поступила в редакцию 19.02.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 19.02.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Болнова Екатерина Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, eka332@yandex.ru

Bolnova Ekaterina Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer of the Department of Russian Literature, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, eka332@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 13—20.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 13—20.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"-32

DOI: 10.46726/И.2023.4.2

**«СОВЕРШЕННАЯ ЛЮБОВЬ ИЗГОНЯЕТ СТРАХ...»:
ФОРМЫ ВОПЛОЩЕНИЯ ТЕМЫ В РАССКАЗЕ
Н.С. ЛЕСКОВА «НЕСМЕРТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВАН»**

Ольга Владимировна Евдокимова,

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, odnodum8@mail.ru

Алена Владимировна Трофимова

Центр дополнительного профессионального образования «Альфа-Диалог»,
г. Санкт-Петербург, Россия, alna.trofimova16@gmail.com

Аннотация. В статье показано, что тема «Совершенная любовь изгоняет страх...», заявленная в эпиграфе к рассказу Н.С. Лескова «Несмертельный Голован», определяет поэтику произведения в целом и конкретно — образа главного героя. Эпиграф впервые атрибутирован первому посланию Иоанна. Подчеркнуто, что само имя Иоанна маркирует тему совершенной любви, так как она является центральной во всех текстах апостола. Формы воплощения темы в рассказе (мифопоэтика, изображение обряда, рассказ-воспоминание) возводят образ праведника к Первообразу (Иоанн Богослов, Георгий Победоносец, Иисус Христос). Названы и описаны реминисценции, побуждающие читателя вспомнить о первооснове образа. Основания и приемы создания образа в тексте Н.С. Лескова наследуют технике, языку и смыслу иконы в усилении автора проявить лик святого, а читателя его увидеть. Статья продолжает исследование взаимодействия слова и изображения в художественной системе русского классика, следуя от анализа поэтики к описанию эстетических принципов писателя, выявляя анагогические свойства образа. В «Несмертельном Головане» изображен момент духовной победы над злом, свершившегося чуда, который запечатлен во всех иконах на сюжет «Чудо Святого Георгия о змие». Иконописное изображение архетипично для словесного, что обусловлено единым процессом воспоминания, охватывающим и героя-рассказчика, и читателя. Рассказ «праведнического» цикла Н.С. Лескова телеологически воплощает тему совершенной любви как тему прозрения, просветления «очей души».

Ключевые слова: поэтика рассказа, Н.С. Лесков, образ, Первообраз, икона, формы воплощения темы, эстетика

Для цитирования: Евдокимова О.В., Трофимова А.В. «Совершенная любовь изгоняет страх...»: формы воплощения темы в рассказе Н.С. Лескова «Несмертельный Голован» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 13—20.

© Евдокимова О.В., Трофимова А.В., 2023

Несмотря на интерес ученых к праведническому циклу Н.С. Лескова [Столярова], [Хализев, Майорова], [Майорова] и конкретно к рассказу «Несмертельный Голован» [Майорова], [Лукьянчикова], [Шафранская], [Михеева], [Бобылев], [Швецова], эпиграф, вводящий в произведение тему совершенной любви, до сих пор остается вне внимания исследователей.

«Совершенная любовь изгоняет страх. *Иоанн*» (курсив Н.С. Лескова. — *О. Е., А. Т.*) [Лесков: 94] — так оформлен эпиграф, предпосланный тексту. Автор только частично атрибутирует его: называет имя того, кому принадлежит высказывание. Имя отсылает к Иоанну Богослову — апостолу любви [Полотебнов].

В первом послании Иоанна есть фрагмент, который близок тексту эпиграфа: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви» (1 Ин. 4:18). По мнению Н.Т. Райта, этот фрагмент включает в себе смысл всего послания. Слово «любовь» встречается в нем не менее двадцати семи раз в пятнадцати стихах, оно провозглашает тему, которая является центральной во всех текстах Иоанна [Райт: 114].

Все, толкующие Иоанново послание, под «совершенной любовью» понимают высшую меру любви к ближнему, с помощью именно такой любви человек способен познать Бога [Аверкий], [Чистяков], [Лопухин].

Очевидны, подчеркнуто открыты параллели между качествами личности святого апостола Иоанна и героя художественного произведения — несмертельного Голована. Автор называет его «девственником». Иоанн, как отмечает С.С. Аверинцев, в силу того же качества становится достойным хранителем Девы Марии [Аверинцев: 210].

Апостол — избранный среди избранных, любимый ученик Христа. Избранничество Голована заявлено уже в истории происхождения его имени: он «человек особенный; человек, который не боится смерти» [Лесков: 94]. Кроме того, герой Н.С. Лескова включен автором в круг «героев великодушия», «избранников».

Евангелист принес благовест о Христе, повествование, определенное личностью Голована, стремится к тому же.

Знакомство читателя с «несмертельным» начинается с эпизода — воспоминания о первой встрече рассказчика с героем. Голован спасает младенца-рассказчика от нападения бешеной собаки. Несмотря на естественность того, что «полутораговой ребенок не может помнить, что с ним происходило» [Там же: 95], мгновение спасения стало для рассказчика событием. Этот невероятный факт открывает тему совершенной любви в самом тексте Н.С. Лескова. Запечатленный в памяти момент спасения описан как откровение.

Экспрессивно изображена нападающая собака: «сухая шерсть, совершенно красные глаза и разинутая пасть, полная мутной пены в синеватом, точно напояженном зеве... оскал, который хотел уже защелкнуться» [Там же: 96].

Страх не овладевает спасающим, он вытеснен совершенной любовью. На это указывает изображение героя: «Надо всем этим стояла огромная человеческая фигура с огромною головою, и она взяла и понесла бешеного пса. Во все это время лицо человека *улыбалось*» (курсив Н.С. Лескова. — *О. Е., А. Т.*) [Там же].

Образ праведника строится с помощью приема деформации, константного для иконописи: огромный человек, огромная голова, в центре — лицо.

Совершенная любовь — феномен, который не может быть воплощен в форме логического построения или в форме описания чувства, состояния.

Н.С. Лесков прибегает к особой поэтике. Изображение создано автором «Несмертельного Голована» по принципу возведения образа героя к его Первообразу, который является исходным и конечным. Цель такой поэтики — в проявлении лика праведника, она тождественна устремлению иконописца в его усилиях прописать и явить лик святого. Покажем это.

Исследователи неоднократно отмечали наличие в «Несмертельном Головане» нескольких повествовательных планов, определяющих специфику мифопоэтики рассказа [Майорова], [Лукьянчикова], [Шафранская].

В тесной обусловленности находятся два плана повествования — план «реальный», рассказывающий о жизни мужика Голована, и план мифический, созданный народной молвой и выражающий то, как воспринимался Голован «миром». О.Е. Майорова называет этот прием «двойной интерпретацией» [Майорова: 174]. Однако исследовательница не учитывает еще один повествовательный прием, во взаимодействие с которым вступают описанные ей. Это — введение в текст реминисценций — моментов, напоминающих о первооснове образа, о Первообразе. В свете сказанного одной из форм воплощения темы совершенной любви можно считать своеобразную мифопоэтику образа главного героя.

«Он сам — почти миф...» [Лесков: 94], — первые слова рассказа. «Мифический образ, — с точки зрения А.Ф. Лосева, — мифичен в меру своего оформления, то есть в меру своего изображения, в меру понимания его с чужой стороны. Мифичен способ изображения вещи, а не сама вещь по себе» [Лосев: 63]. Чем обширнее разрастается миф о Головане, тем отчетливее видна его совершенная любовь, настолько абсолютная, что мирское сознание не способно объяснить ее ничем, кроме мифа. Голован соотносим в этом аспекте с колдуном, богатырем, а также с героем духовных стихов Егорием Храбрым [Майорова: 177].

Аналогии между героем духовных стихов Егорием и Голованом открыто прямолинейны. В начале шестой главы нарисован образ Егория светлохраброго, покровителя скота: «божий люд честной-праведный выгнал встреч ему мал и крупен скот» [Лесков: 108]. У Голована — «прекрасное стадо», и в своем деле он «не имел соперников» [Там же: 98].

Воспоминания, спровоцированные сказовым повествованием о Егории, у которого «по локоть руки в красном золоте, по колени ноги в чистом серебре» [Там же: 108], отсылают читателя и к другим памятям. Егорий Храбрый — фольклорное имя святого Георгия Победоносца, великомученика, в прямом смысле слова несмертельного.

Агиографическая традиция в рассказе активно изучается [Ранчин], [Никитина, Шелякина], [Минникова]. Многие параллели обозначены. В произведении одна из главных — цель жития: сохранить «достойную внимания память» [Лесков: 95], есть здесь и позиция «самоуничужения» рассказчика, и похвала описываемому миру, и преломление черт аскетического бытия (тулуп — один во все времена года; дом — холодный «сарай», «хлев»; подвиг молчания, чудеса).

Святой Георгий не назван, но в силу законов памяти не мог не вспомниться читателю уже в самом начале повествования о Головане, в эпизоде нападения бешеной собаки на младенца. Первообраз эпизода — «Чудо святого Георгия о змие». О смысле чуда С.С. Аверинцев пишет так: «обессиливший и укрощенный змей (дракон) сам падает к ногам святого, и девица ведет его в город на поводке, “как послушнейшего пса” (выражение из “Золотой легенды” итальянского агиографа Иакова Ворагинского, XIII в.)» [Аверинцев: 160].

Образ Рябки — собаки — включает черты, знаково маркирующие образ змея: «извиваясь всем телом», задвигалась «выпятившаяся горловина». Тишина и умиротворение, окружающие спасающих, тоже тождественны. Георгий Победоносец часто изображается на иконах с копьем или мечом. Это соответствует иконописному канону [Сахаров: 21—25]: иконописец изображает святого воина «одного, во весь рост, в воинской одежде, вооруженного в доспех» [Там же: 21]. В этой связи новые смыслы получает «железная рука» Голована: собака «захрипела, барахтаясь лапами и извиваясь всем телом в его высоко поднятой железной руке» [Лесков: 96].

В сюжете о чуде святого Георгия актуализирована тема победы над мировым злом, она центральна и в рассказе Н.С. Лескова.

В именовании «несмертельный» сохранена память о «страстях» великомученика («положение» на грудь тяжелого камня, бросили в яму с негашеной известью, заставили бежать в сапогах с острыми гвоздями внутри, бичевали воловьими жилами, заставили пить яд, усекли главу). Георгий всегда был «светел и радостен», сохранив «веру непорочную». Перечень «страстей» составлен на основании трудов святителя Дмитрия Ростовского и Федора Дафнопата [Ковалев-Случевский: 122—135]. Н.С. Лесков настоятельно подчеркивает не только события страдания плоти, а силу духа, бессмертность в вере. В этом писатель XIX века — несомненный последователь авторов житийных текстов о святом Георгии.

Все иконы на сюжет «Чудо святого Георгия о змие» представляют именно сам момент победы над злом, духовной победы, момент совершившегося чуда. Рассказчик в тексте Н.С. Лескова помнит тоже только событие спасения, проявление «совершенной любви». Георгий Победоносец не назван, но в памяти утверждён смысл его подвига.

Развернутое повествование об «исцелении» расслабленного, занимающее большую часть текста, приобретающего черты вставного эпизода, построено так, чтобы читатель вспомнил евангельскую притчу о расслабленном, исцеленном при Овчей купели (Ин. 5:1—9).

Н.С. Лесков здесь запечатлел истину в изображении от обратного. Ярко окрашенное лжечудо обнажает правду и не оставляет читателю возможности не вспоминать о Первообразе. В евангельском тексте центральны слова Христа и само исцеление. В рассказе же о событии исцеления сказано в дополнительном сообщении, так как все пространство текста занимает красочное описание обрядодействия толпы. Фотий (устроитель чуда) совершает богохульную кражу — прямо реализованы слова Господа, обращенные к расслабленному, «не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (Ин. 5:14).

Прием возведения образа к Первообразу, повторим, константен для повествования Н.С. Лескова в целом. Отметим фрагменты текста, настойчиво провоцирующие воспоминание именно об Иисусе Христе, но подчеркнем, что памяти о Иоанне Богослове или Георгии Победоносце тоже направлены к воспоминанию о Спасителе.

Реминисценция сюжета «хождение по водам» введена в текст Н.С. Лескова в связи с темой страха, но с напоминанием о совершенной любви, которая изгоняет страх. Пастуху Паньке предстало видение: «Вот кто-то спускается с кручи, сошел, стал на воду и идет. Да так просто идет по воде, будто посуху, и не плескает ничем, а только костыльком подпирается. Панька оторопел» [Лесков: 109]. Слово Евангелия от Иоанна откликается в фрагменте текста Н.С. Лескова, совпадают реакции видящих идущего по водам и узнавание самого шествующего: «Проплыл около двадцати пяти или тридцати стадий,

они увидели Иисуса, идущего по морю и приближающегося к лодке, и испугались. Но Он сказал им: это Я; не бойтесь» (Ин. 6: 19—20). Явлен Христос и через него избавление от страха.

То, что рассказ о бессмертном Головане начинается с известия о его смерти — «умер, и притом не самым опрятным образом» [Лесков: 95], — закономерный прием в данном повествовании. Он тоже реминисцентен евангельской истории Христа. Жизнь Голована «по любви совершенной» и предполагала, что герой не мог не погибнуть «в кипящей ямине, куда упал, спасая чью-то жизнь или чье-то добро» [Там же]. Но кенозис (уничтожение Бога-Сына ради спасения людей вплоть до воплощения и смерти на Кресте) можно вспомнить лишь после прочтения всего рассказа и знакомства с «правдивой» памятью бабушки рассказчика.

Принцип проявления лика в «Несмертельном Головане» — это и нанесение густых слоев краски, плотность изображения (мифопоэтика, описание обрядодействия в устремлении народа к чуду, рассказ-воспоминание) и эффект проступания через эти слои соприродного Первообразу, которое уловимо сотворяющей памятью. Этот принцип восходит к иконописному и в технике поэтапного проявления лика [Лосский, Успенский: 85—96], и в том, что для обнаружения «богоподобного смирения» предание не сохранило совершеннее формы, чем икона. Лик в иконе проявляется «от темного основного тона к светлому» [Там же: 94]. У Н.С. Лескова от устойчивых подозрений героя в грехе «плавьями» повествование возведено к прямо заявленной теме «любви совершенной».

Финальные строки произведения итожат процесс создания лика праведника и объясняют, как это было сделано: «Они (праведники. — *О.Е., А.Т.*) невероятны, пока их окружает легендарный вымысел, и становятся еще более невероятными, когда удастся *снять* (курсив наш. — *О.Е., А.Т.*) с них этот налет и увидеть их во всей их святой простоте» [Лесков: 135—136].

Эпиграф рассказа «Несмертельный Голован», вводя тему «Совершенная любовь изгоняет страх...», определяет поэтику рассказа. Формы воплощения темы возводят образ Голована к Первообразу: к Георгию Победоносцу, живущему по совершенной любви, к возвестившему о ней Иоанну Богослову, к Иисусу Христу как ее абсолюту.

Эстетика Н.С. Лескова наследует традиции (византийского, древнерусского искусства) в анагогическом (возводительном) свойстве иконописного образа.

Список литературы / References

- Аверинцев С.С. Собрание сочинений. София-Логос. Словарь / под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Киев: Дух и Литера, 2006. 912 с.
(Averintsev S.S. Collected Works. Sophia-Logos. Dictionary; ed. by N.P. Averintseva, K.B. Sigov, Kiev, 2006. 912 p. — In Russ.)
- Аверкий (Таушев), архиеп. Четвероевангелие. Апостол: руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. М.: Издательство Православного Тихоновского гуманитарного университета, 2005. 848 с.
(Averky (Taushev), archbishop. Four gospels. Apostle: A Guide to the Holy Scriptures of the New Testament, Moscow, 2005, 848 p. — In Russ.)
- Бобылев Б.Г. Рассказ Н.С. Лескова «Несмертельный Голован»: заметки читателя-филолога // Русский язык в школе. 2015. № 3. С. 44—52.
(Bobylev B.G. The story of N.S. Leskov “Non-lethal Golovan”: notes of a reader-philologist, *Russian language at school*, 2015, no. 3, pp. 44—52. — In Russ.)

- Ковалев-Случевский К.П. Георгий Победоносец. Жизнеописание и деяния. М.: Молодая гвардия, 2020. 368 с.
(Kovalev-Sluchevsky K.P. George the Victorious. The biography and the deeds, Moscow, 2020, 368 p. — In Russ.)
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 21—186.
(Losev A.F. Dialectics of myth, *Philosophy. Mythology. Culture*, Moscow, 1991, pp. 21—186. — In Russ.)
- Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. 416 с.
(Leskov N.S. Complete works: in 12 vols., Moscow, 1989, vol. 2, 416 p. — In Russ.)
- Лопухин А.П. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т. Т. VI, VII. Изд. 4-е. М.: Дарь, 2009.
(Lopukhin A.P. Explanatory Bible, or Comments on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament: in 7 vols., vols. VI, VII, 4th ed., Moscow, 2009. — In Russ.)
- Лосский В.Н., Успенский Л.А. Смысл икон / пер. с фр. В.А. Решиковой, Л.А. Успенской. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2014. 336 с.
(Lossky V.N., Uspensky L.A. The meaning of icons, transl. by V.A. Reshchikova, L.A. Uspenskaya, Moscow, 2014, 336 p. — In Russ.)
- Лукьянчикова Н.В. Переосмысление агиографических традиций в повести Н.С. Лескова «Несмертельный Голован» // Тезисы докладов 5-й конференции молодых ученых. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1997. С. 103—108.
(Lukyanchikova N.V. Rethinking of hagiographic traditions in the story of N.S. Leskov «Non-Lethal Golovan», *Abstracts of the fifth Conference of Young Scientists*, Yaroslavl, 1997, pp. 103—108. — In Russ.)
- Майорова О.Е. Рассказ Н.С. Лескова «Несмертельный Голован» и житийные традиции // Русская литература. 1987. № 3. С. 170—179.
(Mayorova O.E. The story of N.S. Leskov «Non-Lethal Golovan» and hagiographic traditions, *Russian Studies in Literature*, 1987, no. 3, pp. 170—179. — In Russ.)
- Минникова Д. Народная религиозность в поэтике цикла «праведники» Н.С. Лескова: особенности воплощения // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей XII Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 60—63.
(Minnikova D. Folk faith in the poetic of “The righteous” cycle by N.S. Leskov: features of implementation, *Actual issues of jurisprudence: collection of articles of the XII International Scientific and Practical Conference*, Penza, 2022, pp. 60—63. — In Russ.)
- Михеева И.Н. Художественная модель мира в цикле Н.С. Лескова «Праведники»: аксиология и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2010. 207 с.
(Mikheeva I.N. Artistic model of the world in the cycle of N.S. Leskov “The righteous”: axiology and poetics: Dissertation Candidate of Sciences (Philology), Yoshkar-Ola, 2010, 207 p. — In Russ.)
- Никитина И.Н., Шелякина И.А. Мифопоэтика «Несмертельного Голована» Н.С. Лескова: языческое и христианское // Мир Н.С. Лескова: поэтика, прагматика, стилистика: Сборник докладов участников Национальной научно-практической конференции, посвященной 190-летию со дня рождения Н.С. Лескова. Брянск: БГУ им. ак. И.Г. Петровского, 2021. С. 385—400.
(Nikitina I.N., Shelyakina I.A. Mythopoeitics of N.S. Leskov’s story “Non-Lethal Golovan”: pagan and Christian, *World of N.S. Leskov: poetics, pragmatics, stylistics: Collection of reports by participants of the national scientific and practical conference dedicated to the 190th birthday of N.S. Leskov*, Bryansk, 2021, pp. 385—400. — In Russ.)

- Полотебнов А.Г. Соборные послания апостола любви св. Иоанна Богослова I, II, III на славянском и русском наречии: Общедоступ. изд. с отд. прил. науч. указаний законоучителя Константиновск. межевого ин-та свящ. магистра Андрея Полотебнова: С предисл. и подробными объясн. прим. М.: Современные известия, 1875. 298 с.
(Polotebnov A.G. Cathedral Epistles of Love Apostle St. John the Theologian I, II, III in Slavonic and Russian. Public edition with a separate application of the scientific instructions of Andrey Polotebnov, the holy master of Konstantinovsky Boundary Institute, Moscow, 1875, 298 p. — In Russ.)
- Ранчин А.М. Матрёна А.И. Солженицына и праведники Н.С. Лескова // Литературоведческий журнал. 2018. № 43. С. 99—111.
(Ranchin A.M. A.I. Solzhenitsyn's Matryona and the righteous men in the works by N.S. Leskov, *The Journal of Literary History and Theory*, № 43, Moscow, 2018, pp. 99–111. — In Russ.)
- Райт Н.Т. Ранние христианские письма. Иаков, Петр, Иоанн и Иуда. Популярный комментарий. М.: ББИ, 2013. 166 с.
(Wright N.T. Early Christian letters for everyone: James, Peter, John and Jude, Moscow, 2013, 166 p. — In Russ.)
- Сахаров И.П. Исследования о русском иконописании. Кн. 1. СПб.: Тип. Якова Трея, 1849. 64 с.
(Sakharov I.P. Research in English icon painting, book 1, St. Petersburg, 1849, 64 p. — In Russ.)
- Столярова И.В. В поисках идеала: (Творчество Н.С. Лескова). Л.: Издательство ЛГУ, 1978. С. 180—216.
(Stolyarova I.V. In searching of an ideal: (N.S. Leskov's creativity), Leningrad, 1978, pp. 180—216 — In Russ.)
- Хализев В.Е., Майорова О.В. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова: сб. статей / сост. В.А. Богданов. М.: Советский писатель, 1983. С. 196—232.
(Khalizev V.E., Mayorova O.V. Leskov's concept of righteousness, *In the world of Leskov: collection of articles*, ed. by V.A. Bogdanov, Moscow, 1983, pp. 196—232. — In Russ.)
- Чистяков Г.П. Размышления с Евангелием в руках. М.: Новый градЪ, 2008. 370 с.
(Chistyakov G.P. Thinking during holding the Gospel in hands, Moscow, 2008, 370 p. — In Russ.)
- Шафранская Э.Ф. Мифопоэтика образа праведника (По рассказу Н.С. Лескова «Несмертельный Голован») // Гуманитарные науки и православная культура: Материалы Второй науч.-метод. конференции. М., 2004. С. 226—233.
(Shafranskaya E.F. Mythopoetics of the image of the righteous (According to the story “Non-Lethal Golovan” by N.S. Leskov), *Humanitarian sciences and Orthodox culture: Materials of the Second scientific method. conference*, Moscow, pp. 226—233. — In Russ.)
- Швецова Т.В. Поступок героя-праведника в цикле Н.С. Лескова // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1 (31). С. 230—234.
(Shvetsova T.V. The act of a righteous hero in the cycle of N.S. Leskov, *The Bryansk State University Herald*, 2017, no. 1 (31), pp. 230—234. — In Russ.)

**“PERFECT LOVE CASTS OUT FEAR...”:
THE FORMS OF THE THEME EMBODIMENT
IN THE STORY “NON-LETHAL GOLOVAN” BY N.S. LESKOV**

Olga V. Evdokimova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg,
 Russian Federation, odnodum8@mail.ru

Alena V. Trofimova

Centre of additional professional education «Alpha-Dialogue», St. Petersburg,
 Russian Federation, alna.trofimova16@gmail.com

Abstract. The article reveals that the theme “Perfect love casts out fear...”, which is stated in the epigraph to N.S. Leskov’s story “Non-Lethal Golovan”, determines the poetics of the whole work and especially the image of the protagonist. The epigraph is firstly attributed to the first epistle of John. It is emphasized that the name of John indicates the theme of perfect love, because it is the central theme in all the texts of this apostle. The forms of embodiment of this theme in the story such as mythopoetics, the image of the rite, the story-remembrance, turn the image of the righteous into the prototype (John the Theologian, George the Victorious, Jesus Christ). The reminiscences, which urge the reader to recall the prototype of the image, are stated and described. Leskov’s reasons and methods of creating an image in the text inherit the technique, language and meaning of the icon. This resemblance may be discovered in the author’s effort to show the face of the saint, and the reader to see him. The study of the interaction between word and image in the artistic system of the Russian classic continues in this article. It is possible thanks to the analysis of poetics, followed by the description of the aesthetic principles of the writer, and to revealing the anagogical properties of the image. There is the depiction of the moment of spiritual victory over evil in Leskov’s story “Non-Lethal Golovan”. That miracle is the plot of all the icons “The Miracle of St. George about the Serpent”. The iconographic image is the archetypal for the verbal one. Both of them have the same process of recollection, which covers the hero-narrator as well as the reader. The story in Leskov’s “righteous” cycle teleologically embodies the theme of perfect love as the theme of insight, “eyes of the soul” enlightenment.

Keywords: the poetics of the story, N.S. Leskov, image, prototype, icon, the forms of the theme embodiment, aesthetic

For citation: Evdokimova O.V., Trofimova A.V. “Perfect love casts out fear...”: the forms of the theme embodiment in the story “Non-Lethal Golovan” by N.S. Leskov, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 13—20.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Евдокимова Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, odnodum8@mail.ru

Evdokimova Olga Vladimirovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, odnodum8@mail.ru

Трофимова Алена Владимировна — куратор образовательных проектов, АНО ЦДПО «Альфа-Диалог», Санкт-Петербург, Россия, alna.trofimova16@gmail.com

Trofimova Alena Vladimirovna — curator of educational projects, the Centre of additional professional education «Alpha-Dialogue», Saint Petersburg, Russian Federation, alna.trofimova16@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 21—30.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 21—30.

Научная статья

УДК 81'25

DOI: 10.46726/И.2023.4.3

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ ДОМЕСТИКАЦИИ И ФОРЕНИЗАЦИИ В ПЕРЕВОДАХ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РОМАНА «ГАРРИ ПОТТЕР И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ» НА РУССКИЙ И ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫКИ

Ольга Николаевна Логутенкова

Русская школа Пафоса, г. Пафос, Кипр, logutenol@mail.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено проблемам перевода еды как одного из самых информативных символов культуры. В работе приводятся результаты анализа и сравнения особенностей использования переводческих стратегий и факторов, обусловивших их выбор, при переводе гастрономического дискурса романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и Философский камень» на русский и греческий языки. Автор приходит к выводу о том, что ведущей стратегией русского перевода явилось использование приёмов, ориентированных на форенизацию, в то время как для греческого перевода в большей степени характерна культурная адаптация, которая является результатом стратегии доместикации. В работе были использованы сравнительно-сопоставительный, описательный методы, методы анализа и классификации.

Ключевые слова: перевод, «Гарри Поттер», доместикация, форенизация, гастрономический дискурс

Для цитирования: Логутенкова О.Н. Реализация стратегий доместикации и форенизации в переводах гастрономического дискурса романа «Гарри Поттер и Философский камень» на русский и греческий языки // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 21—30.

Одной из особенностей детской литературы является ее амбивалентность, обусловленная неоднородностью читательской аудитории. По мнению Рудвина и Орлати, амбивалентные тексты — это тексты, которые «написаны для взрослых и детей, что отражается на всех языковых уровнях» [Rudvin, Orlati: 159]. Такая двойственность создает определенные трудности для переводчика, поскольку сегодня «больше детских книг, чем когда-либо прежде, обращено к двойной аудитории — детям и взрослым, что влечет за собой двойную задачу для переводчика, которому теперь приходится обращаться к обеим аудиториям в переводимой литературе» [Metcalf: 323]. К подобным книгам относится роман «Гарри Поттер», завоевавший любовь самой широкой аудитории всех возрастов по всему миру и переведенный на более семидесяти языков.

Кроме описанной выше амбивалентности, к характеристикам детской литературы, вызывающим сложности при переводе, следует отнести ее коммуникативную асимметрию, которая подразумевает отношения между писателем, взрослым человеком, и читателем — ребенком. Поскольку каждому возрастному этапу соответствует качественно своеобразный тип сознания, можно говорить об асимметрии

коммуникативных и когнитивных структур, которая объясняется тем, что авторы детских книг и их адресаты имеют разный уровень знаний и опыта.

Помимо этого, обладая определенным педагогическим потенциалом, детская литература не только служит средством умственного и нравственного воспитания ребенка, но и способствует развитию и обогащению речи, что накладывает определенные обязательства как на авторов, так и на переводчиков подобных текстов. Таким образом, перед переводчиком детской литературы стоит непростая задача: создать текст, отвечающий нормам культуры языка перевода и доступный для восприятия носителями этой лингвокультуры, сохранив при этом не только сюжетную канву, но и литературный стиль автора, а также специфические инокультурные черты исходного текста. Дебора Холлфорд утверждает, что «переводная детская литература способна сломать географические, языковые и расовые барьеры» и что «изучение других культур через литературу является обогащающим опытом, который открывает новые горизонты и стимулирует новые идеи» [Hallford: 4].

Культурный компонент является важным фактором, который необходимо учитывать при создании переводов литературных произведений, и это центральная тема, вокруг которой было проведено множество исследований и дебатов в области переводоведения. Очевидно, что перевод как акт межкультурной коммуникативной деятельности ставит перед переводчиком ряд проблем, которые являются естественным следствием различий языков и культур. Культурно-специфические элементы, включенные в роман о Гарри Поттере, способствуют созданию убедительно реальной британской обстановки, в которой происходят события. Обилие таких национально-культурных элементов, как английские имена собственные, гастрономические термины, географические места и др., с одной стороны, демонстрируют национальную принадлежность книги, а с другой — способствуют развитию сюжета. Культурно-специфические элементы имеют огромное значение при переводе детской литературы, поскольку они играют немаловажную роль как в формировании культурной идентичности и мировоззрения ребенка, так и в расширении его знаний и понимания других культур. Выявление и обработка таких элементов представляют собой сложную задачу для переводчиков, и каждый из них решает её по-своему.

Целью данной работы является анализ и сравнение особенностей использования переводческих стратегий и факторов, обусловивших их выбор, при переводе гастрономического дискурса романа «Гарри Поттер» на русский и греческий языки.

Материалом исследования послужил роман Дж.К. Роулинг «Harry Potter and the Philosopher's Stone», его перевод на русский язык, выполненный И.В. Оранским (издательство «Росмэн»), и перевод на греческий язык, выполненный Майей Рутсу (издательство «Psychogios»).

Актуальность исследования заключается в том, что в эпоху глобализации проблема перевода выходит за рамки технического взаимодействия структур различных языков, поскольку переводчик становится проводником в мир новых культур, а следовательно, от него требуется не только высокий уровень владения языками, но и знание экстралингвистических факторов, определяющих взаимовлияние языка, культуры и мышления.

Различают два основных направления переводческой процедуры: перевод, направленный на точное воспроизведение источника с сохранением всех инокультурных деталей, и перевод, ориентированный на целевую аудиторию. Первый подход выступает за сохранение исходного языка и культурных

особенностей, тогда как второй — за слияние исходного текста с культурой языка перевода. Связанные с этими противоположными переводческими стратегиями термины доместикации и форенизации были введены в переводоведение в конце XX века американским лингвистом Л. Венути в 1995 году [Venuti 1995: 18], хотя впервые эти понятия были использованы немецким философом Ф. Шлейермахером в 1813 году. Оба ученых оправдывали преимущества стратегии форенизации, утверждая, что переводчик должен концентрироваться не только на текстовом содержании, но и на передаче духа иностранного языка и писателя. В своей знаменитой лекции «О различных способах перевода» Ф. Шлейермахер настаивал на том, чтобы переводы с разных языков на немецкий читались и звучали по-разному: читатель должен понимать, что за переводом с испанского стоит испанский, а за переводом с греческого — греческий. Ученый утверждал, что если все переводы будут восприниматься одинаково, то самобытность исходного текста будет утрачена [Yang: 78].

Если форенизация — это стратегия перевода, ориентированная на исходную культуру, то доместикация предполагает перевод, который ориентирован на целевую культуру и в котором чужеродные элементы трансмутируются и заменяются на более знакомые читателю. Применяя метод доместикации, переводчики адаптируют текст к ценностям целевой культуры, как в языковом, так и в культурном плане. Это можно назвать «скрытым переводом», поскольку особенности текста исходной культуры рассеиваются и заменяются атрибутами, знакомыми адресату переведенного текста.

Каждая из описанных стратегий имеет свои достоинства и недостатки, и споры о переводах, основанных на доместикации и форенизации, можно рассматривать как продолжение дебатов о вольном и буквальном переводе, однако, поскольку в данной работе исследуются вопросы перевода детской литературы, очевиден тот факт, что основной задачей переводчика в таком случае должно быть появление адекватного перевода с учетом того, что читательские способности детей не так развиты, как у взрослых, а их знания о мире ограничены.

Согласно Гольдштейну, проблемы, с которыми сталкиваются переводчики при переводе романа о Гарри Поттере на другие языки, лежат не только на лингвистическом, но и на культурном уровнях [Goldstein]. Он приводит список элементов, представляющих серьезные трудности для переводчика, который включает имена собственные, наименование магических существ, выдуманные слова, заклинания и говорящие имена, а также многочисленные элементы британской культуры. Ученые в области переводоведения предложили различные стратегии работы с такими культурными отсылками. Венути указывает, что культурный термин может быть либо адаптирован к местным условиям, чтобы сделать его приемлемым в культуре перевода, либо переведен с помощью приемов форенизации, чтобы сохранить самобытность исходной культуры [Venuti 1998]. Ньюмарк выделяет различные стратегии, включающие натурализацию, культурную эквивалентность, синонимию, транспозицию и модуляцию. Отечественный ученый В.С. Виноградов предлагает следующие способы перевода реалий: транскрипция и транслитерация, гиперонимический перевод, уподобление, перифрастический (описательный) перевод, калькирование [Виноградов: 61—63]. В.Н. Комиссаров использует такие переводческие приёмы, как транскрибирование и транслитерация, калька, лексические замены, описание, модуляция [Комиссаров]. Стратегии, предложенные различными учеными, во многом схожи. Дэвис отмечает, что книги романов о Гарри Поттере дают возможность сравнить тактики, используемые в разных

переводах. Она считает, что роман о Гарри Поттере предоставляет богатый материал для всех, кто хочет узнать, как профессиональные переводчики работают с культурно-специфическими реалиями [Davies: 65].

Классификации видов реалий разнообразны, из них наиболее развернутая предложена С. Влаховым и С. Флориним, которая включает, наряду с прочими, гастрономические реалии, входящие в категорию этнографических реалий быта [Влахов, Флорин: 51]. Еда часто используется в детской литературе как средство вхождения в художественный мир, как некий символ общности и единения читателя с героями, а также как главный признак уровня бытовой стабильности. Поскольку эти фрагменты несут в себе глубокие культурные смыслы, стратегии переводчиков важны для того, чтобы ритуал функционировал аналогичным образом в новом культурном контексте. Гастрономический дискурс по своей форме и структуре вмещает в себя большой набор экстралингвистических свойств, он отражает культурные, языковые, этнические и идеологические картины мира. Описание или упоминание приемов пищи в художественной литературе — это всегда нечто большее, чем просто удовлетворение физиологических потребностей, как утверждает антрополог Ж. Беоку-Беттс, изучение еды дает «большой потенциал для понимания социальных отношений, построения знаний и культурных идентичностей в сообществах» [Beoku-Betts: 535].

Приемы пищи, банкеты и званые обеды на протяжении веков были обычным явлением в литературе, отражающей ценности западной культуры, и роман «Гарри Поттер и философский камень» продолжает эту традицию. Пищевые реалии, которыми богаты романы о Гарри Поттере, становятся мостом между персонажами и читателем, помогающим войти в ирреальный художественный мир. Отсутствие нормальной еды — символ жизни Гарри у Дурслей, в то время как изобилие еды становится символом его жизни в Хогвартсе. Это ярко продемонстрировано в описании банкета в начале семестра, когда стол накрыт его любимыми блюдами: *He had never seen so many things he liked to eat on one table: roast beef, roast chicken, pork chops and lamb chops, sausages, bacon and steak, boiled potatoes, roast potatoes, chips, Yorkshire pudding, peas, carrots, gravy, ketchup and, for some strange reason, mint humbugs*³.

Русский перевод сохраняет полный список продуктов, включая переведенный с помощью транслитерации «йоркширский пудинг», который скорее ассоциируется у русскоязычного читателя с десертом: *Гарри никогда не видел на одном столе так много своих любимых блюд: ростбиф, жареный цыпленок, свиные и бараньи отбивные, сосиски, бекон и стейки, вареная картошка, жареная картошка, чипсы, йоркширский пудинг, горох, морковь, мясные подливки, кетчуп и непонятно как и зачем здесь оказавшиеся мятные леденцы*⁴.

В греческом переводе мы сталкиваемся с явным упрощением исходного текста и приёмами доместикации. Вместо ростбифа — ψητό του φούρνου (жаркое с картофелем — традиционное греческое блюдо на праздничном столе), вареная картошка заменена пюре. Бекон, стейки, йоркширский пудинг и мятные леденцы опущены, а на мясную подливку (gravy) сохранился лишь намёк в словосочетании διάφορες σάλτσες (различные соусы): *Τα πιάτα στο τραπέζι ήταν τότε γεμάτα και ποτέ στη ζωή του δεν είχε δει τόσα πολλά απ' τα αγαπημένα του φαγητά μαζί: ψητό του φούρνου με πατάτες, χοιρινό ψητό, κοτόπουλο*

³ Здесь и далее текст оригинала цитируется по изданию: [Rowling].

⁴ Здесь и далее русский перевод приводится по изданию: [Ролинг].

*ψητό, μπριζόλες και λουκάνικα στα κάρβουνα, πουρές, τηγανητές πατάτες, καρότα και αρακάς, διάφορες σάλτσες, ακόμη και κέτσαп!..*⁵

Подобная ситуация встречается также в переводах сцены рождественского ужина, который в оригинале включает традиционные для английской культуры элементы: индейку, жареный картофель, несколько видов овощей и клюквенный соус, за которыми следует рождественский пирог с монеткой, спрятанной внутри и приносящей удачу тому, кто ее найдет. Кроме того, пирог обычно поливают бренди и поджигают непосредственно перед подачей на стол.

A hundred fat, roast turkeys, mountains of roast and boiled potatoes, platters of fat chipolatas, tureens of buttered peas, silver boats of thick, rich gravy and cranberry sauce — and stacks of wizard crackers every few feet along the table... Flaming Christmas puddings followed the turkey. Percy nearly broke his teeth on a silver Sickle embedded in his slice.

В русском переводе сохранены блюда, предлагаемые в оригинале, хотя они в значительной степени отличаются от того, что русскоязычные дети привыкли видеть на праздничном рождественском столе. Помимо жареного горошка и рождественского пудинга, представить которые детям, не знакомым с британской культурной жизнью лично, довольно сложно, в переводе мы сталкиваемся с серебряным «сиклем», чуть не ставшим причиной поломанного зуба Перси, значение которого остается загадкой для читателя: *На столе красовались сотни жирных жареных индеек, горы жареного и вареного картофеля, десятки мисок с жареным зеленым горошком и соусников, полных мясной и клюквенной подливки, — и башни из волшебных хлопушек... Вслед за индейкой подали утыканные свечками рождественские пудинги. Пудинги были с сюрпризом — Перси чуть не сломал зуб о серебряный сикль, откусив кусок пудинга.*

В греческом же варианте переводчик постоянно прибегает к стратегии доместикации, если речь идёт о чужеродных для культуры целевой аудитории пищевых терминах, и использует трансформационные переводческие приемы замены, опущения и добавления. Так, жареный горошек в переводе на греческий язык заменён варёным, клюквенные и мясные подливки — вкусными соусами, а башни из волшебных хлопушек — пирамидами золотистых апельсинов и мандаринов, ярко-красных яблок и желтых бананов: *Та μεγάλη τραπέζια ήταν φορτωμένα με περισσότερες από εκατό ψητές γαλοπούλες, βουνά από ψητό του φούρνου με πατάτες, Βαθιές σουπιέρες με βραστά καρότα και αρακά, δοχεία με νόστιμη σάλτσα, δίσκους με λαχταριστές πουτίγκες και ολόκληρες πυραμίδες από χρυσά πορτοκάλια και μανταρίνια, κατακόκκινα μήλα και κατακίτρινες μπανάνες.*

В данном случае очевидны две крайности перевода: частичное стирание национально-культурной специфики оригинала в греческом варианте и, наоборот, полное сохранение национально-культурной информации, содержащейся в оригинальном тексте даже там, где у читателя могут возникнуть сложности с пониманием текста.

Приемы, которые были использованы при переводе проанализированных нами экспонентов кулинарного кода на русский и греческий языки, затрагивают в первую очередь лексический уровень гастрономического дискурса, в связи с чем именно лексические трансформации были систематизированы нами в зависимости от следования переводчиком стратегии доместикации или форенизации и на основе классификаций, предложенных такими учеными, как Венути [Venuti 1998], Комиссаров [Комиссаров] и др., что отражено в таблице 1.

⁵ Здесь и далее перевод на греческий язык приводится по изданию: [Ρόουλιγκ].

Таблица 1

Доместикация	Форенизация
лексические добавления	транскрипция
лексические опущения	транслитерация
лексические замены	дословный перевод
генерализация	

Сопоставительный анализ переводов гастрономических включений романа «Гарри Поттер и философский камень» на русский и греческий языки показал, что ведущей стратегией русского перевода явилось использование приёмов, ориентированных на исходный текст, таких как дословный перевод и транслитерация, в то время как для греческого перевода в большей степени характерна культурная адаптация, включающая замены, добавления и опущения. Даже в тех случаях, когда мы видим использование методов доместикации в обоих переводах исходного текста, уровень культурной адаптации в греческом варианте, как правило, значительно выше. Например, в переводах следующего отрывка произведены лексические замены понятий, выраженных в английском варианте словами *crumpets* и *marshmallows*, однако, если в русском переводе эти замены представлены в рамках общего родового понятия, то в греческом вместо сладостей и выпечки мы видим кукурузу и каштаны: *They sat by the hour eating anything they could spear on a toasting fork — bread, crumpets, marshmallows and plotting ways of getting Malfoy expelled, which were fun to talk about even if they wouldn't work* (англ.). — *Поэтому они <...> сидели там часами, нанизывая на длинную металлическую вилку принесенные из Большого зала кусочки хлеба, лепешки и кругляши зефира, поджаривая их на открытом огне и с аппетитом поедая* (рус.) — *Έτσι κάθονταν <...> ψήνοντας κάστανα, καλαμπόκι και ψωμί και κάνοντας σχέδια για το πώς να πετύχουν την αποβολή του Μαλφой από το σχολείο* (греч.). Традиционная английская выпечка (*crumpets*) заменена в русском переводе на *лепешки* — изделие, содержащее схожие ингредиенты, но традиционное для русской культуры. Маршмеллоу (*marshmallows*), известное сегодня многим детям, также заменено традиционным русским *зефиром*, который имеет подобный состав. В греческом же переводе нет и намёка на оригинальные сладости — вместо них дети жарят на огне *каштаны* и *кукурузу*, поскольку именно эти пищевые продукты более естественно воспринимаются грекоязычной аудиторией как традиционная еда, приготовленная на огне. Оба переводчика выбирают стратегию доместикации в целях создания текста, ориентированного на целевую культуру, но прибегают к разным уровням культурной адаптации.

Нередки случаи использования обоими переводчиками метода генерализации (замены единицы исходного языка с узким значением единицей языка перевода с более широким значением), когда гастрономические реалии британского текста в русском и греческом вариантах заменяются их общими родовыми понятиями, например: *Tanks for the fudge and the jumper, Mrs. Weasley* (англ.). — *Большое вам спасибо за свитер и сладости, миссис Уизли* (рус.). — *Ευχαριστώ για το πουλόβερ και τα γλυκά, κυρία Ουέσλι* (греч.).

И в русском, и в греческом переводах наблюдается замена конкретной разновидности десерта родовым понятием «сладости» (*γλυκά*), что нивелирует британскую национально-культурную специфику, но делает текст перевода более простым и доступным для детского восприятия.

Лингвокультурная адаптация, происходящая в процессе перевода, наблюдается и в случаях применения обоими переводчиками методов генерализации и замены в следующих примерах *toffee* > *γεύση του καφε* (кофейный вкус) > *конфетка* и *treacle tarts* > *πουτίγκες* (пудинги) > *фруктовые торты*, благодаря чему в тексте появляются знакомые читателю элементы пищевого кода. Интересно отметить, что при переводе второго продукта — пирога с патокой — на греческий язык лексическая замена произведена с помощью британского заимствования (от англ. *pudding*), которое используется переводчиком для того, чтобы сохранить некоторый колорит британской культуры, изменяя при этом вид пирога. В русском переводе в первом случае использован прием генерализации, а во втором произведена замена с целью культурной адаптации, и малознакомые русскому ребенку пироги с патокой превратились во фруктовые торты.

Примеры некоторых других случаев перевода гастрономического дискурса, демонстрирующих разный подход переводчиков, приведены в таблице 2.

Таблица 2

Оригинал	Русский перевод	Греческий перевод
Mrs Figg's cabbage-smelling living-room.	Пропахшей кабачками гостинной миссис Фигг. — прием лексической трансформации: замена	το σπίτι της κυρίας Φιγκς που μύριζε λάχανο (капуста). — прием лексической трансформации: прямой перевод
They ate stale cornflakes and cold tinned tomatoes on toast for breakfast.	На завтрак им подали заплесневелые кукурузные хлопья и кусочки поджаренного хлеба с кислыми консервированными помидорами. — прямой перевод	Την άλλη μέρα είχαν για πρωινό κορνφλέικς με παγωμένο γάλα και πολυκαίρισμένο τυρί με φρυγανιές. (хлопья с холодным молоком и тертый сыр с поджаренным хлебом) — замена
But the woman didn't have Mars Bars . What she did have were Bertie Bott's Every-Flavour Beans, Drooble's Best Blowing Gum, Chocolate Frogs, Pumpkin Pasties, Cauldron Cakes, Licorice Wands and a number of other strange things.	Но у женщины не было батончиков «Марс» . На ее лотке лежали пакетики с круглыми конфетками-драже «Берти Ботте» , которые, если верить надписи на пакетиках, отличались самым разнообразным вкусом. Еще у нее была «лучшая взрывающаяся жевательная резинка Друблс », «шоколадные лягушки», тыквенное печенье, сдобные котелки, лакричные палочки и прочие сладости. — прямой перевод, транслитерация	Η ροδομάγουλη γυναίκα, όμως, δεν είχε σοκολάτες (шоколадных конфет) είχε μόνο άγνωστα στον Χάρι γλυκά, με περίεργα ονόματα, όπως κολοκυθόπιτες, φτερά νυχτερίδας (тыквенные пироги, крылья летучей мыши) κι άλλα παρόμοια. — генерализация, опущение

pumpkin pasty	тыквенное печенье — прямой перевод	κολοκυθόπιτα (тыквенный пирог) — замена
steak	стейк — транскрипция	ψητό λουκάνικο (жареная сосиска) — замена
steak and kidney pie	пирог с говядиной и почками — прямой перевод	ένα κομμάτι ψητό κρέας (кусочек жареного мяса) — прямой перевод

Эти примеры показывают, что если русский перевод стремится к дословности и лингвистической эквивалентности, то греческий допускает в сравнении с ним гораздо большую степень самостоятельной инициативы переводчика и демонстрирует постоянное стремление последнего к поиску культурного эквивалента английских пищевых терминов, апеллирующих к языковой картине мира реципиента принимающей лингвокультуры, что, однако, не всегда оправдано. Каждый раз, сталкиваясь со специфичными для британской культуры пищевыми терминами, греческий переводчик заменяет их теми, которые более легко воспринимаются детьми, говорящими на греческом языке. Так, пончики превращаются в булочки, лимонный шербет — в лимонную карамель, каша — в кукурузные хлопья, стейк — в сосиски, а вместо кетчупа на сосисках (не представляющего ничего необычного для ребенка, проживающего в Греции) появляется мёд на блинах.

В других случаях греческий переводчик делает выбор в пользу приёма опущения, когда речь идет о совершенно незнакомых или специфических пищевых терминах английского языка, отсутствие которых, по его мнению, не влияет на развитие сюжета романа. Такими случаями полного опущения являются пищевые реалии Droobles Best Blowing Gum, Cauldron Cakes, йоркширский пудинг и др., в результате чего обширная часть информации о кулинарной культуре волшебного мира теряется в процессе перевода на греческий язык, но сохраняется в русском переводе.

Таким образом, анализ отобранного корпуса переводов гастрономических включений романа о Гарри Поттере на русский и греческий языки показывает, что каждый переводчик, следуя основной цели адекватной передачи смысла исходного текста, стремился донести его до своей целевой аудитории максимально понятным и близким языком, используя различные переводческие стратегии. Изменения, внесенные греческой переводчицей, соответствуют ее общей тенденции к трансформации оригинального текста с целью приблизить его к целевому читателю. Русский переводчик, напротив, предпочитает в большинстве случаев буквальный перевод. Различия в подходах демонстрируют, что перевод любых реалий всегда затрагивает взаимосвязь языка и культуры и требует умелой реализации переводческих стратегий и методов для достижения максимально точной передачи информации, заключенной в оригинальном тексте.

Список литературы / References

- Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
(Vinogradov V.S. Introduction to translation studies (general and lexical issues), Moscow, 2001, 224 p. — In Russ.)

- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 366 с.
(Vlahov S., Florin S. Untranslatable in translation, Moscow, 1980, 366 p. — In Russ.)
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
(Komissarov V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects): Textbook for Institutes and Faculties of Foreign Languages, Moscow, 1990, 253 p. — In Russ.)
- Ролинг Дж.К. Гарри Поттер и Философский камень: Роман / пер. с англ. И.В. Оранского. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2000. 399 с. URL: https://4italka.ru/detskoe/priklucheniya_dlya_detey_i_podrostkov/407616/fulltext.htm
(дата обращения: 25.12.2022).
(Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone, transl. from English by I.V. Oranskiy, Moscow, 2000, 399 p. — In Russ.)
- Beoku-Betts J.A. We Got Our Way of Cooking Things: Women, Food, and Preservation of Cultural Identity among the Gullah, *Gender and Society*, 1995, 9 (5), pp. 535—555.
- Davies E.E. A Goblin or a Dirty Nose: The Treatment of the Cultural-Specific References in Translations of the Harry Potter Books, *The Translator*, 2003, 9 (1), pp. 65—100.
- Goldstein S. Translating Harry — Part 1: The Language of Magic. 2004. URL: <http://www.translorial.com/translation/translating-harry-part-i-the-language-of-magic/> (accessed at 10.12.2022).
- Hallford D. Introduction to Outside In, Children's Books in Translation, ed. by Hallford D., Zaghini E., Chicago: Millet Publishing, 2005, pp. 3—5.
- Metcalf Eva M. Exploring Cultural Difference Through Translating Children's Literature, *Translation's Journal*, 2003, vol. 48, pp. 322—327. URL: <http://id.erudit.org/erudit/006978ar> (accessed at 10.12.2022).
- Newmark P. Approaches to Translation, Hertfordshire: Prentice Hall, 1988, 200 p.
- Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone, London: Bloomsbury, 2004, 607 p. URL: https://onlinereadfreenovel.com/j-k-rowling/1301-harry_potter_and_the_philosophers_stone_read.html (accessed at 10.11.2022).
- Rudvin M., Orlati F. Dual Readership and Hidden Subtext in Children's Literature: The Case of Salman Rushdie's Haroun and the Sea of Stories, *Children's Literature in Translation: Challenges and Strategies*, Manchester: St. Jerome Publishing, 2006, pp. 157—184.
- Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation, London, New York City: Routledge, 1995, 344 p.
- Venuti L. Strategies of translation, *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*, ed. by Mona Baker, London: Routledge, 1998, pp. 240—244.
- Yang W. Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation, *Journal of Language Teaching and Research*, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 77—80.
- Ρούλιγγκ Τζ. Κ. Ο Χάρι Πότερ και η Φιλοσοφική Λίθος, Αθήνα: Εκδόσεις Ψυχογιός, 2001, 349 σ. URL: http://dim-agnant.kar.sch.gr/autosch/joomla15/images/bibliothiki/biblia/kseni_logotexnia/pezografia/H_Filosofiki_Li8os.pdf (accessed at 10.12.2022).
(Rowling, Dzh.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone, Athens, 2001, 349 p. — In Greek.)

**REALIZATION OF THE STRATEGIES OF DOMESTICATION
AND FOREIGNIZATION IN TRANSLATIONS
OF THE GASTRONOMIC DISCOURSE OF THE NOVEL
“HARRY POTTER AND THE PHILOSOPHER'S STONE”
INTO RUSSIAN AND GREEK**

Olga N. Logutenkova

Russian School of Paphos, Paphos, Cyprus, logutenol@mail.ru

Abstract. This research is devoted to the problems of translation of food as one of the most informative symbols of culture. The article presents the results of the analysis and the comparison of the peculiarities of translation strategies' usage and the factors which determined their choice when translating the gastronomic discourse of the novel “Harry Potter and the Philosopher's Stone” by J. K. Rowling into Russian and Greek. The author concludes that the leading strategy of the Russian translation was the use of techniques focused on foreignization, while the Greek translation is more characterized by cultural adaptation, which is the result of the strategy of domestication. The following methods were made use of in the article: the method of comparison and collation, descriptive methods, methods of analysis and classification.

Keywords: translation, “Harry Potter”, domestication, foreignization, gastronomic discourse

For citation: Logutenkova O.N. Realization of the strategies of domestication and foreignization in translations of the gastronomic discourse of the novel “Harry Potter and the Philosopher's Stone” into Russian and Greek, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 21—30.

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 13.04.2023; approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Логутенкова Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель русского языка, Русская школа Пафоса, г. Пафос, Кипр, logutenol@mail.ru

Logutenkova Olga Nikolaevna — Candidate of Sciences (Philology), Senior Teacher of Russian, Russian School of Paphos, Paphos, Cyprus, logutenol@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 31—37.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 31—37.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"-2

DOI: 10.46726/И.2023.4.4

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ОППОЗИЦИИ «ПРИРОДА» — «КУЛЬТУРА» В ПЬЕСЕ А.П. ЧЕХОВА «ЧАЙКА»

Евгений Евгеньевич Прощин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, filnov@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования является оппозиция природы и культуры в пьесе Чехова как выражение конфликта эстетизма и панэстетизма. Объектом исследования стало одно из самых известных произведений писателя, а именно пьеса «Чайка». Автор статьи показывает причастность конфликта пьесы к актуальным на рубеже XIX—XX столетий эстетическим концепциям. Особое внимание уделено сходству и отличиям художественного метода Чехова в его одновременном притяжении-отталкивании от концепций набирающего популярность модернизма. Ключевое направление исследования — анализ антитезы образов Тригорина и Треплева в свете концепции судьбы, творчески предложенной писателем в пьесе. Новизна исследования заключается в предлагаемой идее неизбежной повторяемости судьбы вследствие неизбежности доминанты культуры в жизненном пути героев. В статье впервые ставится вопрос о концептуальном воздействии творческой доминанты на биографию персонажей пьесы как негативном триумфе эстетизма и единственно возможном варианте её преодоления. Подробно проанализированы образные и мотивные аспекты, которые позволяют раскрыть динамику смены панэстетических предпосылок судьбы на их реализацию в духе эстетизма как разрушения гармонического соотношения природных и культурных начал. Особое внимание уделено творческой составляющей героев, актуализирующей метатекстуальный уровень пьесы.

Ключевые слова: драматургия, культура, природа, театр в театре, А.П. Чехов

Для цитирования: Прощин Е.Е. Эстетический контекст оппозиции «природа» — «культура» в пьесе А.П. Чехова «Чайка» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 31—37.

Одно из неизбежных следствий развития культуры — расширение ее текстуального (в семиотическом смысле слова) объема, который на определенном этапе количественного приращения начинает требовать метаописания. Данная потребность с такой же неизбежностью порождает специальные дисциплины, и это является основным вариантом рефлексии *по поводу* текста. Несмотря на эту возможность, автор может заключить культурную рефлексию в рамках своего текста. В данном случае использование метаязыка и шире — наличие всякого рода моделей описания текста — подчиняется не научной, а художественной специфике, предполагая, к примеру, такую особенность любой культурной единицы как множественность ее интерпретаций, обусловленную несводимостью к только одной, «монологической» трактовке.

Для культуроцентричных эпох наличие текстов, так или иначе имеющих уровень «художественного метаописания» (будем пользоваться этим термином, отличая его от собственно метаязыка), по всей видимости, абсолютно

© Прощин Е.Е., 2023

необходимо. «Чайка» Чехова крайне показательный тому пример. Выделяя такую особенность пьесы, как прием «театра в театре», являющийся частным случаем метатекстуальной модели «текст в тексте», можно воспринять оппозицию двух героев, Тригорина и Треплева, в качестве простейшего и вроде бы очевидного решения вопроса о чеховских пристрастиях к реализму или модернизму. Можно усложнить интерпретацию данной оппозиции, объявив обе художественные системы равно несущественными, что ближе к пьесе, где отношения героев никак не укладываются в привычную сюжетную модель «гений — бездарность» или хотя бы «гений — талант», но могут быть рассмотрены и на уровне метатекстуальной иронии соотношения понятий «автор» и «герой»: «Не только Тригорин-писатель ищет сюжеты и персонажей для своих романов, но и персонажи ищут автора» [Козлова: 54].

Наша задача совсем иная — эксплицировать на разных уровнях смысл приема «театр в театре», указать на ту семантическую инверсию, которая в итоге может быть обнаружена. В этом может помочь соотнесенность, условно говоря, «реальности сюжета» и надстоящего над ним метатекста как множества «сюжетов будущего», принадлежащих героям и постоянно провоцирующих и реализующих различные модели реальности.

Если оттолкнуться от несомненной соотнесенности в самом тексте Тригорина с реализмом, а Треплева — с модернизмом, то сразу обращает на себя внимание отсутствие авторского пафоса по этому поводу: Чехов несколько не декларирует отход Треплева от символизма как доказательство художественной правоты Тригорина. Напротив, последний, настаивающий на внимательности художника к жизни, не кажется слишком талантливым писателем, хотя так о нем отзываются другие. Не менее очевиден и дилетантский характер пьесы Треплева о Мировой душе, что замечают сами герои, хотя в дальнейшем, перейдя от драмы к прозе, тот становится, по крайней мере, «стабильным» автором, по сути, повторяя путь Тригорина. Суть вообще не в отношениях героев как таковых, потому что имплицитная форма метатеатральности «связана не с сознанием персонажей, а с кругозором автора, который намеренно создаёт театр там, где, кажется, нет никакой игры, когда герои ведут себя вполне естественно и органично, не думая о том, что они невольны и неосознанно оказались в роли актёров. Такая театральность, несмотря на латентный характер, всё-таки должна маркироваться автором, оставляющим едва заметные знаки или сигналы театра, необходимые для его опознания» [Кубасов: 78]. Поэтому нас интересует другое — так ли однозначно все это может быть осмыслено, *несмотря на* заявленный в тексте смысл, и эту коррекцию можно осуществить, рассмотрев эстетический фон чеховской драматургии, связанный с проблемой соотношения природы и культуры, в то время столь важной для набирающих силы модернистских явлений.

Первичность природы или культуры — традиционный для эстетики вопрос. Модернистское сознание крайне с ним связано, и это получает разрешение в двух основных концепциях — эстетизма и панэстетизма. Обе они основаны на идее первичности культуры перед природой, хотя осмыслено это совершенно по-разному. Эстетизм изначально связан с априорной культурной «селекцией», соотношением всякого явления или с культурой, или с природой, что почти совпадает с традиционной моделью романтического двоемирия, если бы не модернистский, абсолютно солипсический статус художника в эстетизме, являющегося единственным интерпретантом культурного или акультурного характера явления.

Напротив, панэстетизм предполагает как явную культурность объекта, так и ее имплицитность, выявление которой переводит объект в разряд культуры.

Таким образом, эстетизм предполагает наличие резкой границы между культурой и природой, тогда как панэстетизм — это попытка их интеграции с помощью своеобразной перекодировки внешне природных явлений: «термин “панэстетизм” (как доминантная примета “картины мира” и поэтики символизма) никоим образом не синоним “эстетства” и апологии Красоты. Речь идет совершенно об ином — о восприятии и художественном воссоздании мира как, в основе своей, “эстетического феномена” и в свете тех или иных эстетических представлений, например, в художественных или критико-теоретических оппозициях: красота — безобразие; гармония (целостность) — дисгармония (раздробленность); гармония (космос) — дисгармония (хаос); искусство (“мечта”) — “проза жизни”; творчество — внетворческий мир “мещанства” и т. д.» [Минц: 179].

Однако реализация подобной модели на практике сталкивается с известной трудностью. Сами модернистские авторы, приверженцы панэстетизма, указывают на опасность скальзывания панэстетизма в эстетизм, на то, что идея панэстетизма утопична и внутренне мало отличается от эстетизма.

Причина этому — повышенный статус автора. В обоих случаях объективный критерий отсутствует, все сходится в самом поэте, а это значит, что любое явление, претендующее на статус «реальности» или «высшей реальности», не вполне определяемо, что в итоге приводит к ощущению утраты реальности. Отметим, что пафос панэстетизма изначально направлен именно на восстановление «реальности», при этом понимаемой как «будущее», что демонстрирует известный мистериальный характер панэстетизма, определяя основную функцию произведения как явления, меняющего мир, что само по себе способно засвидетельствовать реальность. Однако эстетическое всё равно остается ключом к этой реальности, которая не может быть репрезентирована без него: «Если эстетизм исключает из своего художественного мира любое нехудожественное явление, то панэстетизм постулирует тотальную эстетизацию всех сфер бытия и функций сознания» [Ханзен-Леве: 51]. Эта теория в дальнейшем не менее ярко скажется в искусстве авангарда, но и для конца 19 века, когда создавалась «Чайка», оппозиция эстетизма и панэстетизма уже подверглась осмыслению.

Будет нелишним соотнести данную оппозицию с оппозицией Тригорин — Треплев. На наш взгляд, в сопоставлении героев несколько не доказуема антитеза реализма и модернизма, вроде бы репрезентируемая представлениями героев об искусстве. Фигура Тригорина — очень характерное воплощение многих художественных стратегий эстетизма. Можно начать с указания на его постоянную привычку к моделированию жизненных ситуаций, что становится основной для литературного сюжета и бережно фиксируется в знаменитой записной книжке. Наиболее известен сюжет о чайке, который становится своеобразным «сюжетом будущего» героев, вроде бы точно указывая на дальнейшие судьбы Нины и Тригорина.

Не менее показательна жизнеорганизующая роль тригоринского текста и в случае откровенного признания Нины в своих чувствах к Тригорину. Это осуществляется не напрямую, а через цитату из его книги «Дни и ночи» (снова отметим ее «жизненное», а не «литературное» название): «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее», — и снова вроде бы приводит к необходимому результату. На первый взгляд, Тригорин выглядит типичным модернистским «демиургом» декадентского толка, рассматривающим «реальность» как материал для культуры и имеющим над ней особую власть, то есть занимающимся тем, что исследователь называет «семиотизация действительности» [Смирнов: 25]. Но это не так. Если внимательно проанализировать соотношение тригоринских «сюжетов будущего» с настоящим

будущим героев, то ничего из того, что придумывает и пишет Тригорин, не реализуется. Вернее, общие контуры судьбы примерно совпадают, но получают другое объяснение: в них совсем нет той дешевой мелодраматичности, которая так характерна для писаний героя. Сам Тригорин закономерно предстает до крайности пассивной фигурой. Он не просто ничего не пишет, он никогда не делает первый шаг в отношениях и ждет реакции на него других героев. Символично в этом плане его увлечение рыбной ловлей, максимально сопоставимое с творческой манерой. Рыбалка — самое несамостоятельное из всех видов охоты занятие, требующее как раз терпеливого ожидания и учета случайности. Собственно, сам герой очень точно проговаривает абсолютно пассивный характер рыбалки и степень удовольствия, получаемую от подобного процесса: «Я люблю удить рыбу. Для меня нет больше наслаждения, как сидеть под вечер на берегу и смотреть на поплавок» [Чехов: 17].

Подобным же образом Тригорин «выуживает» сюжеты из жизни, как он выуживает рыбу из озера на самом деле. Более того, когда герой говорит о своем писательском методе, в его словах проявляется характерная именно для эстетизма боязнь зависимости от своего собственного творчества. Можно сказать, что он буквально поработан своим собственным дискурсом, полностью заслоняющим его от жизни.

То есть для Тригорина происходит то, что и должно случиться, — реальность утрачивает свой достоверный и находимый статус, превращаясь в игру без начала и конца. Характерно, что Тригорин, наряду с рыбалкой, ценит театр, важный здесь не в своей художественной, а игровой ипостаси.

Фигура Треплева, напротив, с самого начала связана с панэстетическими устремлениями. Его пьеса о Мировой душе существует не просто на сцене, она как бы вписана в пейзаж, что свидетельствует о попытке преодолеть границу между «природой» и «культурой». Но эта попытка не реализована до конца: эстрада и кулисы здесь слишком ощутимы из-за дилетантского характера постановки, и именно бросающаяся в глаза бутафория и неумелая игра Нины вызывают смех у зрителей. Закономерно, что дальнейшая судьба Треплева является дубликацией судьбы Тригорина. Треплев не сумел порвать со старыми принципами искусства, в итоге отказавшись от своих утопических притязаний и переходя от драматических форм к прозе, где проза является знаком традиции, а драма, как и в многочисленных модернистских концепциях, рассматривается утопически, как органическое искусство будущего. Неудача под знаком эстетического начала — это, конечно же, частный случай неудачи как тотальной фатальности судьбы. У Чехова «его универсальная конфликтная ситуация — это неустроенность жизни человека, противоречие между тем, как живёт, и тем, как бы он хотел жить (А.П. Скафтымов говорит о столкновении сферы данного и желанного, объективного течения жизни и субъективных намерений человека)» [Бурмистрова: 123].

Судьба Треплева — то же движение от панэстетизма к эстетизму: природа и культура не слились в единое новое целое, а существуют по отдельности. Характерный акцент последнего действия: любительский театр заброшен, а гостиная превращена в рабочий кабинет Треплева с указанием на многочисленные книги в ней. Пространство «жизни» (гостиная) становится пространством «культуры» (кабинет с книгами), и Треплев, как и Тригорин, погружается в рутину словесных поисков, испытывая точную такую же зависимость от своего дискурса, правда, пока еще не отработав до конца собственных приемов.

Таким образом, к финалу пьесы оппозиция героев практически снята: «новое» абсолютно неотлично от «старого», погружено в ту же иллюзорность.

Кстати, иллюзорность и нереализованность определяют судьбы не только этих, но и практически всех героев. Недаром единственный, по-настоящему воплощенный в реальности «сюжет будущего» принадлежит совсем не Тригорину и Треплеву, а Сорину. Данный сюжет (человек, который хотел кем-то стать, но в итоге никем так и не стал) легко проецируется не просто на судьбы героев «Чайки», он вообще является магистральным для огромного количества произведений Чехова. Здесь идет речь не просто о человеке, который ничего не добивается в жизни. Это сюжет о нереализованном потенциале: все герои «Чайки» кем-то стали, но это реализация в рамках обыденности, причем у героев часто нет сил признаться себе в этом. Характерный пример — Аркадина, выдумывающая сама себя как великолепную актрису, и более сложный случай Тригорина, который не лишен таланта, но по уже указанным причинам никогда не выйдет за достигнутые пределы. Талант и индивидуальность здесь подменяются успехом у публики, чем так дорожат Аркадина и Тригорин. Но Треплев, тоже постепенно добивающийся признания, показательно не рассматривает это как свидетельство своего дара.

Сюжет о «человеке, который хотел» предугазан уже в самом начале произведения, в пьесе Тrepлева о Мировой душе, которая гораздо ближе, правда на символическом уровне сопоставления, к реальным судьбам героев, чем все «сюжеты будущего» у Тригорина.

Эта пьеса в самом начале произведения говорит о *смерти и гибели* всего живого. Возникает явный парадокс: все прекращается, не успев развиваться. Именно этот смысл важен и в соринском «сюжете будущего». Отсюда невозможность полноценной судьбы героев, что усиливается дублированием сюжетных линий: как Треплев повторяет Тригорина, так и Нина Заречная дублирует Аркадину. «Чехов создаёт символическую персонифицированную образность, превращая каждый персонаж в символ философско-эстетического содержания. Поведение персонажей имеет свой референт не в реальной жизни, а в авторских размышлениях о природе творчества с феноменологической точки зрения» [Черницкая: 12]. Недаром достаточно высокая нота, заданная в начале постановкой Тrepлева, в последнем акте заменяется действием, тоже коллективного характера, но имеющим крайне сниженный характер. Это игра в лото. Смысл очевиден: вместо пусть наивной, но при этом серьезной попытки воплощения на практике синтеза природы и культуры — азартная игра с ее алеаторикой, абсолютной случайностью, заменяющей собственно искусство. Показательно, что выигрывает в лото не кто иной, как Тригорин, герой, максимально совместимый с контекстом игры как неполноценной реальности.

Но именно в финале наконец-то происходит событие, в корне меняющее установившееся положение вещей. Это самоубийство Тrepлева. Оно крайне слабо мотивируется в пьесе. Речь может идти о творческом недовольстве собой. По крайней мере, подобная причина кажется правдоподобнее, чем что-то частное. В любом случае в самоубийстве проявляется активность героя по отношению к своей жизни, что противопоставлено пассивности Тригорина. Закономерно, что рыбная ловля (как метафора творчества и символ самого характера) последнего является антитезой настоящей активности Тrepлева, выраженной в охоте, убийстве чайки, пусть эта активность в прямом смысле смертельна.

Можно указать, какой статус имеет самоубийство Тrepлева с точки зрения модернистской теории панэстетизма. Так как художественный акт, связанный с этой теорией, воплощается обычно в пределах самого текста, то он имеет мало общего с идеей синтеза природы и культуры и внутренне заключает в себе зерно эстетизма, как пьеса Тrepлева. Отсюда следует, что полноценное изменение статуса возможно лишь для тех художественных актов, что выходят за пределы текста,

претворяясь в самой личности художника, и это, например, находит свое выражение в символистских теориях жизнетворчества. В случае с Треплевым, «на первый план в сюжете выдвигаются другие аспекты игры, а именно свободное, прагматичное самопроявление человека, символически отражающее реальность» [Разумова: 107]. Поэтому самоубийство Треплева может быть парадоксально оценено как прорыв к реальности, размыкание дурной повторяемости судеб, преодоление доминанты текста над жизнью, а точнее их синтез. Смерть приобретает ценностный момент и противопоставляется миру с его релятивизмом и отсутствием всяких ценностей. Действие художника, объектом которого становится сам художник, неоднократно встречается уже в искусстве XX столетия, и хотя смерть Треплева вряд ли можно назвать удачным выходом из ситуации, она все-таки кладет предел расподоблению и иллюзорности, что так доминирует в «Чайке».

Список литературы / References

- Бурмистрова А.В. Художественные особенности драматургии А.П. Чехова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 6. С. 121—126.
- (Burmistrova A.V. Artistic features of the dramaturgy of A.P. Chekhov, *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 2011, no. 6, pp. 121—126. — In Russ.)
- Козлова С.М. Литературный диалог в комедии А.П. Чехова «Чайка» // Известия Алтайского государственного университета. 2001. № 4. С. 51—56.
- (Kozlova S.M. Literary dialogue in A.P. Chekhov's comedy “The Seagull”, *News of the Altai State University*, 2001, no. 4, pp. 51—56. — In Russ.)
- Кубасов А.В. Эксплицитная и имплицитная метатеатральность в комедии А.П. Чехова «Чайка» // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2022. № 4. С. 76—95.
- (Kubasov A.V. Explicit and implicit metatheatricality in A.P. Chekhov's comedy “The Seagull”, *Ural Philological Bulletin. Series: Russian Classics: Dynamics of Artistic Systems*, 2022, no. 4, pp. 76—95. — In Russ.)
- Минц З.Г. Об эволюции русского символизма // Минц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн. СПб.: Искусство — СПб, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 175—189.
- (Minz Z.G. About the evolution of Russian symbolism, *Minz Z.G. Blok and Russian Symbolism: Selected Works*, St. Petersburg, 2004, Book. 3: The Poetics of Russian Symbolism, pp. 175—189. — In Russ.)
- Разумова Н.Е. Онтология судьбы в драматургии А. П. Чехова // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2006. № 291. С. 103—112.
- (Razumova N.E. Ontology of fate in the dramaturgy of A.P. Chekhov, *Bulletin of Tomsk State University*, 2006, no. 291, pp. 103—112. — In Russ.)
- Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М.: Наука, 1977. 203 с.
- (Smirnov I.P. Artistic meaning and evolution of poetic systems, Moscow, 1977, 203 p. — In Russ.)
- Хансен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
- (Hansen-Løve A. Russian symbolism. The system of poetic motives. Early symbolism, St. Petersburg, 1999, 512 p. — In Russ.)
- Черницкая Л.А. Символическое значение образности и ее исторический контекст в системе метатекстуального дискурса драматургии Чехова // *Universum: филология и искусствоведение*. М., 2018. № 10 (56). С. 10—20.

(Chernitskaya L.A. The symbolic meaning of imagery and its historical context in the metatextual discourse of Chekhov's drama, *Universum: philology and art criticism*, Moscow, 2018. no. 10 (56), pp. 10—20. — In Russ.)

Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 30 томах. М.: Наука, 1978. Т. 13: Пьесы 1895—1904 гг. 530 с.

(Chekhov A.P. Complete works in 30 volumes, Moscow, 1978, vol. 13: Plays 1895—1904, 530 p. — In Russ.)

THE AESTHETIC CONTEXT OF THE OPPOSITION “NATURE” — “CULTURE” IN THE PLAY “THE SEAGULL” BY A.P. CHEKHOV

Evgeniy E. Proshchin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation, filnnov@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the opposition of nature and culture in Chekhov's play as an expression of the conflict of aestheticism and pan-aestheticism. The object of the research was one of the most famous works of the writer, namely the play “The Seagull”. The author of the article shows the involvement of the conflict of the play in the aesthetic concepts relevant at the turn of the XIX—XX centuries. Special attention is paid to the similarities and differences of Chekhov's artistic method in its simultaneous attraction-repulsion from the concepts of modernism gaining popularity. The key direction of the research is the analysis of the antithesis of the images of Trigorin and Treplev in the context of the concept of fate creatively proposed by the writer in the play. The novelty of the research lies in the proposed idea of the inevitable repetition of fate due to the inevitability of the culture dominant in the life path of the heroes. The article for the first time raises the question of the conceptual impact of the creative dominant on the biography of the characters of the play as a negative triumph of aestheticism and the only possible way to overcome it. The figurative and motivic aspects were analyzed in detail, which allow for the revealing the dynamics of changing the pan-aesthetic prerequisites of fate to their realization in the spirit of aestheticism as the destruction of the harmonious relationship of natural and cultural principles. Special attention is paid to the creative component of the characters, actualizing the meta-textual level of the play.

Keywords: drama, culture, nature, theater within a theater, Chekhov

For citation: Proshchin E.E. The aesthetic context of the opposition “nature” — “culture” in the play “The Seagull” by A.P. Chekhov, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 31—37.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023; одобрена после рецензирования 05.04.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 28.03.2023; approved after reviewing 05.04.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Прошин Евгений Евгеньевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, filnnov@mail.ru

Proshchin Evgeniy Evgenievich — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Literature, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, filnnov@mail.ru

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 38—43.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 38—43.

Научная статья

УДК 811.112.2'36

DOI: 10.46726/И.2023.4.5

НЕМЕЦКИЕ ДЕВЕРБАТИВЫ В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ИХ ТАКСИСНЫХ ФУНКЦИЙ

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия, irarch@yandex.ru

Аннотация. Предметом изучения в данной статье являются таксисные функции немецких ревербализуемых девербативов различной лексической и деривационной семантики, реализуемые им в определенном синтагматическом контексте при условии их сочетания с различными темпоральными предлогами. Научная новизна данной работы определяется тем, что в ней рассматривается таксисный потенциал девербативов, участвующих в актуализации значений одновременности, предшествования и следования. Таксисные функции немецких девербативов (потенциальные / реализованные, абсолютные / относительные) реализуются при условии сохранения этими именами вербогенной (глагольной) семантики, наследуемой от производящих их глаголов, и свойства ревербализуемости. При употреблении с темпоральными предлогами *bei, in, nach, seit, vor* и др. они выполняют функции актуализаторов различных таксисных значений — одновременности, предшествования, следования. В ходе исследования установлено, что акциональным, статальным и процессуальным девербативам на *-en* свойственны абсолютные «таксисные потенциалы», а другие аффиксальные имена, в частности имена на *-ung, -e, -t* процессуальной, акциональной и событийной семантики, а также событийные безаффиксные девербативы характеризуются относительными «таксисными потенциалами». Их ревербализация возможна при условии сохранения ими аргументной структуры производящих глаголов и привлечении дополнительных лексических средств.

Ключевые слова: девербативы, таксис, таксисные функции, потенциальные таксисные функции, реализованные таксисные функции, таксисные актуализаторы

Для цитирования: Архипова И.В. Немецкие девербативы в контексте актуализации их таксисных функций // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 38—43.

Проблемы лексической и словообразовательной семантики немецких девербативных имен существительных освещаются в работах ряда таких отечественных и зарубежных лингвистов, как И.В. Архипова, Е.В. Болотова, Н.Н. Зольникова, К. Кноблех, А. Росдойчер, Х. Камп и др. [Архипова 2020; Болотова 2017, 2019; Зольникова 2015; Knobloch 2002; Rosdeutscher, Kamp 2010]. Е.В. Болотова исследует деривационную семантику различных девербативов (процессуальных, агентивных и др.) [Болотова 2017: 85—88; Болотова 2019: 108—112]. Н.Н. Зольникова описывает немецкие девербативы в контексте словообразования, выделяя имена различной деривационной семантики [Зольникова: 225—229]. Работы зарубежных языковедов посвящены описанию семантико-синтаксических свойств девербативов на *-ung* [Knobloch: 333—362; Rosdeutscher, Kamp: 169—215].

Предметом рассмотрения данной статьи являются таксисные функции немецких девербативов, реализуемые в определенном синтагматическом контексте, в частности, при их сочетании с темпоральными предлогами. Актуальность данной проблематики обусловлена тем, что в работе рассматривается функциональный потенциал немецких девербативов, участвующих в актуализации таксисных категориальных значений одновременности, предшествования и следования в высказываниях с предлогами темпоральной семантики *während, bei, in, mit, nach, vor, seit, bis / bis zu*.

Материалом настоящего исследования послужили немецкие высказывания с девербативами и темпоральными предлогами, полученные методом направленной выборки из базы данных Лейпцигского национального корпуса (LC) и Электронного словаря немецкого языка (Dwds).

В рамках применяемого ономато-семасиологического подхода (от семантики к форме, от формы к семантике) к рассмотрению изучаемых языковых феноменов в ходе исследования применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, контекстуальный и трансформационный методы.

Таксисный потенциал девербативов рассматривается как билатеральный языковой феномен. Он подразумевает потенциальные таксисные функции девербативов (т. е. функции-потенции) и реализованные таксисные функции (т. е. функции-реализации). Потенциальные таксисные функции реализуются в конкретно-речевом (синтагматическом) контексте. Условием таксисной актуализации (помимо наличия темпоральных предлогов, выступающих в качестве таксисных маркеров) является вербогенная (глагольная) семантика девербативов. Лишь вербогенные девербативы являются таксисными, поскольку они сохраняют семантику производящих глаголов и не приобретают в процессе деривации конкретно-предметные значения. Таковыми являются ревербализуемые имена с максимальной степенью, в частности, акциональные, статальные и процессуальные девербативы на *-en*, которым свойственны абсолютные «таксисные потенции», например:

(1) *Beim Schlafen* fällt unsere Körpertemperatur ganz natürlich (Dwds). → *Wenn wir schlafen*, fällt unsere Körpertemperatur ganz natürlich.

(2) In Salzburg dirigiert er *im Sitzen*... (Dwds). → In Salzburg dirigiert er, wenn *twobei er sitzt*.

(3) Samuelsson behält auch *im Stehen* die Nerven und bleibt ohne Makel! → Samuelsson behält auch, *wenn er steht*, die Nerven und bleibt ohne Makel!

(4) Ihren Mann lernte sie *beim Tanzen* kennen... (Dwds). → Ihren Mann lernte sie kennen, *wenn sie tanzten*...

В приведенных выше примерах свои таксисные функции реализуют процессуальный девербатив *das Schlafen*, стальные имена *das Sitzen* и *das Stehen* и акциональный девербатив *das Tanzen*. Они ревербализуются (см. примеры выше), т. е. трансформируются в производящие их глаголы. Тест на ревербализацию «подтверждает» их реализованные таксисные функции. При сочетании с темпоральными предлогами *in* и *bei* вышеперечисленные девербативы трансформируются в придаточные времени с синонимичным темпоральным союзом *wenn*. Они выступают в функции актуализаторов таксисного категориального значения одновременности (см. примеры 1—4).

Акциональные, событийные и процессуальные девербативы на *-ung* характеризуются относительными «таксисными потенциями», реализуемыми в ряде высказываний с теми же темпоральными предлогами, например:

(5) Auch *bei der Besichtigung des Gebäudes* bleiben laufend Spaziergänger stehen... (Dwds).

(6) Das teilte die Pariser Staatsanwaltschaft *nach der Untersuchung der Leiche* mit (Dwds).

В приведенных выше примерах процессуальные и акциональные девербативы развернутой структуры *die Besichtigung des Gebäudes* и *die Untersuchung der Leiche* сохраняют аргументную структуру производящих глаголов. В сочетании с темпоральными предлогами *bei* и *nach* они выступают в качестве актуализаторов таксисных значений одновременности и следования.

Событийные девербативы на *-ung* характеризуются меньшими «таксисными потенциями», поскольку их ревербализация затруднена. Они ревербализуются посредством привлечения глаголов общесобытийной семантики *stattfinden*, *erfolgen* и др., например:

(7) *Nach der Begegnung* war Hilda Shlick aufgewühlt... (Dwds). → *Nachdem die Begegnung stattfand / erfolgte*, war Hilda Shlick aufgewühlt...

(8) Rowe hatte *bei der Trennung* das Sorgerecht an Jackson abgetreten... (Dwds). → Rowe hatte, *als die Trennung erfolgte*, das Sorgerecht an Jackson abgetreten...

Процессуальные девербативы на *-ung* развернутой структуры *die Erwartung einer Wirtschaftserholung*, *die Erwartung einer Welle von Firmenbilanzen* и *die Verehrung von Dollfuß* реализуют таксисную функцию при условии сохранения аргументной структуры производящих глаголов, например:

(9) *Mit der Erwartung einer Wirtschaftserholung* rücken die Ölpreise vor (LC).

(10) *In Erwartung einer Welle von Firmenbilanzen* halten sich Anleger mit Engagements an der Wall Street zurück (LC).

(11) *Bei der Verehrung von Dollfuß* stellt sich manchmal die Frage, ob man seinen Anti-NS-Kampf oder sein autoritäres Programm verehrt (LC).

Вышеперечисленные девербативы, при условии употребления с темпоральными предлогами *mit*, *in*, *bei*, участвуют в актуализации таксисных категориальных значений одновременности в высказываниях (8—11).

При употреблении с препозитивными атрибутами ревербализация процессуальных имен на *-ung* может быть затруднена, поскольку они при этом теряют свои «таксисные потенции» и становятся конкретно-предметными именами существительными. Например:

(12) *Nach der anfänglichen Verwunderung* scheint es Christian heute sehr passend, gerade am Ort des Todes den Sieg des Lebens zu verkünden (LC).

(13) Das wird von Ribéry *bei aller Verehrung* nicht erwartet (LC).

Другие аффиксальные (в частности, имена на –е, –t) и безаффиксные девербативы событийной семантики (простой и развернутой структуры) в сочетании с темпоральными предлогами реализуют таксисные функции в следующих высказываниях:

(14) *Vor der Abreise* wurden sechs Jungbullen positiv auf Corona getestet... (LC).

(15) Der Präsident geriet da *bei der Abreise* zu einem Trip in den Bundesstaat Georgia ins Straucheln (LC).

(16) *Nach seiner Abreise aus San Antonio in Texas* kam er nie wie geplant im ostafrikanischen Burundi an (LC).

(17) *Seit der Abreise der Staatschefs am Mittwoch* verbesserte sich die Lage jedoch Tag für Tag (LC).

(18) Diallo blieb *beim Angriff* verschont, geriet allerdings durch ihren Kontakt zu einem Häftling aus Lyon in Verdacht (LC).

(19) *Nach dem Angriff am Samstagabend* in Ohligs hat die Kriminalpolizei die Ermittlungen aufgenommen (LC).

В приведенных выше примерах простые и развернутые конструкции с событийными девербативами *die Abreise der Angriff* и темпоральными предлогами *bei, vor, nach, seit* актуализируют таксисные категориальные значения одновременности (см. примеры 15, 18), предшествования (см. пример 14) и следования (см. примеры 16—17 и 19). Вышеназванные девербативы событийной семантики характеризуются относительными «таксисными потенциальными». Они реализуют свои таксисные функции, подвергаясь ревербализации, в том числе, с помощью дополнительных лексических средств, в частности, глагола *stattfinden* или *erfolgen*, например:

(20) *Mit dem letzten Angriff der Partie* traf Doyle von links die Latte (LC). → *Als der letzte Angriff der Partie stattfand*, traf Doyle von links die Latte.

(21) *Bei dem Angriff* gingen mehrere Scheiben des Gotteshauses zu Bruch... (LC). → *Als der Angriff erfolgte*, gingen mehrere Scheiben des Gotteshauses zu Bruch.

Таким образом, таксисные функции немецких девербативов рассматриваются нами как потенциальные (т. е. функции-потенции) и реализованные (т. е. функции-реализации). Условием таксисной реализации или актуализации потенциальных функций девербативных имен существительных является их вербогенная, т. е. глагольная семантика, унаследованная от производящих глаголов, и их употребление с темпоральными предлогами *bei, in, nach, seit, vor* и др. Вербогенная семантика девербативов делает возможной их ревербализацию, что позволяет трансформировать их в исходные производящие глаголы и глагольные предикации.

Акциональные, статальные и процессуальные девербативы на –en характеризуются абсолютными «таксисными потенциальными». Другие аффиксальные имена событийной и процессуальной семантики отличаются относительными «таксисными потенциальными». Их ревербализация может быть затруднена. Она возможна при сохранении такими именами аргументной структуры производящих глаголов и привлечении некоторых дополнительных лексических средств.

Список литературы / References

- Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
(Arkhipova I.V. The category of taxis in languages with different structures. Monograph, Novosibirsk, 2020, 173 p. — In Russ.)
- Болотова Е.В. Аспектуальная специфика девербативных агентивов в немецком языке // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2017. № 38. С. 85—88.
(Bolotova E.V. Aspectual specificity of deverbative agents in German, *Foreign languages: linguistic and methodological aspects*, 2017, no. 38, pp. 85—88. — In Russ.)
- Болотова Е.В. О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах // Доклады Башкирского университета. 2019. Т.4. № 1. С. 108—112.
(Bolotova E.V. On the word-formation tendency of verbal nouns in German newspaper texts, *Reports of the Bashkir University*, 2019, vol. no. 1, pp. 108—112. — In Russ.)
- Зольникова Н.Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // Наука и культура России. 2015. Т. 1. С. 225—229.
(Zolnikova N.N. Word-building models of German verbal nouns, *Science and Culture of Russia*, 2015, vol. 1, pp. 225—229. — In Russ.)
- Knobloch C. Zwischen Satz-Nominalisierung und Nennerivation: –ung–Nomina im Deutschen, *Sprachwissenschaft* 27, 2002, S. 333—362.
(Knobloch C. Between sentence nominalization and nominal derivation: –ung–nomina in German, *Linguistics* 27, 2002, pp. 333—362. — In Germ.)
- Rosdeutscher A, Kamp H. Syntactic and semantic constraints in the formation and interpretation of –ung–nouns, *The Semantics of Nominalizations across Languages and Frameworks*, ed. by Rathert M., Alexiadou A., Berlin: Walter de Gruyter, 2010, p. 169—215.

GERMAN DEVERBATIVES IN THE CONTEXT OF ACTUALIZATION OF THEIR TAXIS FUNCTIONS

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk,
Russian Federation, irarch@yandex.ru

Abstract. The subject of study in this article is the taxis functions of German reverb-alizable deverbatives of various lexical and derivational semantics, implemented by them in a certain syntagmatic context, provided they are combined with various temporal prepositions. The scientific novelty of this work is determined by the fact that it considers the taxis potential of deverbatives involved in the actualization of the meanings of simultaneity, precedence and following. Taxis functions of German deverbatives (potential / realized, absolute / relative) are realized on the condition that these names retain the verbogenic (verbal) semantics inherited from the verbs that produce them, and the property of reverb-alizability. When used with the temporal prepositions *bei*, *in*, *nach*, *seit*, *vor*, etc., they act as actualizers of various taxis meanings - simultaneity, precedence, following. In the course of the study, it was found that actional, static and procedural deverbatives in *-en* are characterized by absolute “taxis potencies”, and other affixal names, in particular, names in *-ung*, *-e*, *-t* of procedural, actional and event semantics, as well as event affixless deverbatives are characterized by relative “taxis potencies”. Their reverb-alization is possible provided that they preserve the argument structure of generating verbs and involve additional lexical means.

Keywords: deverbatives, taxis, taxis functions, potential taxis functions, realized taxis functions, taxis actualizers

For citation: Arkhipova I.V. German deverbatives in the context of actualization of their taxis functions, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 38—43.

Статья поступила в редакцию 17.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 17.12.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Архипова Ирина Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, Россия, irarch@yandex.ru

Arkhipova Irina Viktorovna — Doctor of Sciences (Philology), Prof., Department of Roman and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, irarch@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 44—50.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 44—50.

Научная статья

УДК 621.376.52

DOI:10.46726/И.2023.4.6

ВЕРБАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЖО БАЙДЕНА

Наталья Михайловна Бакина

Ивановский государственный университет, г. Иваново,
Россия, natalyabakina97@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вербальное поведение 46-ого президента США, Джо Байдена. Политический лидер, так же как и его супруга, помогает, направляет и убеждает народ в своих выступлениях. Манипуляция среди политических деятелей является важной частью управления духовным состоянием реципиента, что выражается как в его вербальном, так и в невербальном поведении. Методы исследования: контекстуальный анализ, метод словарных дефиниций и метод коммуникативно-прагматического анализа. На основе видеозаписей публичных выступлений политика США установлена специфика вербального поведения президента, а также определены средства манипуляции в его выступлениях. В статье рассмотрен только один вид политического дискурса — институциональный, поскольку в видеоматериалах отображены либо публичные выступления, либо интервью с президентом. В результате исследования было установлено, что вербальная коммуникация американского политика способствует достижению заранее запланированного результата, а также эффективному убеждению аудитории в правильности сделанного выбора. Выявлены языковые средства достижения манипуляции: лексические, грамматические и стилистические.

Ключевые слова: вербальная коммуникация, коммуникативное поведение, манипуляция, концепт

Для цитирования: Бакина Н.М. Вербальная составляющая коммуникативного поведения Джо Байдена // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 44—50.

Коммуникативное поведение представляет собой традиции и правила общения лингвокультурной общности, которые реализуются в коммуникации [Стернин]. В нем отражается система взглядов политика, его знания и ряд психологических особенностей. Они четко распознаются коммуникантами. Это может быть намеренно спланированное манипулятивное средство для оказания направленного воздействия или произвольный эффект. Однако борьба за власть, желание результативно осуществлять управление массами и склонять максимальное количество коммуникантов на свою сторону вынуждают политических деятелей обращаться к разным видам речевого воздействия. Кандидат в президенты стремится четко сформировать имидж и сформулировать программу на выборную должность, чтобы привлечь во внимание как можно больше предпочтений разных групп электората [Карасик].

Коммуникативные процессы играют большую роль в политическом дискурсе среди политиков. Для эффективной коммуникации политическим деятелям необходимо принимать во внимание как отрицательные, так и положительные факторы речевого взаимодействия. Целесообразность выбора коммуникативного поведения, как вербального, так и невербального, определяет, насколько удачными или неудачными будут коммуникативные поступки в достижении речевой цели.

Принимая во внимание психологические механизмы воздействия, отметим, что феномен манипуляции привлекает многие отрасли гуманитарного знания. В.Е. Чернявская определяет манипуляцию как вид психологического воздействия с целью скрытого интегрирования в психику адресата намерений, установок, желаний и отношений, которые не соответствуют имеющимся у адресата на данном этапе коммуникации [Чернявская]. По мнению С.Г. Кара-Мурзы, манипуляция представляет собой кодирование устремлений и мнений масс, а также их психологического состояния и настроений для контроля за их поведением [Кара-Мурза].

Современный медиадискурс обладает особой социальной функцией, а также служит для использования языка политики: контролировать, искажать и скрывать информацию. Политический дискурс рассматривает сложное взаимодействие данного вида дискурса с медиадискурсом в определенном ракурсе; медиадискурс обозначает средство манипуляции и борьбы в политических системах [Желтухина, Гавриш]. Достижение этого происходит при употреблении языковых средств, которые представляют собой мощнейшее орудие манипуляции аудиторией. Для убедительности речи употребляются стилистические, лексические и грамматические приемы.

В данной статье рассматривается коммуникативное поведение американского государственного и политического деятеля, члена Демократической партии, 46-ого президента США Джо Байдена. Цель исследования заключается в изучении вербальной составляющей коммуникативного поведения политика, а также выявлении средств манипуляции в выступлениях американского президента.

При анализе выступлений президента тема демократии звучит с самого начала и часто повторяется на протяжении всего его выступления, оказывая манипулятивное воздействие на аудиторию. По мнению политика, демократия представляет собой одну из превосходных форм взаимодействия государства со своим народом: *“democracy remains Humanity's greatest instrument to address the challenges of our time”, “the United States is determined to defend and strengthen democracy at home and around the world”, “to prove democracies can deliver for the citizens but also deliver for the rest of the world as well”* [President Joe Biden...].

Кроме демократии в выступлениях Байдена затрагивались еще такие темы, как расширение прав и возможностей женщин, образование и вооруженные силы. Это были важные и эмоционально обусловленные вопросы в большинстве выборных кампаний, и Байден сразу же обратился к ним, продемонстрировав свою личную привязанность к каждому из них.

В своих выступлениях президент передает главное послание, суть которого заключается в том, что он и есть тот человек, который внесет необходимые стране изменения. Байден представлял себя одним из тех зрителей, кто испытывает боль, утрату и горе, как и другие американцы. При этом Байден предпринимает попытку убедить аудиторию в том, что он не обычный Джо. Байден стремится соединиться со своим народом, стремится к тому, чтобы электорат принял его

за «своего человека»: *“We're good people. This is the United States of America. And there's never been anything, never been anything we've been able not able to do when we've done it together”* [President Biden delivers...].

Анализ выступлений Джо Байдена показывает, что, как многие президенты США, он неизменно подчеркивает религиозные основы своих действий. В начале своей речи он замечает, что все собрались в этот день как одна нация под Богом. Он приводит цитаты из Библии и впервые призывает своих соотечественников к общей молитве. Заключительные части выступлений были посвящены религии и духовности. Избранный президент сопереживает горю тех семей, которые потеряли любимого человека в результате пандемии, и вспоминает своего сына Бо, который скончался от рака мозга в 2015 году. Работа и молитвы, служение Байдена демократии и Конституции сделают Америку путеводной звездой для остального мира и приведут её к успеху: *“In the last days of the campaign, I've been thinking about a hymn that means a lot to me and to my family, particularly my deceased son, Beau. It captures the faith that sustains me and which I believe sustains America; And I hope it can provide some comfort and solace to the more than 230,000 families who have lost a loved one to this terrible virus this year. My heart goes out to each and every one of you. Hopefully this hymn gives you solace as well”* [President Joe Biden's Inaugural...].

Вербальный анализ показал, что манипуляция в речах Джо Байдена достигается следующими лексическими средствами: слова и словосочетания с положительной коннотацией для достижения персуазивного эффекта (*unity, a respect for our institutions, the great heights of hope, belief, dreams, peace, freedom, dignity*); слова и словосочетания с отрицательной коннотацией для достижения персуазивного эффекта (*denying, distracting, bully, blame*); эмоционально-оценочная лексика (*successful programs, drug-free lives*). Использование пейоративной лексики и эпитетов с отрицательной коннотацией является неотъемлемой частью манипуляции с помощью лексических средств, преимущественно у мужчин-политиков. Джо Байден не является исключением: *“Mass Graves”, “excavated those bodies, showing signs of torture”* [Biden speaks...].

Джо Байден обращает свой взгляд в прошлое, к истории Соединённых Штатов; также президент упоминает локативы, которые являются знаковыми лексическими средствами: Капитолий как символ преодоления Гражданской войны, Национальную аллею — место выступления Мартина Лютера Кинга (1963), борьбу женщин за право голоса (1913) и приведение к присяге в качестве вице-президента Камалы Харрис спустя 108 лет, мемориал героям нации на кладбище Арингтон и место перед Капитолием, где двумя неделями ранее враги демократии штурмовали Капитолий и были разгромлены.

Анализ показывает, что манипуляция в речах Джо Байдена достигается следующими грамматическими средствами: модальные глаголы (*to have to, can, should, to be to*); личные (*you, we, I*) и притяжательные (*our, your, their*) местоимения; превосходная степень прилагательных (*the greatest, the biggest, the most important*) и сравнительная конструкция (*as...as*). Модальность представляет собой грамматическое средство заставить людей что-то делать или не делать [Богачева]. Модальность относится к промежутку между «да» и «нет», показывая суждения говорящего о вероятностях или обязательствах, связанных с тем, что он говорит. Модальность может включать в себя модализацию и моделирование. Первый термин (модализация) связан с суждением говорящего о достоверности предложения и имеет шкалу в терминах вероятности (возможный-вероятностный-определённый) и обычности (иногда-обычно-всегда). Моделирование касается того,

насколько говорящий может быть уверен в конечном успехе обмена мнениями, охватывающего склонность (желающий-увлеченный-определенный) и степень обязательства (разрешенный-предполагаемый-требуемый) [Van Dijk]. Было обнаружено, что в проанализированных выступлениях Байденом используются 86 модальных глагольных операторов, из которых наиболее часто используемыми являются следующие: “*will*” (встречается 54 раза), “*can*” (используется 16 раз), “*must*” (встречается 11 раз) и “*may*” (используется 5 раза). Что касается слова “*will*”, то оно используется для предсказания будущего или как маркер будущего. В то же время Байден употребляет “*will*” в качестве модального вербального оператора, чтобы продемонстрировать «сильное желание и решимость».

Инаугурационная речь может быть использована для обсуждения многих вещей — прошлого, настоящего или будущего — однако Джо Байден предпочел сосредоточиться на настоящем. Почти 60 % его речи было произнесено в настоящем времени (Present Simple Tense), что отражало актуальность текущих проблем, таких как COVID-19, и минимальное использование прошедшего и будущего времени было показательным и являло собой очевидный контраст, в частности, с инаугурационной речью президента Трампа.

Согласно результатам анализа, манипуляция в речах президента достигается следующими стилистическими средствами: атрибутивные словосочетания (*our team*); повторы (“*Their dreams are our dreams. And their success will be our success*” [Biden speaks...]); стилистический приём контраста (антитезы); параллелизм; сравнения. В начале своего выступления Джо Байден использует такие стилистические средства, как аллитерация: “*This is democracy’s day*” (Это день демократии), анафоры: “*we can decide not to cooperate, then we can decide to cooperate*”.

Использование риторических вопросов способствует достижению нужного для президента стилистического эффекта. Данный прием выбран Джо Байденом для ощущения эффекта диалога с электоратом. Риторический вопрос косвенно заставляет электорат поразмыслить над той или иной ситуацией, а последующие ответы Дж. Байдена показывают, что затронутые проблемы действительно близки ему и волнуют, а значит, он старается эти проблемы решить. В качестве примера представлен риторический вопрос Джо Байдена во время его инаугурационной речи: “*What is the will of the people? What is our mandate?*” [President Joe Biden’s Inaugural...].

Помимо риторических вопросов политик прибегает в своих выступлениях и к другим стилистическим средствам. Речь Байдена изобилует метафорами. Известно, что метафора рассматривается как преобладающий способ и риторическое измерение для формулирования политических проблем политическими субъектами в их речи [Шейгал]. Метафоры способствуют передаче образного сопоставления, таким образом Джо Байден может сформировать выгодную для него картину мира в сознании своего электората. Основная цель метафоры заключается в создании некоего поэтического образа, а также в том, чтобы замедлить разумное осмысление информации от президента, что достаточно благоприятно в рамках речевого манипулирования. Из вышеперечисленного следует, что с помощью метафор Джо Байден создает положительный образ себя как политика, отца и мужа, призывая избирателей голосовать за светлое и надежное будущее. В качестве примера представлены следующие метафоры: “*burdens we carry are heavy*” — тяжелое бремя, которое несут американцы; “*heart of this nation still beats with kindness and courage*” — единство народа и превосходство положительных моральных качеств; “*the girls who will*

inherit this world” — создание мира, где не будет проблем с неравенством прав женщин. Таким образом, метафора представляет собой яркий пример имплицитного манипулирования общественным сознанием. Данный стилистический прием скрыто воздействует на внимание и восприятие электората, за метафорой стоит возможный переход к приказам или действиям говорящего.

Президент часто использует в выступлениях повтор, чтобы усилить воздействие своей речи на аудиторию. Самым ярким примером использования данного стилистического средства является изложение четкой программы на следующие четыре года в инаугурационной речи Джо Байдена. Он подчеркивает важность борьбы с вирусом, обратившись к этому вопросу, как в начале, так и в конце списка своих полномочий. Существительное “*battle*” использовано в метафорическом значении: имеется в виду борьба страны за самые высокие показатели. Кроме того, речь идет о возвращении экономики в нужное русло, ускорении реформ здравоохранения, обеспечении справедливости для всех сообществ и оздоровлении планеты, начиная с возвращения к Парижскому соглашению. Всё это Байден причисляет к первостепенным задачам. Примечательно, что Джо Байден дважды в течение минуты употребил слово “*decency*”, чтобы подчеркнуть отсутствие порядочности в течение предыдущих четырех лет.

Итак, характерной особенностью выступлений Джо Байдена является манипуляция, представляющая собой целостное речевое действие, направленное на массового адресата с целью завоевания и удержания власти. Тщательный выбор языковых единиц в публичных выступлениях политика в комбинации с социальными факторами могут служить мощным инструментом для управления общественным мнением. Главной целью манипулятора является стереотипизация социально-политической действительности посредством языка. Можно констатировать, что манипуляция занимает особое место в американском политическом дискурсе, соответственно, публичные выступления политиков практически всегда создаются с учетом конечной цели: повлиять на сознание людей с помощью продуманных и проверенных техник, а именно — лингвистического инструментария.

Список источников

- President Joe Biden’s Inaugural Address. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dqCwKf8QjA0> (дата обращения: 13.05.2023).
 President Biden delivers remarks after Congress passes debt ceiling bill. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U1EymARAh7w> (дата обращения: 14.05.2023).
 Biden speaks at the White House. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5-jVfVc6EY8> (дата обращения: 15.05.2023).
 President Joe Biden: The 2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=u1UC89H4Swc&ab_channel=60Minutes (дата обращения: 10.04.2023).

Список литературы/References

- Богачева Е.А. Роль модальности англоязычного судебного дискурса в профессиональной коммуникации // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2021. № 2 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-modalnosti-angloyazychnogo-sudebnogo-diskursa-v-professionalnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 27.07.2023).
 (Bogacheva E.A. The role of modality of English judicial discourse in professional communication, *Language of science and professional communication*, 2021, no. 2 (5). — In Russ.)

- Желтухина М.Р., Гавриш А.Д. Политический медиареслинг: целеполагание и дискурсивные манипуляции (на примере президентских предвыборных дебатов 2016 года в США) // Политическая лингвистика. 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-mediaresling-tselepolaganie-i-diskursivnye-manipulyatsii-na-primere-prezidentskih-predvybornyh-debatov-2016-goda-v-ssha> (дата обращения: 07.05.2023).
(Zheltukhina M.R., Gavrish A.D. Political media wrestling: goal setting and discursive manipulations (on the example of the 2016 United States presidential election debates). *Political linguistics*, 2018, no. 5. — In Russ.)
- Кара-Мурза С.Г. Краткий курс манипуляции сознанием. М.: Алгоритм, 2003. 285 с.
(Kara-Murza S.G. A short course of manipulation of consciousness, 2003, 285 p. — In Russ.)
- Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5—20.
(Karasik V.I. On the Types of Discourse, *Language Personality: Institutional and Personal Discourse: a collection of scientific articles*, Volgograd, 2000, pp. 5—20. — In Russ.)
- Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. С. 279—282.
(Sternin I.A. On the concept of communicative behavior, *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*, Halle, 1989, pp. 279—282. — In Russ.)
- Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Наука, 2006. 136 с.
(Cherniavskaia Discourse of Power and Power of Discourse: Problems of Speech Influence: a textbook, Moscow, 2006, 136 p. — In Russ.)
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 326 с.
(Sheigal E.I. Semiotics of political discourse, Volgograd, 2000, 326 p. — In Russ.)
- Van Dijk T.A. Discourse and manipulation, *Discourse & Society*, 2006, vol. 17, iss. 3.

THE VERBAL COMPONENT OF JOE BIDEN'S COMMUNICATIVE BEHAVIOR

Natalya M. Bakina

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, natalyabakina97@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the verbal behavior of the 46th President of the United States, Joe Biden. The political leader as well as his spouse in their speeches help and convince the people. Manipulation among politicians is an important part of managing the spiritual state of the recipient, which is expressed in their verbal and non-verbal behavior. Research methods: contextual analysis, the method of dictionary definitions and the method of communicative-pragmatic analysis. The material was video recordings of public speeches of Joe Biden. The specifics of his verbal behavior are established, the means of manipulation in his speeches are determined. The article considers institutional discourse because public speeches or interviews with the president are displayed in the video recordings. As a result of the study, it was found that verbal communication of an American politician contributes to achieving a pre-planned result, as well as effectively convincing the audience of the correctness of the choice made. The linguistic means of achieving manipulation are revealed: lexical, grammatical and stylistic.

Keywords: verbal communication, communicative behavior, manipulation, concept

For citation: Bakina N.M. The verbal component of Joe Biden's communicative behavior, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 44—50.

Статья поступила в редакцию 08.08.2023; одобрена после рецензирования 20.08.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 08.08.2023; approved after reviewing 20.08.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Бакина Наталья Михайловна — аспирант, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, natalyabakina97@gmail.com

Bakina Natalya Mikhailovna — Postgraduate student, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, natalyabakina97@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 51—59.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 51—59.

Научная статья

УДК 811.111

DOI: 10.46726/И.2023.4.7

ЭКСПЛИКАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА «РЫНОК» В РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЯХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ (На материале публицистического текста)

Вера Владимировна Королева, Марина Сергеевна Румянцева

Владимирский государственный университет, г. Владимир, Россия,

queenvera@yandex.ru, marinarum21051@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению номинативного поля концепта «рынок» в английском языке на материале электронных текстов газеты “The Economist”. В рамках исследования на основе контекстуального и логического методов выдвигается предположение о том, что анализ контекстов лексемы “market” в публицистическом тексте позволяет выделить наиболее частотные синтаксические конструкции, в состав которых входит данная лексическая единица. В статье представлена сравнительная таблица синтаксических конструкций с лексемой “market” и выделены когнитивные признаки концепта «рынок». Делается вывод о том, что изучение контекстов слов позволяет дополнить номинативное поле концепта, предварительно составленное на материале лексикографических источников, а также охарактеризовать смысловое наполнение изучаемого понятия.

Ключевые слова: концепт, рынок, номинативное поле, лексема, синтаксическая конструкция, когнитивный признак

Для цитирования: Королева В.В., Румянцева М.С. Экспликация содержания концепта «рынок» в различных моделях синтаксических конструкций (На материале публицистического текста) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 51—59.

Процесс формирования и развития экономической когнитивной сферы вызывает живой интерес ученых [Аксютенкова; Калугина; Науменко], которые в своих работах стремятся обозначить ряд базовых концептов в этой области знания, в том числе концепт «рынок». Одной из ключевых целей исследователей является построение номинативного поля данного концепта, поэтому производится анализ семантики дефиниций [Науменко; Заварзина; Столярова], деривативов [Науменко], синонимов [Науменко; Черняк, Парышева], метафорического содержания концепта [Русакова]. В попытках представить понятие «рынок» в виде фрейма прослеживается намерение лингвистов [Науменко] систематизировать полученные сведения, однако дальнейшее расширение периферии данного концепта будет невозможно без анализа контекстов лексемы “market”. На данном этапе можно говорить о недостаточной изученности особенностей функционирования данного слова непосредственно в публицистических текстах экономической тематики. Таким образом, анализ сочетаемости исследуемой лексической единицы со словами разных частей

© Королева В.В., Румянцева М.С., 2023

речи, описание наиболее частотных синтаксических конструкций позволит, с одной стороны, выделить новые когнитивные признаки понятия «рынок», а также охарактеризовать состояние рынка на данном этапе развития. Актуальность работы обусловлена тем, что данный концепт активно меняется и продолжает расширять сферу своего приложения.

Согласно определению, приведенному в Большой российской энциклопедии, рынок — это объединение институтов, обслуживающих интересы покупателя и продавца в процессе обмена товарами и услугами [Крылова]. Данное понятие имеет три значения: физическое место для торговли, механизм установления равновесной цены, площадка для сбыта продукции. Как отмечают исследователи, занимающиеся вопросами функционирования концепта «рынок» в русском языке, непрерывные процессы в рыночной экономике отражаются на языковом оформлении структуры ментального кванта [Заварзина].

Вопрос о характере процессов концептуализации знаний, т. е. проецировании явлений и предметов внешнего мира на сознание человека является одним из основных в когнитивной лингвистике [Болдырев: 37]. В результате этого процесса осуществляется группировка ментальных образов и формирование концептов. З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют концепт как результат последовательной деятельности индивида, направленный на «добывание» и мысленное упорядочивание информации о мире, отмечая такие свойства концепта как четкая внутренняя организация и его динамичность, т. е. его способность образовывать все новые формы знания [Попова, Стернин: 16].

Сталкиваясь с проблемой содержания концепта, ученые выделяют различные способы репрезентации номинативного поля [Там же: 48], одним из которых является объективация концепта посредством публицистических и художественных текстов, так как именно контексты слова наглядно демонстрируют частотные модели функционирования слов в речи. Анализируя лексические единицы в рамках публицистического текста, когнитологи сталкиваются с проблемами описания особенностей взаимодействия слов друг с другом. Вступая в разного рода связи, слова образуют сочетания — синтаксические конструкции [Лопатина], которые могут быть минимальными, т. е. состоящими из минимума компонентов и комбинированные, включающие несколько конструкций.

Изучение наиболее частотных синтагматических моделей и, как отмечают представители Воронежской школы когнитивной лингвистики, выделение новых видовых характеристик концепта, т. е. его когнитивных признаков [Попова, Стернин: 125], становится возможным в рамках контекстуального анализа. На наш взгляд, формулирование когнитивных признаков — это этап научной работы, который позволяет систематизировать собранный языковой материал и представить его в виде структуры, а значит, им нельзя пренебрегать.

Как правило, первое знакомство с новой формой ментального знания начинается на этапе изучения семантики словарных значений, входящих в одно и то же номинативное поле, а также определения идеографических синонимов имени рассматриваемого концепта. Тем не менее в силу своего ограниченного объема словари фиксируют лишь некоторые фрагменты «добытой» информации, делая акцент на наиболее существенных аспектах, что впоследствии влечет за собой субъективную трактовку лексикографических данных следующим поколением исследователей и затрудняет процесс отслеживания динамики развития понятия. Таким образом, сегодня необходимо проводить параллельное исследование значений и контекстов слов как в словаре, так и в публицистических и художественных текстах. Действительно,

характер изменений в семантике и в функционировании лексических единиц можно наблюдать, работая непосредственно с ситуациями употребления слова.

При построении номинативного поля концепта необходимо провести выборку отдельных контекстов слов согласно заданному критерию, например, присутствию конкретной лексемы в словосочетании. Рассматривая синтаксические конструкции как единицы номинативного поля, более эффективным будет использование метода логического анализа, который нацелен на выявление, в первую очередь, структурных, а затем коммуникативных особенностей единиц исследования. Ко всему прочему, в рамках проведения логического анализа предполагается построение моделей исследуемого объекта и их дальнейшее использование как инструментов в научной практике в соответствующей предметной области.

Целью данной работы является описание семантики синтаксических конструкций, отобранных из статей электронного издания газеты “The Economist”, критерием выборки которых стало наличие в структуре высказывания лексемы ‘market’. Таким образом, было проанализировано десять источников (отсортированных по релевантности). Поиск материалов, релевантных запросу, выдал две статьи за 2017 и 2018 гг. и восемь — за 2022 г. Методом сплошной выборки было выделено 70 примеров синтаксических конструкций, однако ввиду того, что отдельные словосочетания повторялись в разных текстах, объем непосредственного материала для исследования был сокращен до 52 фрагментов высказываний. В результате анализа отобранных контекстов были выделены пять моделей словосочетаний с лексемой ‘market’:

1. N (существительное) + V (глагол);
2. ADJ (прилагательное) / N (существительное) + N(существительное);
3. V + N (существительное);
4. PREP (предлог) + (ADJ) (прилагательное) + N (существительное);
5. N (существительное) + N (существительное).

N+V	1. the bull market collides with the reality of high inflation the market also provides incentives 2. the market al-so provides in-centives
ADJ/N+N	1. financial market 2. the Treasury market 3. (deep) liquid market 4. bull market 5. red-hot market 6. sizzling market 7. property market 8. housing market 9. Real-estate market 10. Corporate-bond market 11. (giant) domestic market 12. electricity market 13. (long-term) hedging market 14. equity markets 15. emerging markets 16. heady market 17. currency market 18. adaptive market 19. mortgage market

V+N	<ol style="list-style-type: none"> 1. to get the market tighter 2. to fix the market 3. to ease market chaos 4. to rebrand stockmarket 5. to go to market 6. to constitute the market 7. to fine-tune the market 8. to reinflate the market 9. to cause markets to break 10. to stabilise markets 11. to keep the market functioning 12. to form a market 13. to intervene in the market 14. to enter the market 15. to add a capacity market 16. to beat the market 17. to outperform the market
PREP+ (ADJ)+N	<ol style="list-style-type: none"> 1. by market value 2. below the market rate 3. sequence of markets
N+N	<ol style="list-style-type: none"> 1. bond-market peg 2. market value 3. free-market economy 4. big emerging-market companies 5. market forces 6. spot-market prices 7. this year's market mayhem 8. efficient-market theory 9. market share 10. market chaos 11. market panic

Рассмотрим, каким образом лексическое наполнение синтаксических конструкций отражает характер существования концепта 'market' в анализируемых текстах.

Первая модель представляет собой предикативное сочетание, образующее простое предложение, в котором лексема 'market' выступает в роли подлежащего. Примечательно, что примеры синтаксических конструкций первого типа, с одной стороны, являются антонимами ("to collide with" — "to provide incentives") и в тоже время отражают эволюцию рынка. Синтаксическая конструкция "the bull market collides with" [The world's most...] подразумевает столкновение двух явлений или процессов, как в случае данного примера — "the reality of high inflation", таким образом, происходит противопоставление высоких цен на рынке и высокой инфляции. Формально вторая конструкция несколько схожа с первой, так как глагол "provide" [Europe's energy market...] также может присоединять к себе два актанта. В плане семантического наполнения, однако, данный глагол подчеркивает позитивную динамику развития рынка.

Вторая и третья модели являются наиболее частотными. Лексическое наполнение второй модели (атрибутивные сочетания) синтаксической конструкции представлено двумя лексемами, первая из которых — это существительное или прилагательное в роли определения, а вторая — ключевое слово исследуемого концепта. Словосочетания данной группы позволяют понять сферы функционирования рынка (*electricity market* — рынок электроники, *equity market* — фондовый рынок, *the mortgage market* — ипотечный рынок и др.), теоретическую возможность описания количественных параметров рынка (*liquid market* — ликвидный рынок) и гибкость как его отличительную черту (*adaptive market* — «адаптивный» рынок). Внутренние процессы, происходящие на рынке, могут иметь различную направленность (*bull market* — бычий рынок; повышение цен на рынке) и различную интенсивность, что в свою очередь отражается на том, что в текстах присутствуют прилагательные с эмотивной коннотацией (*red-hot market* — разгоряченный рынок).

Глагольные словосочетания, представленные в третьей группе, включают в себя несколько примеров метафорических выражений: *to fine-tune the market* [China's Ponzi-like...], *to beat the market* [Is efficient-market...]. Наличие в данной модели синонимичных конструкций говорит о том, что наиболее важные тенденции экономической концептосферы отражаются в данном лексическом оформлении. Действительно, как отмечалось выше, семантика предикативных отношений расшифровывается как развитие субъекта. Так как рынок «раскален» (“*red-hot market*” [Is big tech's...]), и некоторые игроки продолжают оказывать на него разрушительное влияние (“*to cause markets to break*” [China's Ponzi-like...]), извне предпринимаются попытки наладить ситуацию — “*to ease the market*”, “*to fix the market*”, “*to fine-tune the market*”, “*to stabilise markets*”, “*to keep the market functioning*”.

Четвертая модель, как и первая, является одной из наименее частотных в нашем исследовании. Низкая встречаемость синтаксической конструкции первого типа объясняется тем, что при описании явлений действительности авторы статей не акцентируют внимание читателя на роли рынка как активного субъекта экономики. Четвертая модель представлена тремя предложными словосочетаниями: с предлогами *by*, *below*, *of*. Синтаксические конструкции данного типа рассматриваются в статье отдельно с целью осмысления когнитивного потенциала представленных предлогов. Предлог *by*, как известно, сочетается с лексемой, обозначающей агента действия. Таким образом, снова подчеркивается роль рынка регулятора экономической сферы [Porsche goes...]. Контролирующая функция рынка прослеживается и в словосочетании с предлогом *below*, который заключает в себе сему ‘level’ (уровень). Наличие некой взаимосвязи между рынками показывает пример с предлогом “*of*” [Europe's energy market...].

В некотором смысле пятую модель синтаксических конструкций можно сравнить с моделью второго типа, которая тоже является атрибутивной. Однако в последней рассматриваемой нами схеме атрибутом становится уже сама лексема ‘market’. Отличительной чертой данной модели, однако, является наличие в ней как простых (“*market value*” — рыночная стоимость [Porsche goes...], “*market forces*” — рыночные силы [Is China's growth...], “*market mayhem*” — рыночный хаос [An anatomy...]), так и составных сложных слов (“*big emerging-market companies*” — компании развивающихся рынков [Big emerging-market...], “*bond-market peg*” — поддержка рынка облигаций [Japan's bond-market...]).

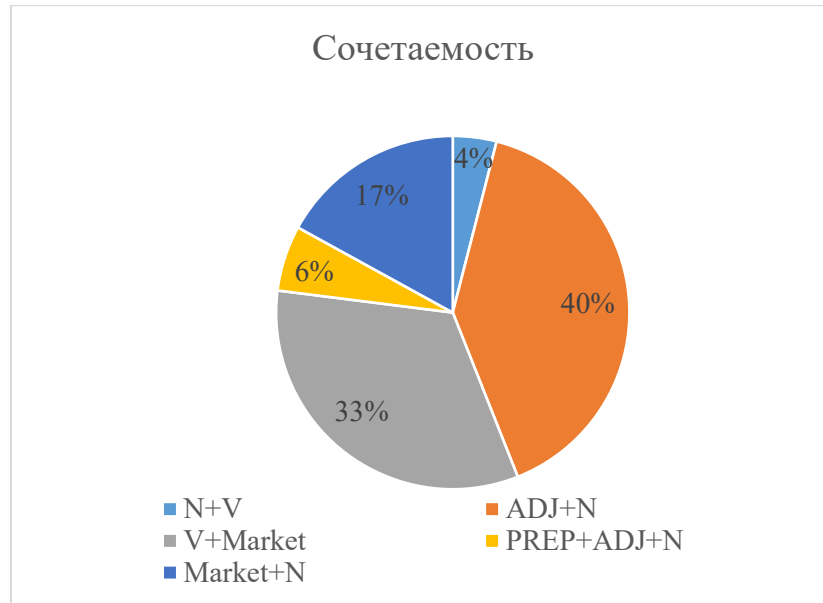

Диаграмма частотности синтаксических структур
с лексемой 'market'

Анализ синтаксиса является показательным с точки зрения грамматики и структурной лингвистики. Однако с позиции когнитивной науки наиболее ценным является процесс выявления внутренних смыслов высказываний, а также обобщение выделенных смыслов. Следовательно, описание характера взаимодействия слова 'market' с лексическими единицами, относящимися к разным частям речи, логично сводится к выделению когнитивных признаков, заключенных в семантике словосочетаний. Перечислим когнитивные признаки, выделенные нами в процессе изучения синтаксических конструкций в экономических текстах:

- 1) динамика развития (the bull market collides, the market also provides incentives);
- 2) тип реализуемой продукции/услуг (electricity market, equity market, the mortgage market);
- 3) скорость реализации товаров/услуг (red-hot market, sizzling market);
- 4) внутреннее состояние/стабильность рынка (this year's market mayhem, market chaos, market panic);
- 5) временной показатель ((long-term) hedging market);
- 6) гибкость (liquid market);
- 7) взаимодействие с другими рынками (sequence of markets);
- 8) возможность выделить составные элементы (to constitute the market, to form a market);
- 9) ценообразующая функция (by market value, below the market rate, market forces, spot-market prices);
- 10) рынок как наука (efficient-market theory).

Очевидно, что представленный список не является окончательным. Дальнейшее изучение текстовых контекстов позволит расширить данный перечень.

В заключение необходимо отметить, что, во-первых, изучение синтаксических конструкций вместе с анализом когнитивных признаков дает

исследователю возможность группировать фактический материал исследования согласно грамматическим или семантическим критериям. Синтаксические конструкции могут видоизменяться в процессе замещения их компонентов синонимичными / антонимичными единицами. Во-вторых, список когнитивных признаков позволяет составить классификацию смыслов, передаваемых конкретным концептом. В-третьих, в силу того, что анализ публицистических текстов происходит на этапе построения периферии номинативного поля концепта, данный процесс позволяет осуществить верификацию уже имеющихся результатов исследований.

Список источников

- An anatomy of this year's market mayhem, *The Economist*, 2022, August 3, URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/08/03/an-anatomy-of-this-years-market-mayhem> (accessed 12.01.2023).
- Big emerging-market companies worry investors, *The Economist*, 2022, November 17, URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/11/17/big-emerging-market-companies-worry-investors> (accessed 12.01.2023).
- China's Ponzi-like property market is eroding faith in the government, *The Economist*, SHANGHAI, 2022, September 12, URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/09/12/chinas-ponzi-like-property-market-is-eroding-faith-in-the-government> (accessed 12.01.2023).
- Europe's energy market was not built for this crisis, *The Economist*, 2022, September 8, URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/09/08/europes-energy-market-was-not-built-for-this-crisis> (accessed 12.01.2023).
- Is big tech's red-hot jobs market about to cool? *The Economist*, San Francisco, 2022, June 02, URL: <https://www.economist.com/business/2022/06/02/is-big-techs-red-hot-jobs-market-about-to-cool> (accessed 12.01.2023).
- Is China's growth model a threat to free-market economics? *The Economist*, 2018, URL: <https://www.economist.com/open-future/2018/06/13/is-chinas-growth-model-a-threat-to-free-market-economics> (accessed 12.01.2023).
- Is efficient-market theory becoming more efficient? *The Economist*, 2017, May 27, URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2017/05/27/is-efficient-market-theory-becoming-more-efficient> (accessed 12.01.2023).
- Japan's bond-market peg could snap, Leaders, *The Economist*, 2022, November 3, URL: <https://www.economist.com/leaders/2022/11/03/japans-bond-market-peg-could-snap> (accessed 12.01.2023).
- Porsche goes to market, *The Economist*, Stuttgart, 2022, September 22, URL: <https://www.economist.com/business/2022/09/22/porsche-goes-to-market> (accessed 12.01.2023).
- The world's most important financial market is not fit for purpose, *The Economist*, 2022, October 6, URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/10/06/the-worlds-most-important-financial-market-is-not-fit-for-purpose> (accessed 12.01.2023)

Список литературы / References

- Аксютенкова Л.Г. Экономическая когнитивная область: аспекты концептуализации // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2 (40). С. 67—69.
(Aksyutenkova L.G. Economic cognitive field: conceptualization aspects, *Journal of cultural life of the south of Russia*, 2011, iss. 2 (40), pp. 67—69. — In Russ.)
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. 4-е изд. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
(Boldyrev N.N. Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: lecture course, 4th ed., Tambov, 2014, 236 p. — In Russ.)

- Заварзина Г.А. Особенности функционирования концепта «Рынок» в сфере российского государственного управления начала XXI века // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 197—201.
(Zavarzina G.A. Peculiarities of functioning of concept market in the field of Russian public administration in the beginning of the XXI century, *Scientific journal of political linguistics*, 2011, no. 4, pp. 197—201. — In Russ.)
- Калугина Ю.Е. Концептосфера «экономика» в английском и русском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С. 137—144.
(Kalugina Yu.E. Conceptual sphere “economy” in the English and Russian languages, *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 2010, iss. 2, pp. 137—144. — In Russ.)
- Крылова Н.Б. Рынок // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2017. URL: <https://bigenc.ru/economics/text/3523767> (дата обращения: 14.01.2023).
(Krylova N.B. Market, *Big Russian Encyclopedia. Electronic version*, 2017 — In Russ.)
- Лопатина Л.Е. Синтаксическая конструкция // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2016. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4127679> (дата обращения: 14.01.2023).
(Lopatina L.E. Syntactic construction. *Big Russian Encyclopedia. Electronic version*, 2016. — In Russ.)
- Любимова Л.М. Лингвоментальные структуры категории пространства // Наука и образование 2013/2014 г.: материалы X Междунар. науч.-практ. конф.: сб. тр. Прага: Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2013/2014. С. 65—71.
(Lyubimova L.M. Linguoamental structures of the space category, *Science and education 2013/2014: Materials of the X international scientific-practical conference*, Prague, 2013/2014, pp. 65—71. — In Russ.)
- Науменко Л.П. Субординаційний концепт "market" у сучасному англomовному бізнес-дискурсі // Наукові студії — XXI. Філософія. Філологія. Педагогіка. Економіка. 2014. Т. 6. № 4. С. 95—108.
(Naumenko L.P. Subordination concept ‘market’ in modern English-language business discourse, *Journal of scientific studies — XXI. Philosophy. Philology. Pedagogy. Economics*, 2014, vol. 6, no. 4, pp. 95—108.)
- Ольшанский И.Г. Лексема // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2016. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2138289> (дата обращения: 14.01.2023).
(Olshansky I.G. Lexeme, *Great Russian Encyclopedia. Electronic version*, 2016. — In Russ.)
- Попова З.Д. Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Изд. 2-е. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
(Popova Z.D. Sternin I.A. Semantic and cognitive analysis of language: monograph, 2nd ed., Voronezh, 2007, 250 p. — In Russ.)
- Русакова О.Ф., Нежданов Д.В. Развитие концепта «Политический рынок»: от научной метафоры к системе категорий политической науки // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. № 2. С. 244—262.
(Rusakova O.F., Nezhdanov D.V. The development of «political marketplace» concept: from the metaphor to the system of politological categories, *Scientific journal of Political expertise: POLITEX*, 2011, iss. 2, pp. 244—262. — In Russ.)
- Столярова А.О. Ключевые концепты англоязычного бизнес-дискурса // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 473—477.
(Stolyarova A.O. Key concepts of English-language business discourse, *Journal of Cognitive studies of language*, 2020, iss. 2 (41), pp. 473—477. — In Russ.)

Черняк В.Д., Парышева Е.В. Рынок и базар в зеркале антропоцентрически ориентированных словарей // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. № 198. С. 161—170.
(Chernyak V.D., Parysheva E.V. Definitions of ryнок (market) and bazar (bazaar) in anthropocentric dictionaries, *Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*, 2020, no. 198, pp. 161—170. — In Russ.)

LINGUISTIC EXPLICATION OF THE CONCEPT ‘MARKET’ IN DIFFERENT MODELS OF SYNTACTIC STRUCTURE (Based on the publicistic text)

Vera V. Koroleva, Marina S. Rumyantseva

Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation,
queenvera@yandex.ru, marinarum21051@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the nominative field of the concept of ‘market’ in the English language on the material of electronic texts from the “The Economist” magazine. On the basis of contextual and logical analysis, it is assumed that studying the contexts of the “market” lexeme in the publicistic text allows a scientist to identify the most frequent syntactic structures that this lexical unit is a part of. The article presents a comparative table of syntactic structures with the “market” lexeme and highlights the cognitive features of the concept of under study. It is concluded that the study of contexts makes it possible to supplement the nominative field of a concept, previously compiled on the material of lexicographic sources, as well as characterize the semantic content of the analyzed concept.

Keywords: concept, market, nominative field, lexeme, syntactic structure, cognitive feature

For citation: Koroleva V.V., Rumyantseva M.S. Linguistic explication of the concept ‘market’ in different models of syntactic structure (Based on the publicistic text), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 51—59.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Королева Вера Владимировна — доктор филологических наук, заведующая кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Педагогический институт, Владимирский государственный университет, г. Владимир, Россия, queenvera@yandex.ru

Koroleva Vera Vladimirovna — Doctor of Science (Philology), Head of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Pedagogical Institute, Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, queenvera@yandex.ru

Румянцева Марина Сергеевна — магистр педагогики, кафедра второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Педагогический институт, Владимирский государственный университет, г. Владимир, Россия, marinarum21051@gmail.com

Rumyantseva Marina Sergeevna — Master of Pedagogy, the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Pedagogical Institute, Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, marinarum21051@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 60—65.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 60—65.

Научная статья

УДК 811.111(038):665.6

DOI: 10.46726/И.2023.4.8

СЛОВАРЬ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НЕФТЕПЕРЕРАБОТКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Екатерина Владимировна Работалова

Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
г. Москва, Россия, Ekaterina.rabotalova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется состояние терминографического рынка предметной области нефтепереработка в условиях цифровизации. В этой связи проводится сравнительно-сопоставительный анализ двуязычных словарей терминов нефтепереработки в диахронии. Поднимается вопрос о современных тенденциях составления словарей в условиях антропоцентричного подхода, целью которого является удовлетворение запросов и нужд пользователей. Отмечается, что потребители LSP нефтепереработки (эксперты, переводчики, преподаватели, студенты) сталкиваются с проблемой поиска универсальных ресурсов, которые наряду с переводным эквивалентом предоставляют фонетическую помету, толково-энциклопедические данные, визуально-иллюстративную поддержку, интуитивную маршрутизацию для лучшего освоения предметной области. Также в статье приводятся данные о новом типе словаря нефтегазовых терминов, проектируемого в РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина.

Ключевые слова: терминография, лексикографический анализ, LSP, нефтепереработка, словарь, цифровизация

Для цитирования: Работалова Е.В. Словарь английской терминологии нефтепереработки в цифровую эпоху // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 60—65.

Отечественные и западные лингвисты отмечают, что глобальная цифровизация социальных, экономических, политических процессов неизбежно привела к смене парадигмы в современной лексикографии [Карпова 2022: 27]. В центре внимания современных лексикографов и терминографов стоят задачи, направленные на удовлетворение запросов пользователей и популяризацию справочной продукции. Так, научные исследования в области теории и практики составления словарей приобретают антропоцентрический характер, где в центре внимания оказываются пользователи лексикографической продукции. Поэтому, при проектировании словарей различных типов, в том числе терминологических, необходимо принимать во внимание весь накопленный опыт теории и практики составления словарей, чтобы удовлетворять потребности целевой аудитории: специалистов, переводчиков, преподавателей и студентов. Целью настоящего исследования является выявление тенденций и трендов лексикографической репрезентации английских терминов нефтепереработки в эпоху цифровизации и привести результаты анализа наиболее авторитетных словарей, вышедших в свет за последние 20 лет.

В качестве метода исследования применяется анализ словарей (Critical Dictionary research), который представляет собой практический компонент общей методологии лексикографического исследования, разработанный и модифицированный научным коллективом Ивановской лексикографической школы под руководством профессора О.М. Карповой. Следует отметить, что данный инструмент является современным и апробированным способом, направленным на выявление достоинств и недостатков существующих справочников, что позволяет ответить на фундаментальный вопрос составителей лексикографической продукции: «Какой словарь нужен потребителю?»

Материалом для исследования послужили англо-русские словари, регистрирующие термины нефтепереработки разных поколений: начиная с классических печатных изданий постсоветской эпохи до цифровых онлайн-ресурсов 21 века. Нам представляется, что именно диахронический подход является наиболее наглядным для достижения поставленной цели.

Английские словари предметной области «нефтепереработка» (oil refining), как и LSP словари других предметных областей (политического, юридического, медицинского дискурсов) претерпели эволюционный путь от многотомных печатных изданий до компактных по форме, но структурированных и информативных по содержанию интернет-справочников.

В середине 1990-х гг. наблюдался терминографический бум по предложению различного типа печатных словарей нефтегазовых терминов: одноязычных (толковых, толково-энциклопедических), двуязычных (переводных). Среди наиболее востребованных среди переводчиков, преподавателей и студентов нефтегазового дела можно назвать нижеследующие. Издательство Albion Woods Publisher представило два переводных словаря: «Иллюстрированный англо-русский, русско-английский словарь нефтепромышленной терминологии» Л.М. Середницкого и Р.Дж. Финли, 1995 г., который включает около 45000 терминов, и «Иллюстрированный англо-русский, русско-английский энциклопедический словарь терминов разведочной и промысловой геофизики», составленный М. Петраш-Воган, 1997 г., включающий около 30 000 терминов.

Тогда же вышел в свет «Большой англо-русский словарь по нефти и газу» Е.Г. Коваленко, который собрал в своём словнике более 52 000 терминов различных отраслевых сегментов: поисково-разведочные работы, бурение скважин, добыча углеводородов, транспортировка, хранение, нефтепереработка и другие. Примечательно, что к 2011 году объем словаря увеличился до 250 000 терминоединиц и был включен в профессиональную версию АВВУ Lingvo (АВВУ Lingvo х6).

В 2004 году был переиздан «Англо-русский словарь по химии и переработке нефти» под редакцией В.В. Кедринского, описывающий 65 000 общенаучных и узконаправленных терминов, впоследствии вошедший в состав популярной универсальной интернет-системы Мультигран.

Данные печатные издания представляют собой двуязычные, большие, лингвистические, полные, терминологические, толковые (дифференциальные), алфавитно-гнездовые словари. Микроструктура преимущественно представлена только переводными эквивалентами. Однако ряд наиболее сложных понятий сопровождаются графическими иллюстрациями в виде схем, рисунков и пояснений, что добавляет содержательности словарной статье. Наиболее распространенным недостатком словарей аналогичного типа 1990-х — начала 2000-х является отсутствие фонетической пометы

и экстралингвистического сопровождения, что значительно снижает информационный потенциал лексикографического продукта:

reaction — 1. реакция, химическое взаимодействие 2. проба, тест, реакция (на что-либо) <...>

acid ~ кислая реакция (какая-л. химическая реакция, указывающая на присутствии в исследуемой среде ионов водорода или свободной кислоты).

Emde degradation ~ реакция расщепления Эмде (модификация реакции Гофмана) — разрыв связи C — N при обработке водного или спиртового раствора галогенида четвертичного амониювого основания амальгамой натрия.

Pyrolysis ~ реакция пиролиза [пиролитического расщепления], пиролиз. [Карпова, Работалова 2019: 289].

В начале 2000-х цифровые технологии, а также использование широкого спектра электронных ресурсов, привели к существенным изменениям в технологии и методах работы лексикографов. Так, 2004 год знаменуется активным появлением электронных переводных справочников словарной программы Polyglossum, регистрирующей термины нефтегазовой тематики. Среди наиболее востребованных среди переводчиков можно отметить следующие: «Англо-русский и русско-английский словарь новых терминов и сокращений по нефти и газу (проект Сахалин) Polyglossum» (2004), включающий около 27000 слов, «Англо-русско-английский словарь сокращений в нефтегазовой промышленности Polyglossum» (2004), содержащий около 46000 слов, «Англо-русско-английский словарь «Нефть-Газ-Химия» Polyglossum» (2004) собравший около 420000 терминов. Словарная статья данных справочников единообразна и представлена не только переводным эквивалентом, но и комментарием, и толкованием (рис. 1).

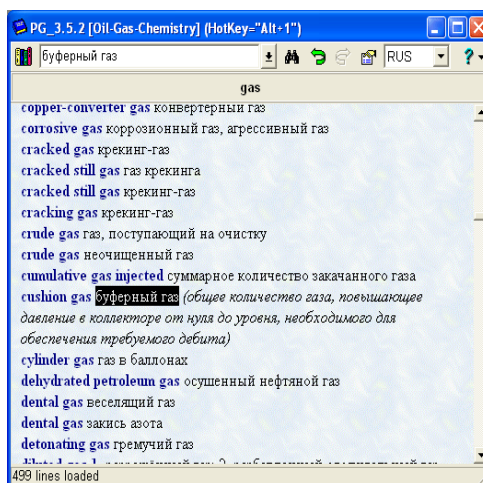

Рис. 1

Следует отметить, что программа предлагает быстрый поиск требуемой информации благодаря спискам индексов. Кроме этого, любой термин возможно использовать в качестве перекрестной ссылки, например для быстрой проверки выбранного варианта перевода методом «обратного перевода». Набор словарных баз данных всех вышеуказанных продуктов Polyglossum был призван удовлетворить нужды как профессиональных переводчиков, так и изучающих иностранный язык.

Одним из трендов современной англоязычной практики составления словарей является волонтерская лексикография (*volunteer lexicography*). В 2018 году появляется «Профессиональный англо-русский онлайн словарь Нефть, Газ, Химия», составителем которого является В.И. Карцев — специалист нефтегазового дела с много десятилетним опытом работы в отрасли, при этом не имеющий лингвистического образования. Микроструктура онлайн ресурса строго регламентирована и содержит единообразный набор функциональных параметров (аббревиатура, значение, перевод, комментарий, синонимы, раздел «разное») (рис. 2). Важно отметить, что у пользователей есть

возможность свободного перемещения в гипертекстовом пространстве, что однозначно отвечает современным способам восприятия информации.

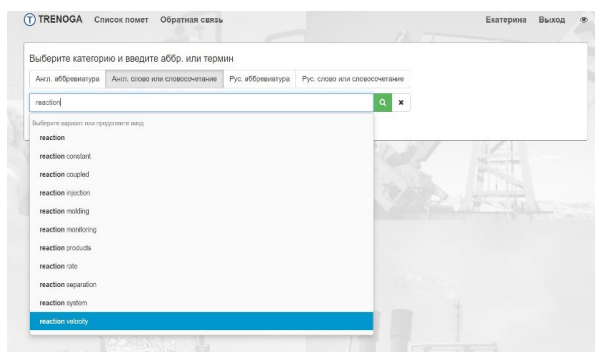

Рис. 2

Следует сказать, что данное издание явилось значимым вкладом в сферу репрезентации английских терминов нефтепереработки и вывело нефтегазовую терминологию на новый уровень представления знания. Отличительным достоинством словаря является наличие парадигматической информации — справка о синонимах и богатый корпус аббревиатур в словнике.

Нельзя не отметить, что потребности современного пользователя давно диктовали переход в новую парадигму составления словарей. Отмечается, что трендовым лексикографическим решением является создание словарей для мобильных телефонов (apps-dictionaries), востребованных, в первую очередь, молодой аудиторией. Таким может представиться новый проект онлайн справочника — «Интерактивный глоссарий нефтегазовых терминов», который находится на этапе разработки сотрудниками РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина (2021). Составители планируют презентовать продукт в форме приложения для смартфона и популяризировать его среди учащихся и преподавателей учебного заведения. Идеографическое представление макроструктуры позволяет структурировать логико-понятийный аппарат словника (рис. 3). Графическое наполнение делает интерфейс интуитивным и выстраивает поисковый маршрут пользователя (user friendly).

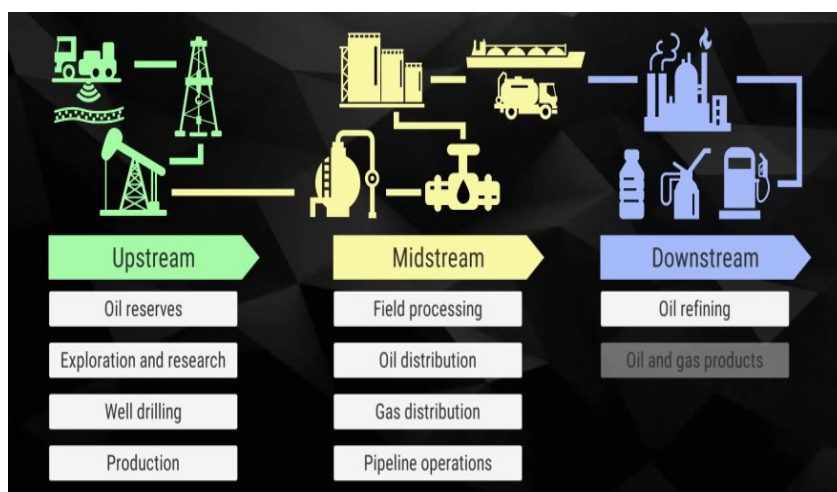

Рис. 3

Статьи отдельных входных единиц составлены в форме гипертекста и всплывают в отдельном окне, в то время как сложные технологические процессы презентуются посредством интерактивной видеоиллюстрации. На этапе включения в словник находится голосовой помощник с фонетической пометой, что является крайне важной функцией для всех категорий пользователей.

Данный проект разрабатывается в качестве методического материала к пособиям, используемым в процессе обучения студентов, и включает активный терминопараметр нефтегазовой лексики. Следует отметить, что в перспективе данный словарь может быть рекомендован широкому потребителю и использоваться переводчиками, специалистами нефтегазового дела.

Научно-технический прогресс в нефтегазовой промышленности и нефтепереработке, в частности, неизменно продуцирует необходимость для специалистов по всему миру оставаться в контексте и следить за открытиями, а также современными тенденциями в отрасли как партнеров, так и конкурентов. Цифровые лексикографические решения должны включать весь многолетний опыт составления словарей и содержать максимальный набор функций в словарной статье: толково-энциклопедические данные, переводные эквиваленты, фонетическую и грамматическую пометы, вербальные и визуальные иллюстрации. Наличие мультимедийных характеристик и других инновационных визуальных способов лексикографической обработки входных единиц сделают продукт востребованным широким кругом пользователей.

Список источников

- Англо-русско-английский словарь сокращений в нефтегазовой промышленности Polyglossum. Издательство ЭТС, 2004.
- Англо-русский и русско-английский словарь новых терминов и сокращений по нефти и газу (проект Сахалин) Polyglossum / сост. С. В. Курбатов. Издательство ЭТС, 2004.
- Профессиональный англо-русский онлайн словарь «Нефть, Газ, Химия». URL: <http://trenoga.com> (дата обращения 27.12.2022).

Список литературы / References

- Гринев Ю.Г. Особенности работы переводчика в нефтегазовой отрасли // Мосты: журнал переводчиков. 2011. № 3 (31). С. 58—62.
(Grinev Yu. G. Peculiarities of an interpreter's work in the oil and gas industry, *Mosty: zhurnal perevodchikov*, 2011, no. 3 (31), pp. 58—62.)
- Карпова О.М. Changing of Lexicographic Paradygm in Digital Era // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 2 (38). С. 24—39.
(Karpova O.M. Changing of Lexicographic Paradygm in Digital Era, *Uchenye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki*, 2022, no. 2 (38), pp. 24—39.)
- Карпова О.М., Работалова Е.В. Новые словари английской терминологии подязыка «нефтепереработки» (ответ запросам пользователей) // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции памяти проф. Ю.Н. Марчука. Москва: МГОУ, 2019. С. 286—293.
(Karpova O.M., Rabotalova E.V. New dictionaries of English terminology of the “oil refining” sublanguage (in response to user requests), *Word. Dictionary. Term. Lexicographer: Collection of articles on the materials of the international scientific-practical conference in memory of Prof. Y.N. Marchuk*, Moscow, 2019, pp. 286—293.)

OIL REFINING TERMINOLOGICAL DICTIONARY IN DIGITAL ERA

Ekaterina V. Rabotalova

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU), Moscow,
Russian Federation, Ekaterina.rabotalova@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the current trends in the oil refining terminography in the digital era. The results of the diachronic dictionaries' research are provided, the anthropocentric approach being focused on. The microstructure arrangement for terminological reference books is recommended. Also, the paper gives the overview of the lexicographic project carried out at Gubkin University.

Keywords: terminography, lexicographic analysis, LSP, oil refining, dictionary, digitalization

For citation: Rabotalova E.V. Oil refining terminological dictionary in digital era, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 60—65.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 6.02.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 6.02.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Работалова Екатерина Владимировна — старший преподаватель кафедры иностранных языков, Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, г. Москва; аспирантка кафедры зарубежной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, Ekaterina.rabotalova@yandex.ru

Rabotalova Ekaterina Vladimirovna — Senior teacher of the Moder Languages Department, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU), Moscow; Postgraduate student of the Department of Foreign Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, Ekaterina.rabotalova@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 66—74.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 66—74.

Научная статья

УДК 811.111'373.43

DOI: 10.46726/И.2023.4.9

НЕОЛОГИЗМЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ (На материале английского языка)

Татьяна Александровна Таганова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ttaganova@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает проблему неологизации современного английского языка в лексикографическом аспекте. Современные словарные издания представляют собой большие информационно-справочные порталы, дающие их авторам широкие возможности привлечения читателей к лексикографической деятельности, а также публикации самого актуального контента. Основным источником материала для изучения стали открытые словари, а также приложения и блоги, регистрирующие новые слова, появляющиеся в английском языке. Научная и практическая новизна данного исследования видится, прежде всего, в систематизации материала, а именно в описании наиболее частотных семантических групп, к которым можно отнести новые слова, отобранные для справочников как профессиональными, так и непрофессиональными лингвистами. Обсуждаются наиболее очевидные схемы образования неологизмов современного английского языка, исследуются структурные и семантические особенности новых слов английского языка, иллюстрируются основные продуктивные словообразовательные модели. Выдвигается гипотеза о том, что неологизмы способны представить тенденции развития современного общества, выявить существующие проблемы, интересы и пути развития.

Ключевые слова: неологизм, неологизация, словарь, открытый словарь, волонтерская лексикография, пользователь

Для цитирования: Таганова Т.А. Неологизмы в цифровую эпоху (На материале английского языка) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 66—74.

Введение. Языковые изменения начала XXI века характеризуются появлением значительно большего количества новых слов, чем когда-либо ранее. Справедливо это утверждение для многих языков, но прежде всего для английского. Неологизация английского языка объясняется как внутрисистемными, так и внешними обстоятельствами. Среди эволюционных процессов в языке, влияющих на появление новых слов, наблюдаются такие, как актуальность и продуктивность традиционных словообразовательных элементов, словосложения, популярность метафоризации, конверсии, аббревиации и других языковых процессов.

Внешние предпосылки, влияющие на неологизацию, связаны прежде всего с движением нашего времени, с прогрессом и развитием во многих областях. Отмечается, что во времена отсутствия социальных потрясений и значительных изменений, процесс неологизации поступателен и равномерен, тогда как в эпоху смены курса социально-политического, исторического, и культурного развития

наблюдается активное появление новых слов. Кроме того, важным фактором остается развитие сферы электронных технологий и СМИ, являющихся главным «производителем» неологизмов, закрепляющих и актуализирующих новые слова и значения. Не стоит забывать и о процессах миграции, которые также служат источником пополнения словарного состава английского языка.

Одним из источников неологизации традиционно считается словотворчество (слова просто выдумываются). Очевидно, что при появлении нового предмета или явления, изобретение нового слова, отражающего характерные черты новшества, достаточно оправданно. В этом же случае слова могут заимствоваться, и тогда лексические заимствования из других языков, которые не являются новыми сами по себе, становятся таковыми с точки зрения заимствующего языка. Отметим, что у заимствованного слова и неологизма, образованного при помощи средств собственного языка, наблюдается много общего. Появившись в языке, и неологизм, и заимствование могут потерять статус экзотизма и впоследствии вполне могут стать фактом языка.

Анализ литературы по проблеме неологизации свидетельствует о том, что главной проблемой остается определение самого термина «неологизм». Вопрос об определении и разграничении терминов «неологизм», «новое слово», «потенциальное слово», «окказионализм», «новообразование», а в английском языке *neologism*, *new word*, *coinage*, широко рассмотрен в отечественной и зарубежной литературе. Фундаментальные труды отечественных и зарубежных лексикологов [Алаторцева; Арнольд; Заботкина; Crystal; Barnhart] послужили основой для продолжения лингвистических исследований данной проблематики в последние годы [Хуснуллина; Воробьева; Шалина]. Как отмечает Л.А. Шалина, сложности в разграничении терминов до сих пор связаны с отсутствием четких критериев разведения окказионализмов и слов постоянного словарного состава [Шалина]. Отметим, что в данной статье не ставится задача упорядочить термины неологии, и слово «неологизм» понимается достаточно широко, как *любые* слова или выражения, «входящие в язык в связи с ростом культуры и техники, развитием или изменениями в общественных отношениях и изменениями в быту и условиях жизни людей, и ощущаемые говорящими как новые» [Арнольд: 323].

В отечественной и зарубежной литературе последних лет продолжается разработка проблематики неологии в различных аспектах: широко представлены классификации неологизмов по разным основаниям, включая частоту употребления и способы образования [Хуснуллина; Воробьева; Шалина], рассмотрены методы лексикографической обработки слов и принципы создания словарей новых слов [Аyto].

Данная статья имеет своей *целью* анализ семантических и структурных особенностей неологизмов английского языка, появившихся в блогах и открытых словарях — дополнениях к онлайн-словарям английского языка. За 2013—2023 годы общее количество изученных лексем составило более 2000 единиц, и данная «коллекция» пополняется практически ежедневно.

Говоря о *методике работы*, следует подчеркнуть, что материал для анализа отобран методом сплошной выборки. Работа по сбору «банка неологизмов» ведется автором на протяжении более 10 лет, и за это время проанализированы справочники неологизмов, представленные в сети интернет крупнейшими англоязычными словарными проектами, а именно: *Macmillan Dictionary*, *Cambridge Dictionary*, *Collins Dictionary*, *Merriam-Webster Dictionary*. Словари неологизмов делятся при этом на две большие группы, а именно на составленные

профессиональными лингвистами и волонтерами-любителями. При этом ряд проектов успешно развиваются и пополняются, а некоторые, такие как *Merriam-Webster Open Dictionary*, до 2017 года давший автору исследования 401 лексему для анализа, в настоящее время неактивны. За 2013—2023 годы общее количество изученных лексем составило более 2500 единиц, и данная «коллекция» пополняется, новые слова появляются практически ежедневно. Автором ведется список, описание и классификация неологизмов с учетом того обстоятельства, что одно и то же слово может быть представлено в разных справочниках. Семантические группы для классификации определяются после тщательного анализа дефиниции, словарного описания лексемы, часто по разным справочникам. Для того, чтобы семантическая группа «состоялась», автором установлено количество необходимых неологизмов, которые, исходя из описания, могут относиться к данной группе. На данный момент это 20 единиц. По понятным причинам систематизация ведется преимущественно на материале профессионально составленных приложений, однако некоторые единицы, присланные непрофессиональными читателями блога, могут быть далее зафиксированы и лексикографами. Наиболее частотные группы, такие как гастронимы [Таганова], дали для изучения и описания более 450 лексем.

Семантические и структурные особенности неологизмов. Итак, какие неологизмы успели появиться в английском языке за первые 23 года XXI века? Ежегодно различные лингвистические сообщества проводят акцию «слово года», в ходе которой определяются самые актуальные слова на определенный момент развития общества. Свои версии «слова года» предлагают *American Dialect Society*, издательства *Merriam-Webster* и *Oxford*, а также *The New York Times*. За последние десять лет такими «словами года» по разным версиям стали следующие (здесь и далее представлен авторский перевод лексем, полученный в результате интерпретации словарных статей): *insurrection* (агрессивная попытка взять контроль над правительством), *vaccine*, *VAX* (вакцина), *climate emergency* (необходимость немедленной реакции на проблемы изменения климата), *toxic* (токсичный в разных значениях), *youthquake* (значительные изменения, инициированные молодыми людьми), *pandemic* (пандемия), *they* («они» вместо «он» или «она») [Merriam Webster; Oxford University Press].

Наиболее полную информацию о появляющихся неологизмах сегодня могут дать лексикографические источники. Современная лексикографическая ситуация характеризуется расширением возможностей справочников, а именно изменением скорости включения слова в словарь. Сегодня возможно отследить языковые изменения практически в режиме реального времени. Традиционно новые слова включались в приложения к основному словарю. Данная тенденция актуальна и сегодня, когда каждый издательский дом имеет свою версию лингвистического блога или приложения, фиксирующего слова, появившиеся в СМИ, или просто слова, присланные читателями. Называться эти приложения могут по-разному. Так, издательство *Collins* представляет новые слова в блоге *Language Lovers*, который ведется профессионалами, издательство *Macmillan* имеет две странички — *Buzz Words* — блог, редактируемый профессиональными лексикографами, фиксирующий слова, уже появившиеся в СМИ, и *Macmillan Open Dictionary*, продукт волонтерской лексикографии [Карпова], полностью создающийся читателями и включающий окказионализмы, которые, по мнению волонтеров, должны впоследствии попасть в словарь современного английского языка.

Анализ неологизмов логичнее было бы начать с тех, которые отображены в приложениях к электронным справочникам профессиональными лексикографами, как в случае с *Buzz Words* или секцией *New Words Cambridge Dictionary*, то есть такие лексемы, как правило, уже регулярно появляются в СМИ, имеют определенную частотность употребления и уже получили одобрение лексикографов. Окационализмы, проанализированные далее, являют собой настолько интересный лингвистический феномен, во многих случаях нетривиальную игру слов, словотворчество, каламбур, что представляется необходимым перевести данные лексемы на русский язык. Это возможно только при внимательном изучении содержания словарной статьи.

В анализируемых приложениях помимо прочих особо выделяются лексемы, относящиеся к следующим семантическим группам: работа (чаще слова, означающие стресс, нехватку времени): *hurry sickness* (стресс из-за нехватки времени), *dilunch* (= dinner + lunch: поздний ланч); красота, здоровье и медицина: *holistorexia* (чрезмерная заикленность на здоровье), *mental health gym* (спортзал, направленный на поддержание как физического, так и ментального здоровья), *bariatrics surgery* (операция по избавлению от ожирения), *body shaming/fat shame* (публичная критика слишком полных людей), *text-neck* (заболевание шеи, связанное с постоянным наклоном головы смотрящего в телефон); технологии, информационные и интернет-технологии: *to zoom* (общаться при помощи программы Zoom), *webrooming* (процесс просмотра товара онлайн перед непосредственной покупкой), *Bit rot* (потеря информации из-за устаревшего девайса для ее воспроизведения), *cobot* (робот, предназначенный для работы в офисе вместе с человеком); СМИ: *infodemic* (слишком много информации о проблеме), *greenwash* («зеленая» кампания), *irritainment* (надоевшие телевизионные программы); люди и их привычки: *book-tokker* (тиктоккер, рассказывающий о книгах), *planetarian* (стремящийся потреблять с наименьшим уроном для планеты), *Queenager* (немолодая женщина, ведущая активный образ жизни), *sandwich generation* (поколение, заботящееся как о детях, так и о престарелых родителях), *bivalvegan* (человек, который ест моллюсков, веря, что они не страдают от того, что их едят); политика: *BREXIT* (прекращение членства Великобритании в Европейском союзе и связанная с ним процедура), *hyperleader* (лидер политической партии, который более популярен, чем его партия), *WASPI* (Women against state pension inequality: движение женщин, недовольных пенсионной реформой); экономика и бизнес: *shrinkflation* (подход, при котором в целях экономии сокращается размер продукта, а не его стоимость), *gig economy* (тренд работать на кратковременном, а не на долгосрочном контракте), *unicorn* (многообещающий стартап); гастрономы [Таганова]: *seaganism* (диета, состоящая из морепродуктов), *food desert* (отсутствие доступа к здоровой еде), *veggie disc* (гамбургер без мяса); образование: *STEAM* (science, technology, engineering, art and maths: подход в обучении, при котором объединяются гуманитарные, точные и естественные дисциплины), *SOLE* (self-organised learning environment: индивидуальное обучение при помощи интернета), *Nano-degree* (образование, полученное за короткое время), *panic master* (получение степени из-за невозможности найти работу); лексемы COVID-19: *ghost kitchen* (качественный ресторан, готовящий только на вынос или доставку в, связи с пандемией), *vaccine envy* (зависть к уже получившему вакцину), *re-entry anxiety* (боязнь возвращения к нормальной жизни), *Vaxi-Taxi* (сервис, транспортирующий людей на вакцинацию), *scariant* (новая мутация COVID), *smize* (улыбаться глазами в маске); экология: *green swan* (событие, имеющее

негативное влияние на экологию), *plogging* (прогулка, совмещенная со сбором мусора), *eco isle* (участок в магазине, где представлены экологичные товары и упаковка) [Macmillan Buzz Word; Cambridge New Words; Collins Language Lovers].

Примечательно, что одной из самых продуктивных моделей словообразования является сложение основ двух хорошо узнаваемых слов, что создает каламбур, забавную игру слов. Представим примеры таких лексем:

anecdota *information which is presented as if it is based on serious research but is in fact based on what someone thinks is true* (анекдота — информация, презентованная как научно-обоснованная, таковой не являющейся) [Macmillan Buzz Word];

anthropause *a period of time during which human activity and movement is greatly reduced* (антропауза — период времени, в который человеческая деятельность и передвижения значительно сокращаются) [Cambridge New Words].

Заметную роль в создании новых понятий играет способ составления словосочетаний из знакомых и понятных слов. Однако полученное словосочетание будет отличаться значительной идиоматичностью:

bronze ceiling *the fact that most statues represent men rather than women* (бронзовый потолок — ситуация недовольства, когда большинство памятников являются изображением мужчин, а не женщин) [Macmillan Buzz Words].

Как пишут авторы словарной статьи, метафора является аллюзией и апеллирует к выражению *glass ceiling* (стеклянный потолок), означающему некий предел, невозможность женщин развиваться профессионально. «Бронза», таким образом, сменила «стекло» из-за того, что статуи в большинстве своем изготовлены из этого металла.

Продуктивным остается и аффиксальный способ образования новых слов. Приведем примеры неологизмов, которые сконструированы при помощи продуктивных суффиксов и полуаффиксов: -eer: *bioneer* (пионер в решении экологических проблем); -er: *birther* (верящий в то, что по рождению Барак Обама не должен был быть Президентом США); -ism: *cakeism* (вера в то, что в данном явлении есть только положительные стороны), *clicktivism* (способность интернета влиять на людей), *motherism* (негативное отношение к неработающим матерям); -tion: *gamification* (геймификация); -ian: *flexitarian* (веган, который иногда ест мясо); -ic: *queentastic* (привлекательный в очень зрелом возрасте), -mania: *infomania* (постоянное присутствие в соцсетях) [Macmillan Buzz Word; Cambridge New Words; Collins Language Lovers].

Нельзя не отметить тот факт, что большинство из представленных входных единиц являются собой действительно новые феномены с точки зрения социального и культурного контекста. Заметное место занимают новые понятия, возникшие в связи с пандемией. Некоторые из них, несмотря на серьезность проблемы, весьма ироничны:

quaranteam *a group of people who go into quarantine together. Quaranteams, therefore, are not simply a convenient idea because they let people see their friends and family. Isolation poses serious health risks — both physically and mentally — those social bubbles can help alleviate while improving social well-being and quality of life.* (Карантим — группа людей, уходящих вместе на карантин. Карантим — не просто хорошая идея, дающая возможность видеть родственников и друзей. Изоляция является серьезной угрозой для физического и ментального здоровья, и такие «социальные пузыри» помогут избежать этого, улучшая качество жизни людей) [Cambridge New Words].

Рабочий стресс, большие объемы работы, характерные для современного человека и являющиеся частью современной эпохи технологического прогресса, не могут не породить особый интерес к своему здоровью, соблюдению норм правильно питания, стремление как можно дольше оставаться молодым, красивым, работоспособным. Отсюда и особая актуализация тем питания и диет, здорового образа жизни и экологии. Многие лексемы так или иначе связаны с интернет-технологиями, которые также стали неотъемлемой частью жизни. Даже новые заболевания оказываются связанными с чрезмерным использованием технологий, а получение образования без интернета уже не представляется возможным.

Необходимо отметить, что сотрудничество лексикографов и пользователей в такого рода блогах осуществляется с помощью интерактивных форм, опросов, голосований. Читатели могут проголосовать за слово и обратить внимание лексикографов на определённую единицу, указав, что она должна войти в основной словарь.

Как было отмечено выше, одной из самых интересных тенденций современной лексикографии является волонтерская практика [Карпова 2020: 29—34]. В наши дни взаимоотношения между пользователем и лексикографом в значительной мере пересматриваются. Читатель словаря становится не просто потребителем, а соавтором профессионального лексикографа. Большинство издательских домов размещают на своих сайтах разделы, лексикографические блоги, «открытые словари», отредактированные самими читателями, которые, заполнив несложную форму, описывают замеченный неологизм, становясь активными сотрудниками авторского коллектива издательского дома. Примеры словарных статей, присланных читателями, выглядят следующим образом:

opinionator someone who is paid to express their opinions. TV is full of professional opinionators, the internet gives the amateur a chance. (Опиониатор — тот, кому платят за выражение мнения. Телевидение полно профессиональных опиониаторов. Интернет дает непрофессионалу шанс) [Macmillan Open Dictionary].

oikophobia a tendency to criticize and reject your own culture and praise other cultures and ideologies instead (Ойкофобия — тенденция критиковать свою культуру и хвалить другие культуры и идеологии) [Там же].

По своей форме и «стилю» такие лексемы значительно напоминают новые слова из более профессиональных блогов, что может свидетельствовать о едином источнике — электронные СМИ, интернет-пространство. Лексикографы оставляют данный вклад в лексикографическую практику без комментариев, однако для нас верификация аутентичности предоставленной информации представляет определенный интерес. Так, поисковая система Google на запрос *opinionator* выдает 458 тыс. результатов, *oikophobia* — 232 тыс., что подтверждает достаточно широкое распространение данных неологизмов в интернет-пространстве.

Выводы. Нет никаких сомнений в том, что большинство упомянутых выше остроумных и забавных лексем останутся окказиональными единицами и канут в Лету. Однако некогда казавшиеся экзотизмами лексемы сегодня вполне адаптированы и используются в русском языке, например, «гуглить», «геймификация», «майндмэппинг», «стартап» и т. д. Внимание и особый интерес лексикографов к таким новообразованиям вполне объяснимы: уникальность социо-культурной ситуации, связанной прежде всего с цифровизацией, с изменениями темпа и ритма жизни и работы, с появлением ранее невероятных возможностей, в частности, работать из любой точки мира, но в то же время сопряженный с увеличением объемов и потоков информации стресс — все это в полной мере отразилось в современном английском языке в виде бума

неологизмов. Во многом современному адресату словаря поручено определять, какие из новых слов станут фактом языка, однако даже не вошедшие в основной состав словаря лексемы смогут в будущем многое рассказать о социуме первых двадцати лет XXI века. Данные неологизмы представляют собой уникальный культурный код, фиксируют определённый срез развития общества.

Словари современного английского языка перестали быть просто словарем как таковым. Сейчас это сложные и наполненные информацией образовательные порталы, где в том числе появляются блоги, образовательные странички, игры, страницы новых слов. Электронные словарные порталы становятся эффективным средством интерактивного общения пользователя, который указывает лексикографу на факт появления неологизмов в речи, СМИ и интернете или на необходимость более пристального внимания к лексеме. Такое сотрудничество может стать чрезвычайно плодотворным в процессе отбора материала в словник современных словарей английского языка.

Список источников

- Cambridge New Words. URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org> (accessed: 05.06.2023)
 Collins Language Lovers. URL: <https://blog.collinsdictionary.com/language-lovers> (accessed: 05.06.2023).
 Macmillan Buzz Word. URL: <https://www.macmillandictionary.com/buzzword> (accessed: 05.06.2023).
 Macmillan Open Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (accessed: 05.06.2023).
 Merriam Webster Dictionary. Word of the year. URL: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/word-of-the-year> (accessed: 05.06.2023)
 Oxford University Press. Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year> (accessed 05.06.2023).

Список литературы / References

- Алаторцева С.И. Русская неология и неография (современное состояние и перспективы). СПб.: ЛГООУ, 1998. 217 с.
 (Alatortseva S.I. Russian neology and neographics (contemporary state and prospects), St. Petersburg, 1998, 217 p. — In Russ.)
- Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2012. 376 с.
 (Arnol'd I.V. Lexicology of the contemporary English language, Moscow, 2012, 376 p. — In Russ.)
- Воробьева И.А. Понятие «неологизм», классификация неологизмов в английском языке // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2019. № 3 (101). С. 158—166.
 (Vorob'eva I.A. The term “neologism”, classification of neologisms in the English language, *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2019, no. 3 (101), pp. 158—166. — In Russ.)
- Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 126 с.
 (Zabotkina V.I. New vocabulary of contemporary English, Moscow, 1989, 126 p. — In Russ.)
- Карпова О.М. Волонтерская лексикография (на материале Толково-энциклопедического словаря “Florence in the Works of World Famous People”) // Вестник московского государственного областного университета. Лингвистика. 2020. № 1. С. 29—34.

- (Karpova O.M. Volunteer lexicography (based on encyclopedic dictionary “Florence in the Works of World-Famous People”), *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Linguistics*, 2020, no.1, pp. 29—34. — In Russ.)
- Таганова Т.А. Гастронимы современного английского языка: структурные и семантические особенности // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 7 (1). С. 38—41.
(Taganova T.A. Gastronyms of the contemporary English language: structural and semantic features, *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Gumanitarnye nauki*, 2016, no. 7 (1), pp. 38—41. —In Russ.)
- Хуснуллина Ю.А. Неоднозначность в определении термина «неологизм»: теоретический аспект // International Journal of Advanced Studies in Language and Communication. 2021. № 2. С. 22—27.
(Khusnullina Yu.A. Ambiguity in defining the term “neologism”: theoretical aspect, *International Journal of Advanced Studies in Language and Communication*, 2021, no. 2, pp. 22—27. — In Russ.)
- Шалина Л.В. Изучение основных категорий неологии в аспекте филологической подготовки иностранных студентов // Актуальные вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного. М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. 535—542 с.
(Shalina L.V. Studying the main categories of neology in the context of philological education of foreign students, *Topical issues of theory and practice of teaching Russian as a foreign language*, Moscow, 2021, pp. 535—542. — In Russ.)
- Ayto J. *A Century of New Words*, Oxford: Oxford University Press, 2007, 250 p.
- Barnhart K.R. Some thoughts about neologisms before starting BDNE IV, *Dictionaries. Neology Forum*, 1995, vol.16, pp. 50—63.
- Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*, Cambridge: Cambridge University Press, 3rd edition, 2019, 573 p.

NEW WORDS IN DIGITAL ERA (Based on the English language)

Tatyana A. Taganova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ttaganova@mail.ru

Abstract. The article deals with the notion “neologism” in its lexicographic aspect. Contemporary dictionaries have become massive information portals, which give the authors of dictionaries wide opportunities to involve the readers into lexicographic activities as well as to publish most updated content. The article is based on so called open dictionaries, which are the product of volunteer lexicography, as well as on blogs and new words sections of the dictionaries. The novelty of the research is seen in systematization of the material, in the attempt to describe most frequent semantic groups where the new words of the English language appear. Those words were selected both by professional lexicographers as well as by non-professional readers. Semantic and structural features of the new words are considered, productive ways of word formation are illustrated, main semantic groups are indicated. The hypothesis is made that the new words can reveal the trends, tendencies and problems of the contemporary society.

Keywords: neologism, neologisation, dictionary, open dictionary, volunteer lexicography, dictionary user

For citation: Taganova T.A. New Words in Digital Era (Based on the English Language), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 66—74.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; одобрена после рецензирования 14.06.2023; принята к публикации 04.10.2023.

The article was submitted 07.06.2023; approved after reviewing 14.06.2023; accepted for publication 04.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Таганова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ttaganova@mail.ru

Taganova Tatyana Alexandrovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Foreign Languages Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ttaganova@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 75—87.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2023. Iss.4. P. 75—87.

Научная статья

УДК 930.85/ 1916-1917

DOI: 10.46726/И.2023.4.10

НАМЕРЕНИЯ И ПЕРВЫЕ УСИЛИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ТЕКСТИЛЬНОГО КРАЯ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ В Г. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК (КОНЕЦ 1916 — НАЧАЛО 1917 Г.)

Юрий Александрович Ильин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает вопрос формирования условий для инициирования процесса учреждения высшего технического института в г. Иваново-Вознесенске. Опираемся на уже известные источники и опубликованные материалы, а также на новые источники и факты по данной теме. Ставим цель дать полнокровную картину производственного потенциала и культурной жизни города, оценить реакцию и действия местной общественности города в данном направлении на рубеже 1916/1917 гг. Предпринята попытка корректировки ряда положений уже устоявшихся концепций и взглядов на процесс рождения и становления высшего образования в текстильном крае. В работе дается неоднозначная оценка действий имущих слоев и интеллигенции Иваново-Вознесенска в указанный период, в частности фабрикантов Н.Г. Бурьлина и Д.Г. Бурьлина, присяжного поверенного, товарища председателя училищной комиссии Городской думы И.И. Власова. Для решения поставленной цели и соответствующих задач были применены следующие методы исследования: реконструктивный, логический, статистический и лексикологический. Автор приходит к выводу, что на тот момент для конструктивного решения поставленной задачи не было достаточно зрелых объективных и субъективных предпосылок, и в основном это проявлялось в неразвитой социальной и культурной инфраструктуре города, бедности интеллигентных сил, отсутствии поддержки со стороны правительственной власти. Энтузиазм немногих сподвижников данной идеи не мог переломить эту ситуацию, тем более ухудшавшуюся на фоне Первой мировой войны.

Ключевые слова: съезд 27 ноября 1916 г., Общество фабрикантов и заводчиков Владимирской губернии, Политехникум, Н.Г. Бурьлин, Д.Г. Бурьлин, И.И. Власов

Для цитирования: Ильин Ю.А. Намерения и первые усилия общественности текстильного края по реализации идеи учреждения высшего технического учебного заведения в г. Иваново-Вознесенск (конец 1916 — начало 1917 г.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 75—87.

© Ильин Ю.А., 2023

Начало исследования данной темы начнем с вопроса о наличии предпосылок зарождения высшего технического вуза в г. Иваново-Вознесенске. Причем будем рассматривать этот вопрос в связке с другим ее аспектом — наличием возможностей для инициирования и успешного завершения данного процесса в Иваново-Вознесенском районе в конце 1916 — начале 1917 г.

Итак, каковы же были для этого условия? Начнем с показа социально-экономических предпосылок. Исследователи-краеведы, как правило, приводят сведения о численности населения губернского (Владимир), уездного (Шуя) и безуездного (Иваново-Вознесенск) городов. Так, по данным за 1914 г., число жителей этих городов составляло соответственно 43,5 тыс. человек, 30 тыс. человек и 168,5 тыс. человек [Почивалова, Койфман: 1]. Половина населения края проживала в городах, местечках, слободках, фабричных селах [Балдин, Ильин: 29]. Это был динамичный в промышленном отношении регион: в 1900 г. только в г. Иваново-Вознесенске насчитывалось 59 предприятий, на них работало 27 тыс. человек, вырабатывалось продукции на сумму 18,5 млн рублей; в 1910 г. соответственно 64 предприятия, 32 тыс. человек и 77 млн рублей [Балдин, Ильин; Иваново-Вознесенская губерния, 1: 65].

Приведенная выше статистика значима, но не исчерпывающа и, более того, требует уточнений. Нужна дополнительная информация: а) показатели производственного потенциала регионального масштаба, а именно Верхнего Поволжья (Владимирская и Костромская губернии) и сопоставление его с промышленным потенциалом Иваново-Кинешемского промышленного района; б) данные о вкладе региона Верхнего Поволжья и, в частности Иваново-Вознесенска, в экономику Российской империи накануне Первой мировой войны. Объясняется это тем, что одним из определяющих моментов в принятии решения преподавателями и студентами о переезде в Иваново-Вознесенск были результаты промышленно-финансовой экспертизы возможностей региона обеспечить условия для нормального функционирования бывшего Рижского политехнического института.

Итак, в начале 1900-х гг. в экономике региона доминировала текстильная промышленность. Насчитывалось 146 предприятий данного профиля, в том числе 90 ткацких, 20 прядильных и 36 отделочных производств. 93 % промышленных заведений являлись хлопчатобумажными, 4 % — льняными и 3 % — прочего профиля. Как видим, преобладали промышленные заведения по переработке хлопка (всего — 105). Лица по найму составляли: в текстильном производстве — 98 % всей рабочей силы, в других отраслях — 2 % [Текстильный край...: 60]. Всего насчитывалось 270 тыс. лиц наемного труда, из них 235 тыс. человек работали на текстильных фабриках [Рабочий край: 6 октября].

По данным 1910 г., на территории Верхнего Поволжья насчитывалось 20 % всех прядильных заведений, на них работало 33 % прядильщиков страны и вырабатывалось до 1/3 объема пряжи в Российской империи. В ткацком производстве соответственно 33 %, 50 % и до 40 % тканей страны [Манчестер: 28 ноября]. На 1913 г. доля производства составляла 5 % всего валового промышленного продукта страны [Текстильный край...: 59]. На хлопчатобумажных предприятиях в среднем работало 1 400 человек, для сравнения, в стране — 680 человек [Текстильный край...: 60]. Преобладали лица квалифицированного труда и с большим стажем работы. Свидетельством чему является факт, что на 1 работающего приходилось выработки в 4 раза больше, чем в среднем по стране [Там же: 59]. Промышленно-текстильный потенциал региона по стоимости производственных фондов и техническому оснащению занимал 2 место (после Лодзинского текстильного района) в Российской империи [Манчестер: 28 ноября].

На фоне региона Иваново-Вознесенский район занимал исключительное положение. Его вклад в долю выработки предприятий Верхнего Поволжья составлял по пряже — 55,5 %, тканям — 73 % [Иваново-Вознесенская губерния...: 9]. Наконец, г. Иваново-Вознесенск был центром отделочного производства региона Верхнего Поволжья: здесь располагались 15 предприятий данного профиля (из 36) [Текстильный край...: 60]. Этот город поражал темпами своего индустриального развития. Обратимся к статистике: в 1890 г. в городе функционировало 54 предприятия, работающих — 14081 человек, выработка продукции — 25,843 млн рублей; в 1900 г. соответственно 59, 26 771 человек и 58 841 млн рублей; в 1909 г. — 68, 29 842 человек и 87, 468 млн рублей. То есть за период 1890 — 1909 гг. рост показателей составил 25,9 % — по числу предприятий, 111,93 % — по численности работающих и 238,46 % — по выработке текстильной продукции [Иваново-Вознесенская губерния..., 1: 65].

Немаловажным фактором возвышения региона (и особенно г. Иваново-Вознесенска как фабрично-текстильного мегаполиса) была финансовая мощь династий фабрикантов и заводчиков Иваново-Кинешемского промышленного района. По данным 1910 г., в регионе было 17 акционерных обществ по обработке хлопка, это 15 % от их общего числа в Российской империи, их основной капитал составлял 34,2 млн рублей (10,8 % общей суммы по стране) [Текстильный край...: 58—59]. Другой показатель мощи крупного капитала — стремительный рост прибылей предпринимателей. Так, по данным на 1907 г., местные владельцы прядильных предприятий в среднем получали прибыль в 21 % к стоимости основного капитала, хозяева ткацких и отделочных заведений — 32 % (для сравнения, по России эти показатели составляли соответственно 11 % и 24 %) [Там же: 59]. По отделочным фабрикам эти цифры были просто ошеломляющими: предприятия Товарищества Куваевской Мануфактуры получили прибыль в 54 % к основному капиталу, фабрики Грязнова — 67 %, И. Гарелина и братьев Витовых — около 78 % [Иваново-Вознесенск: 28 июня/11 июля]. На наш взгляд, более достоверными являются данные, приводимые в местной газете: в среднем показатель прибыли текстильных фабрик региона колебался в пределах 8—15 % к стоимости основного капитала. Не надо забывать, что 1907 г. был кризисным годом российской экономики в связи с событиями первой русской революции 1905—1907 гг. [Там же]. Но даже в таком году прибыли фабрикантов были весьма высокими.

Начавшаяся Первая мировая война буквально завалила текстильные предприятия региона правительственными заказами. В связи с этим были подхлестнуты и темпы роста их прибыльности. Так, в 1915/1916 промышленном году иваново-вознесенские фабриканты получили 400—500 % прибыли на вложенный рубль. По 12 фирмам региона прибыль составила 42 % к основному капиталу. По отдельным предприятиям этот показатель имел разброс в пределах 18—134 % [Иваново-Вознесенск: 28 июня/11 июля]. Заметим, что баснословные прибыли объяснялись не только значительными по объемам заказами и усиленной эксплуатацией фабрично-заводских рабочих, но и закупочными ценами на продукцию, на порядок превосходившими последствия раскручивавшейся инфляции на оптовом рынке сырья и топлива, а также темпами девальвации рубля в стране. Свидетельством чего являются показатели спада выпуска текстильной продукции (в натуральных величинах) за годы Первой мировой войны: 1914 г. — 94,6 % к уровню 1913 г., 1915 г. — 91,8 %, 1916 г. и 1917 г. — соответственно 76,9 % и 50,6 % [Текстильный край...: 75]. Так центральная власть поддерживала крупный капитал, создавала для него

режим наибольшего благоприятствования, преследуя при этом и политические цели — укрепить в среде предпринимателей лояльность к режиму. К слову сказать, в этом деле самодержавие достигло больших успехов.

Благожелательное отношение правительственной власти к разрешению проблем текстильной отрасли региона тем не менее не снимало (и даже обостряло) с повестки дня вопросы о сохранении и наращивании числа квалифицированных кадров, покупки импортного оборудования и ремонта наличного машинного парка для промышленных заведений. А потребность в этом у крупных предпринимателей нарастала с каждым годом войны, дефицит производительных сил угрожал сбоем в работе предприятий, срывом сроков выполнения заказов, штрафными санкциями от заказчика и, в конечном счете, потерей доверия и огромных барышей.

В среде предпринимателей крепла решимость разрешить технико-технологические и кадровые проблемы с помощью центральной власти, используя финансовые рычаги. Крупный капитал региона был готов к созданию сети средних и даже высших технических училищ на коммерческой основе. Такой подход фабрикантов и заводчиков можно рассматривать как важнейшую субъективную предпосылку для практических шагов в этом направлении. При этом предприниматели, прежде всего, руководствовались прагматическими целями. Ярким примером для них были показатели работы самых передовых в техническом отношении предприятий Товарищества Витовой с сыновьями: в 1915/1916 промышленном году прибыль их выросла до 134 % объема основного капитала, для сравнения, в 1907 г. — 67 % [Иваново-Вознесенск: 28 июня/11 июля].

Менялся в лучшую сторону образовательный уровень и менталитет представителей крупного капитала, возможно, потому что к руководству фирмами приходило молодое поколение, продолжатели дела дедов и отцов. Из черновиков неизданной книги И.И. Власова «Современный Иваново-Вознесенск в цифрах» (датированы маем — октябрём 1915 г.): «Руководящая роль как в фабрично-торговой, так и в городской и общественной жизни принадлежит в Иваново-Вознесенске главным образом фабрикантам и торговцам. К счастью для города, этот маленький по числу, но громадный по своему влиянию общественный слой за последнее время растет в общекультурном смысле. Среди молодого поколения фабрикантов много лиц со средним реальным и высшим техническим образованием» [Почивалова, Койфман: 16]. И.И. Власов не забывает добавить, что в городе складывалась культурная среда, весьма активно поддерживавшая намерения представителей кланов предпринимателей: «Интеллигенция в Иваново-Вознесенске крайне малочисленна и очень своеобразна. Она состоит в большей части из служащих, инженеров-химиков, механиков, колористов и прочих людей, всецело поглощенных фабричной работой. <...> Только за последний десяток лет в городе сильно увеличилось количество лиц свободных профессий — врачей, адвокатов, учителей, также перегруженных профессиональной работой при большой численности населения...» [Там же: 15—16].

Добавим к этому, что и сами предприниматели, и органы местного самоуправления эти благие намерения подкрепляли практическими делами: через участие в попечительских советах учебных заведений и закладывание сметы расходов на народное образование в годовых бюджетах городской управы. Имеются сведения по периоду 1907—1916 гг. Итак, общие расходы Иваново-Вознесенской городской управы на образование за год выросли с 30 576 рублей до 74 182 рублей (за период 1907—1913 гг.), то есть в 2,43 раза.

За эти годы доля расходов на народное образование выросла с 10,67 % до 12,8 % всех затрат городской управы [Отчет Иваново-Вознесенской...: 2—7, 80—94; Смета расходов...: 1—35, 138—139, 142—144]. Первая мировая война свела на нет этот позитивный процесс. За 1914—1916 гг. расходы органов местного самоуправления на образование даже снизились: с 53 577,64 рублей до 51 781,02 рубля, то есть на 3,4 %. Доля расходов на образование — с 7,81 % до 7,62 % всех затрат городской управы [Государственный архив Ивановской области...: оп. 2, д. 717, л. 10 об. —14; д. 776, л. 22 об. —25].

Как повлияла эта динамика на учебные заведения начального и среднего уровня? Исходя из вышеуказанной статистики, отмечаем, что в период 1907—1913 гг. число начальных заведений, субсидируемых Управой, выросло с 5 до 12, средних школ — с 2 до 4. Удельный вес ассигнований на начальную школу в эти годы вырос с 1/2 до 2/3, на среднее звено — с 1/2 до 1/3 всех затрат городской управы на образование. В период 1914—1916 гг. число начальных заведений, субсидируемых Управой, сократилось с 15 до 13, средних школ — с 8 до 4. Удельный вес ассигнований на начальную школу вырос с 32,6 % до 39,4 %, а на среднюю школу, наоборот, снизился с 67,4 % до 60,6 % всех затрат органов самоуправления на сферу просвещения.

Что дают нам эти цифры статистики? Во-первых, наблюдается рост частных учебных заведений со своими бюджетами расходов на нужды просвещения. Во-вторых, растут ассигнования городской управы на начальное и среднее звено образования в довоенный период, в годы же Первой мировой войны незначительно выросло финансирование начальной школы (с 17 454,64 тыс. рублей до 20 777,02 тыс. рублей) за счет некоторого снижения субсидий для средних учебных заведений (с 36 123 рублей до 31 004 рублей). Прямых данных за период 1907—1916 гг. о доли финансирования учебных заведений со стороны членов попечительских советов не имеем, но можем предположить, что ни начальная, ни средняя школы города не остались без необходимых средств, бесперебойно работали в нормальном ритме за счет частных благотворительных финансовых вливаний. Имеются лишь сведения на этот счет по Министерству просвещения на 1 января 1912 г. Из общего количества средств, выделенных на содержание школ среднего уровня, 42 % составляли средства министерства и 58 % — прочие доходы [Почивалова, Койфман: 13]. Под «прочими доходами» подразумевались в том числе и финансовые субсидии местных органов самоуправления, пожертвования со стороны фирм и меценатов. Представители крупного капитала имели давнюю практику играть роль попечителей, особенно средних учебных заведений. Не надо забывать, что представители фабрикантов и торговцев были широко представлены в Городской думе и играли выдающуюся роль в выработке и принятии годового бюджета данного органа самоуправления, участвовали своими капиталами в заполнении годовых расходных курируемых учебных заведений. Снижение расходов городской управы в финансировании учебных заведений по отдельным годам как раз говорит о том, что крупный капитал все активнее участвовал своими денежными средствами в деле поддержки образовательной сферы города. Особенно это было наглядно в годы Первой мировой войны, как через смету расходов городской управы, так и напрямую — через адресное финансирование начальных и средних учебных заведений.

Впервые общественность Иваново-Вознесенска стала осознавать необходимость начать обсуждение и осуществление практических шагов в направлении открытия в городе высшего технического училища в конце 1913 г. 17 ноября этого года в Иваново-Вознесенске прошла лекция редактора московского специального

технического журнала «Вестник мануфактурной промышленности» Ч.М. Иоксимовича. Бывший на этом культурном мероприятии И.И. Власов вспоминал, что в его выступлении, помимо констатации фактов имевшей место конкуренции Иваново-Вознесенского района и Лодзи и явного преимущества последней вследствие превосходства технических сил, было сформулировано предложение к местной общественности об учреждении на базе школы колористов и рисовальной школы специального Мануфактурного института для подготовки высококвалифицированных русских текстильщиков, чтобы заменить ими «поляков-колористов» и «англичан-прядильщиков» [Почивалова, Койфман: 17]. По мнению И.И. Власова, «брошенная им мысль о Мануфактурном институте произвела известное впечатление и, может быть, явилась первоначальным ядром позднейших мечтаний о высшей технической школе в экономическом центре мощного текстильного района, каким стал Иваново-Вознесенск уже в 10-е годы» [Там же].

Содержание лекции, и особенно предложение Ч.М. Иоксимовича, вызвало тогда бурные дебаты и споры в городе. Не случайно, что именно в этом году было создано предпринимателями Иваново-Вознесенское общество фабрикантов и заводчиков, в частности с целью выяснения и обсуждения «вопросов, касающихся промышленности местного района, и для разработки мер, клонящихся к ее преуспеванию...» [Там же].

Для перевода «мечтаний» о высшей технической школе в г. Иваново-Вознесенске в плоскость практических дел требовались и встречные шаги в этом направлении со стороны правительственной власти. Такие шаги были сделаны ею в лице Министерства народного просвещения, в ведении которого находились общеобразовательные, политехнические и специальные образовательные учреждения начального, среднего и высшего типа. Можно сказать, что эти действия центральной власти, с одной стороны, были востребованы всем предшествующим развитием промышленности и отвечали желаниям передовой части гуманитарной и технической интеллигенции; с другой стороны — весьма поспешными, по сути, спровоцированными неблагоприятным ходом войны.

Речь идет об эвакуации учебных заведений со своих насиженных мест вглубь Российской империи. Одним словом, в весьма неблагоприятных условиях началась разработка программы развития высшего образования, курировал ее министр народного просвещения П.Н. Игнатъев. Разработанный под его началом проект предусматривал: а) формирование сети региональных центров высшей школы до 1920 г. (государственные вузы в лице университетов и инженерно-технических учебных заведений); б) развертывание частных и общественных вузов в стране; в) новую систему инженерного образования; г) сосредоточение управления высшей школой в Совете по делам вузов.

Инициатива П.Н. Игнатьева не получила поддержку у Николая II (на личной аудиенции в июне 1916 г.), в результате с декабря 1916 г. новым министром народного просвещения стал Н.К. Кульчинский. При этом решающую роль сыграл аргумент нового главы ведомства, что в России отсутствуют объективные предпосылки для процесса значительного расширения вузов, их насаждение негативно отразится на качестве образования. Да и момент для реформирования высшей школы был выбран неудачно: Россию преследовали военные неудачи, война приняла затяжной характер. Программа П.Н. Игнатьева требовала значительного увеличения объемов финансирования за счет государства. Нельзя не учитывать и другой немаловажный аспект данного документа, который, при реализации его, неминуемо привел бы к перестройке данной сферы в демократическую плоскость, в перспективе повлиял на социальный состав чиновничества,

его менталитет, а значит и на модель поведения всей вертикали власти. Конечный результат реформирования сводился к размыванию сословно-феодальных основ управленческого аппарата российского самодержавия.

Это ясно понимали «верхи» и явно не торопились поддерживать инициативу П.Н. Игнатьева. И все же процесс пошел: о намерениях министерства народного просвещения не только услышали на местах, они, можно сказать, всколыхнули провинцию, снизу породили встречные инициативы в поддержку реформы. Суть этих инициатив — убеждение государственной власти о своей возможности принять эвакуируемые из западных регионов страны учебные заведения, взять на себя значительную часть расходов на их содержание. В фабрично-заводских районах общественность особо ходатайствовала о приглашении технических вузов и промышленных средне-специальных заведений. Одним из таких регионов была Владимирская губерния, от нее такие пожелания исходили еще с 1915 г. Ходатайства эти порой приносили плоды: в г. Иваново-Вознесенск в 1915 г. было перемещено из Польши Лодзинское мануфактурное промышленное училище, а в августе 1916 г. — Седлицкий учительский институт [Почивалова, Койфман: 18]; в Нижний Новгород был эвакуирован Варшавский политехнический институт, в Ростов на Дону — Варшавский университет, в Саратов — Киевский университет и т. д. [Почивалова, Койфман: 65]. К слову сказать, еще малоизученным в краеведении является вопрос об адаптации и дальнейшей судьбе прибывших в Иваново-Вознесенск вышеуказанных учебных заведений.

В плане заявленной темы нас интересуют события ноября — декабря 1916 г. И даже не хронология событий в те дни (факты достаточно детально рассмотрены в книге И.Е. Почиваловой и О.И. Койфмана), а их интерпретация. Итак, речь пойдет о встрече представителей крупного капитала Владимирской губернии 27 ноября 1916 г. В повестке собрания стояли два вопроса: учреждение Общества фабрикантов и заводчиков Владимирской губернии и открытие на денежные средства предпринимателей Владимирского среднего технического училища. Первый вопрос был решен положительно, по второму вопросу имели место бурные дебаты. Представители Иваново-Вознесенска, по сути, отказались поддержать владимирцев, заявив о намерении учредить в своем городе высшую техническую школу [Почивалова, Койфман: 26].

Попробуем дать свою трактовку событий в этот день. Во-первых, вызывает удивление — почему на собрание не пригласили представителей Шуйского общества фабрикантов и заводчиков, весьма влиятельных в регионе. Не потому ли, что владимирцы опасались перевеса голосов не в свою пользу при решении вопроса об открытии среднего технического училища в г. Владимир. Возможно, у организаторов встречи (во главе с А.Ф. Малининым) были надежды не встретить именно у иваново-вознесенских предпринимателей возражений на учреждение в г. Владимир среднего политехнического училища. Им было известно, что в г. Иваново-Вознесенске с 1915 г. находится эвакуированное из Польши Лодзинское среднее мануфактурно-промышленное училище и имеется ходатайство местной общественности о его окончательном оставлении в городе. Представители Владимира понимали, что весьма проблематично надеяться на размещение у них одного из эвакуированных технических учебных заведений, а вот создать на свои средства средне-специальное училище возможно. В планах было использовать для этого потенциал ремесленного училища при заводе Мальцева, к тому же надеялись на солидную финансовую поддержку Общества фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского района.

Представители данного Общества деликатно отказались от этого предложения. Н.Г. Бурьлин заявил, что «иваново-вознесенские фабриканты против учреждения нового среднего учебного заведения...» [Почивалова, Койфман: 25—26]. Д.Г. Бурьлин же указал «на весьма веское значение нахождения технической школы в промышленном центре...». Но в то же время отметил, что в г. Владимире нет промышленности [Почивалова, Койфман: 26]. Такая позиция объяснялась фразой из выступления Н.Г. Бурьлина: «они будут принимать все меры к созданию в Иваново-Вознесенске высшего технического учебного заведения». Ему же принадлежит дополнение к сказанному: «может быть Ивановским политехникумом будет одно из тех заведений, которые предложены к открытию Министерством просвещения» [Почивалова, Койфман: 26]. Попытки владимирцев найти компромисс, общие точки соприкосновения в данном вопросе оказались безуспешными.

Что из этого явствует, как оценить происшедшее? Представители Иваново-Вознесенска изначально, еще до съезда, имели общее мнение по второму вопросу заседания 27 ноября 1916 г. Суть его сводилась к следующему: а) именно г. Иваново-Вознесенск является центром технических сил не только Владимирской губернии, но и всего региона Верхнего Поволжья; б) надо делать ставку на помощь центра в деле учреждения высшего технического училища. Реализация данного плана предполагала или перемещение через министерство просвещения эвакуированного технического вуза, или получение разрешения от указанного ведомства на открытие такого учебного заведения при гарантии солидного финансирования его со стороны местной общности; в) убеждение в том, что владимирцы своими намерениями по учреждению среднего технического училища тем самым перебивают эти планы.

Складывается мнение, что застрельщиками таких настроений и модели поведения делегации Иваново-Вознесенска на собрании 27 ноября являлись Н.Г. Бурьлин и Д.Г. Бурьлин, сотоварищи же — лишь молчаливо поддерживали их позицию. Обратим внимание на такой нюанс: в повестке стояли два вопроса, по логике своей ведущих к сближению сторон, ибо от их решения зависели перспективы развития мощного потенциала текстильной отрасли. Личный отказ представителей Иваново-Вознесенска от решения второго вопроса в интересах владимирцев мог осложнить проблемы картельной организации местного бизнеса. Для смягчения неприятных последствий такого решения они выставили инициатором и вдохновителем общего мнения свое доверенное лицо, присяжного поверенного И.И. Власова, прекрасной души человека, просветителя, романтика. Этим можно объяснить, что перед началом работы собрания для его участников была зачитана телеграмма И.И. Власова, где он проводил мысль о необходимости учреждения именно в Иваново-Вознесенске высшей технической школы. Таким образом, невольно для себя он стал виновником непонимания сторон при обсуждении второго вопроса. Именно так нам видится подоплека событий 27 ноября.

В пользу изложенного выше мнения говорят и свидетельства самого И.И. Власова. 18 декабря в Москве должно было состояться очередное собрание для решения вопроса об учреждении во Владимире среднего политехнического училища. Из личных дневников И.И. Власова (датируемых 22 декабря 1916 г.) понимаем, что предприниматели Иваново-Вознесенска проигнорировали это событие: «Собрание 18 декабря собрало мало народу и было перенесено на другое число» [Почивалова, Койфман: 27—28]. Можно предположить, что явились в основном представители г. Владимира. Они поняли

бесперспективность дискуссий, тем более в присутствии лишь одного И.И. Власова, представителя Иваново-Вознесенска. Было понятно, что влиятельные члены Общества фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского района объявили бойкот идее владимирцев. В то же время И.И. Власов сообщает нам, что 21 декабря 1916 г. вопрос об инициативе Владимира и намерениях ивановцев обсуждался на совместном совещании Иваново-Вознесенской думы, Общества фабрикантов и заводчиков и Отделения Технического общества. На нем по данному вопросу активно выступал Д.Г. Бурьлин [Там же: 28].

Другое свидетельство: И.И. Власов пишет, что 20 декабря имел беседу с Д.Г. Бурьлиным: «Он сообщил мне много любопытного. Оказывается, в один из последних приездов губернатор, в особенности губернаторша, уведомили Дмитрия Геннадьевича в том, как важно было бы учредить во Владимире, как губернском городе, высшее техническое училище, и опрашивали как отнесутся и помогут ли материально ивановские фабриканты. При всем желании быть любезным с начальством Дмитрий Геннадьевич ответил, что он убежден, что техникуму надо строить не во Владимире, лишенном промышленности, а в Иваново-Вознесенске, как фабричном центре даже для Костромской губернии». Д.Г. Бурьлин был готов лично от себя внести для реализации этой идеи 100 тыс. рублей [Там же: 28]. Таким образом, показал, что город претендует на региональное значение в промышленном и техническом плане.

На что следует обратить внимание в дневниковых записях И.И. Власова? Первое — на тесное общение Д.Г. Бурьлина с семьей губернатора. Губернатор и его жена советовались с ним по данному щекотливому вопросу, лоббируя тем самым интересы владимирских предпринимателей. И логично предполагать, что по просьбе последних завели разговор именно с Д.Г. Бурьлиным, ибо видели в нем главного противника их намерений. Второе — скорее предположение, но базирующиеся на свидетельстве И.И. Власова, — совещание 18 декабря все же прошло, но в узком кругу представителей владимирской делегации. На нем была попытка взять инициативу в свои руки: реализовать идею учреждения высшего технического училища в г. Владимире. Осознавая, что финансовая мощь на стороне Иваново-Вознесенска, решили задействовать административные рычаги в лице губернатора, чтобы он надавил на активных противников их намерений видеть именно губернский город центром технических сил региона. Не случайно И.И. Власов, услышав новости от Д.Г. Бурьлина, заявил: «политехникум от нас все-таки перетянут, так как наши пассивны. Д.Г. Бурьлин возразил, что у них решено немного помочь и Владимирскому техникуму, чтобы не разбивать организации, но этот техникум предполагается низшим учебным заведением, а высшее будет зависеть от стремлений ивановцев, причем, по его мнению, нужно два факультета: механический с электротехническим отделением и технологический с отделениями химическим и красильным. Вопрос этот еще не выяснен и самому Д.Г. Бурьлину хочется поговорить о нем с профессором Московского императорского училища П.К. Худяковым» [Рабочий край: 6 октября].

Сам факт тесного контакта И.И. Власова и Д.Г. Бурьлина говорит о том, что в дореволюционный период именно они были генераторами идей и конкретных действий по открытию высшего технического училища в родном городе. И, наконец, прямое свидетельство вышесказанного: в газете «Ивановский листок» от 22 января 1917 г. отмечалось, что замысел открытия высшего технического заведения исходил от ивановских фабрикантов: Н.Г. Бурьлина, Д.Г. Бурьлина, И.К. Маракушева.

А теперь поговорим о том, возможно ли было реализовать благие намерения общественности Иваново-Вознесенского промышленного района в деле открытия высшего технического учебного заведения. Надо признать, что на рубеже 1916/1917 гг. не было таких возможностей. В те дни субъективные предпосылки процесса были заблокированы их антиподами. Речь идет о том, что и в центре, и на местах не было ни правовых, ни социально-экономических условий даже для первых шагов движения в этом направлении. Проект «вхождения высшего образования в народ», инициированный министром просвещения П.Н. Игнатьевым, не был поддержан монархом (июнь 1916 г.). В декабре 1916 г. он ушел в отставку, его сменил Н.К. Кульчинский. То есть ждать провинции поддержки от казны финансами, кадрами, оборудованием и т. д. не приходилось. А без этого усилия общественности и местных органов самоуправления были обречены на крах. Одни лишь мечтания и капиталы местных богатеев были недостаточны.

Но и на местах были проблемы, обострившиеся с необыкновенной силой и имевшие под собой застойные социально-экономические причины. Речь идет о стихийно вспыхнувшей экономической стачке, охватившей весь Иваново-Кинешемский промышленный район в декабре 1916 г. — январе 1917 г. На фоне всеобщей стачки с особой свирепостью высвечивалось лицо будущего голода городского и фабричного населения региона. В «Ивановском листке» от 22 января 1917 г. было опубликовано объявление от губернского продовольственного совещания. В нем речь шла о задержках с поставками хлеба в губернии из хлеботорговых районов: в ноябре-декабре 1916 г. прибыла только 1/7 часть назначенного к поставкам хлеба. А в номере за 28 января 1917 г. газета уже констатировала продовольственный кризис: «В лавках пусто. Более одной недели с раннего утра до позднего вечера полуверстные очереди». А тем временем, как пишет газета в номере за 1 февраля 1917 г., местные мучные короли продают городу для общественных городских пекарен большую партию молдавской пшеничной муки 3-го сорта по 34 рубля за мешок, а сами купили ее по 18 рублей. В номере за 8 февраля 1917 г. газета сообщала, что хвосты у магазинов с продуктами растут с каждым днем. Очередь стоит за 0,5 пуда по 10 часов при 20° морозе. В заметке «Продовольственный вопрос» фиксировалось: «Дефицит муки в городе, ее не хватает даже для больниц и лазаретов. Хлеб есть, закуплен, но железные дороги подводят. Хотя есть разрешение на провоз 40 вагонов муки из Кинешмы, получено всего 3. 1—2 вагона ничего не дают. В городе 150 тыс. человек <...> нужно в день 3 вагона пшеничной муки и 4 вагона ржаной муки, то есть 200 вагонов в месяц. На деле — 40—50» [Ивановский листок: 24 февраля]. Такое отчаянное положение заставило полицию вместе с понятыми от рабочих провести обыски магазинов и складов [Ивановский листок: 25 февраля]. На следующий день газета опубликовало письмо Н. Куражева, где говорилось об отсутствии хлеба в городе по причине трудностей с закупкой хлеба и его подвозом по железной дороге. Он подтвердил, что город реально располагает лишь 5 вагонами хлеба при наряде в 500 [Ивановский листок: 26 февраля].

Можно представить, какие настроения царили в обществе по отношению к властям, фабрикантам и торговцам. К чему эта информация? К тому, что у членов Общества фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского района, да и предпринимателей Иваново-Кинешемского промышленного района в этот период руки были связаны проблемами производственного и социального характера. Выражаясь словами И.И. Власова, они были всецело «заняты своими фабриками». К этому добавим: и сохранением своей репутации, личного

благополучия и даже жизни, ибо настрой к ним со стороны фабрично-заводской общественности был крайне негативный.

О какой реализации планов по учреждению высшего технического училища могла идти речь в такой момент? Именно эта описанная нами социально-экономическая ситуация привела к крушению данных планов, по крайней мере, отодвинула их на далекую перспективу. Так сама действительность приземляла планы иваново-вознесенских предпринимателей в деле подъема культурного статуса города. Именно в период декабря 1916 г. — февраля 1917 г. произошла радикальная метаморфоза в намерениях и действиях общественности текстильного края (фабрикантов, торговцев, технической интеллигенции). В ноябре — начале декабря 1916 г. члены Общества фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского района отстаивали идею учреждения Политехникума (то есть высшего политехнического института). С конца декабря 1916 г. по январь 1917 г. речь уже шла об основании мануфактурно-промышленного института для региона Верхнего Поволжья. В феврале 1917 г. этот вопрос хотел поднять И.И. Власов в Городской думе, но последовавшие вскоре события в центре и на местах радикально скорректировали эти намерения: обсуждение данным органом самоуправления вышеуказанного вопроса было перенесено на неопределенный срок.

Что касается фабричной интеллигенции, то в ее среде, на наш взгляд, изначально доминировал взвешенный подход к решению данной проблемы. Обратимся к письму (с пометкой «черновик») И.И. Власова главному редактору газеты «Старый Владимирец» П.Ф. Леонтьеву и члену организационного бюро съезда Владимирских фабрикантов и заводчиков по техническому образованию от 26 января 1917 г.: «Вопрос об устройстве техникума, выдвинутый Обществом фабрикантов и заводчиков Владимирской губернии, вызвал в нашем фабричном городе, главным образом среди фабричной интеллигенции, острый интерес и оживленные обсуждения. Выдвигаются две точки зрения. Одни — поддерживают, указывая на своевременность и необходимость развития профессионального образования, говорят, что последнее нужно ставить на западный манер, практически связывая с жизнью и фабричной работой. Сторонники другого мнения указывают на то, что наш город имеет низших и средних профессиональных школ разного типа. <...> Другой вопрос — учреждение в “Русском Манчестере” высшего технического учебного заведения — Политехникума, который мог бы обслуживать нужды всего района в инженерах — руководителях разных отраслей крупных мануфактур и внес большое оживление в жизнь нашего города, в общий культурный смысл...» [Почивалова, Койфман: 31]. Как видим, моральная поддержка была с ее стороны, но призывов форсировать данный процесс не наблюдалось: интеллигенция была склонна рассматривать эту задачу как событие — перспективу на будущее.

Как можно оценить умонастроения и действия фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского района осенью 1916 г. — феврале 1917 г.? Благие намерения в деле учреждения высшего политехнического училища, разогретые инициативой предпринимателей г. Владимира, бесспорно были прогрессивны и востребованы для развития технических сил региона. Однако они так и не перешли в плоскость практических дел. Причин здесь было несколько: а) узко-прагматические и местнические аспекты сознания инициаторов этой идеи, прежде всего иваново-вознесенских предпринимателей во главе с Н.Г. и Д.Г. Бурьлиными; б) политическая и классовая близорукость их в оценке сложившейся ситуации в стране и, в частности, регионе; в) фатальное отставание предпринимателей края в деле разрешения запущенных

социальных вопросов, возросших нужд и ожиданий фабрично-заводского населения региона в условиях шедшей Первой мировой войны.

И последнее, И.И. Власов, ярчайший представитель российской гуманистической интеллигенции, патриот и просветитель, в тот период сыграл роль застрельщика благих настроений среди просвещенной части Общества фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского края (Н.Г. Бурьлин, Д.Г. Бурьлин, Ф.А. Витов и др.). Он подготовил благоприятную почву для восприятия общественностью региона идеи создания целостной системы профессионального образования, вершину которой предполагалось увенчать учреждением высшего технического училища.

Список источников

- Государственный архив Ивановской области (ГАИО)
Иваново-Вознесенск. 1917.
Ивановский листок (Иваново-Вознесенск). 1917.
Манчестер (Иваново-Вознесенск). 1917.
Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1907 г.: Счет капиталов, образовавшихся в кассе Иваново-Вознесенской городской управы за 1907 г. Иваново-Вознесенск, 1908. 139 с.
Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1937.
Смета расходов и доходов г. Иваново-Вознесенска на 1913 г. Иваново-Вознесенск, 1913. 191 с.

Список литературы / References

- Балдин К.Е., Ильин Ю.А. Ивановский край в истории Отечества. Издание 2-е, дополненное. Иваново, 1998. 151 с.
(Baldin K.E., Ilyin Yu.A. Ivanovo region in the history of the Fatherland. 2nd ed., expanded, Ivanovo, 1998, 151 p. — In Russ.)
- Иваново-Вознесенская губерния. Иваново-Вознесенск, 1924. Т. 1. 326 с.
(Ivanovo-Voznesenskaya province, Ivanovo-Voznesensk, 1924, vol. 1, 326 p. — In Russ.)
- Иваново-Вознесенская губерния: история рождения и становления нового субъекта Российской Федерации (1917—1919 гг.). Сб. архивных материалов и статей / отв. ред. Ю.А. Ильин, Е.С. Бутрин. Иваново, 2018. 508 с.
(Ivanovo-Voznesenskaya province: the history of the birth and formation of a new subject of the Russian Federation (1917—1919), Collection of archival materials and articles, ed. Yu.A. Ilyin, E.S. Butrin, Ivanovo, 2018, 508 p. — In Russ.)
- Почивалова Е.И., Балдин К.Е. Предпосылки создания высшей школы на территории Владимирской губернии // Вестник КГУ. 2014. № 1. С. 65—68.
(Pochivalova E.I., Baldin K.E. Prerequisites for the creation of a higher school in the territory of the Vladimir province, *Bulletin of KSU*, 2014, no. 1, 65—68 p. — In Russ.)
- Почивалова И.Е., Койфман О.И. История становления высшей школы в Иваново-Вознесенске. Иваново, 2010. 271 с.
(Pochivalova I.E., Koifman O.I. The history of the formation of higher education in Ivanovo-Voznesensk, Ivanovo, 2010, 271p. — In Russ.)
- Тюрин И.И., Чернобровцев С.В., Экземплярский П.М. Текстильный край: историко-экономический очерк. Иваново, 1948. 205 с.
(Tyurin I.I., Chernobrovtssev S.V., Instantirsky P.M. Textile region: historical and economic essay, Ivanovo, 1948, 205 p. — In Russ.)

**INTENTIONS AND THE FIRST EFFORTS
OF THE TEXTILE REGION PUBLIC TO IMPLEMENT
THE IDEA OF ESTABLISHING A HIGHER TECHNICAL
EDUCATIONAL INSTITUTION IN IVANOVO-VOZNESENSK
(LATE 1916 — EARLY 1917)**

Yuri A. Ilyin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail.ru

Abstract. The article considers the issue of creating conditions for initiating the process of establishing a higher technical institute in Ivanovo-Voznesensk. We rely on already known sources and published materials, as well as on new sources and facts on this topic. Our goal is to give a full picture of the production potential and cultural life of the city, to assess the reaction and actions of the local community of the city in this direction at the turn of 1916/1917. An attempt has been made to adjust a number of provisions of already established concepts to the process of the birth and formation of higher education in the textile region. The work gives an ambiguous assessment of the actions of the propertied strata and the intelligentsia of Ivanovo-Voznesensk during the specified period, in particular, manufacturers N.G. Burylin and D.G. Burylin, sworn attorney, comrade chairman of the school commission of the City Duma I.I. Vlasov. To solve the set goals and objectives, the following research methods were applied: reconstructive, logical, statistical and lexicological methods of narration and material analysis. The author comes to the conclusion that at that moment there were not enough mature objective and subjective prerequisites for a constructive solution of the task, and this was mainly manifested in the undeveloped social and cultural infrastructure of the city, poverty of intelligent forces, lack of support from the government authorities. The enthusiasm of a few associates of this idea could not reverse this situation, especially when it worsened against the background of the First World War.

Keywords: congress on November 27, 1916, the Society of Manufacturers and Breeders of the Vladimir province, Polytechnic, N.G. Burylin, D.G. Burylin, I.I. Vlasov

For citation: Ilyin Yu.A. Intentions and the first efforts of the Textile Region public to implement the idea of establishing a higher technical educational institution in Ivanovo-Voznesensk (late 1916 — early 1917), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 75—87.

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; одобрена после рецензирования 03.07.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted to the editorial office 07.04.2023; approved after review 03.07.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Ильин Юрий Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru

Ilyin Yuri Alexandrovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 88—98.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 88—98.

Научная статья

УДК 94(47).08

DOI: 10.46726/И.2023.4.11

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЧИН САМОУБИЙСТВ СРЕДИ РОССИЙСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Маргарита Леонидовна Радченко

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,

г. Белгород, Россия, mirra.1991@mail.ru

Аннотация. Одной из ключевых проблем современного общества является демографический кризис. Связан он во многом и с высокой смертностью населения, одной из причин которой являются участвовавшие случаи самоубийства. Однако проблема суицида не является новой, а уходит корнями в историческое прошлое. Вместе с тем в отечественной историографии проблему самоубийств затрагивают не многие исследователи, несмотря на довольно обширный архивный фонд судебно-следственной документации. Официальные статистические данные позволяют проследить динамику развития случаев самоубийств, а также географию их распространения. Определенным недостатком официальной статистики является то, что не всегда местные власти подавали достоверные данные, часто занижая показатели для создания наиболее благоприятной картины. Статистические данные позволяют прояснить в определенной мере характер причин самоубийств, составить их классификацию. Для изучения вопроса о самоубийствах могут быть привлечены дополнительные источники, в частности корреспонденция и частная переписка. В статье автором была представлена попытка привлечь именно такой вид источника для рассмотрения случаев самоубийств в чиновничьей среде и их причин. Рассмотрев конкретный случай, представленный архивными материалами корреспонденции и личной переписки губернатора второй половины XIX века, автор пришел к выводу, что, несмотря на детальное представление случая суицида чиновника, нашедшее отражение в телеграммах и письмах, полностью полагаться на данный источник, не имея иных подтверждающих фактов, не является возможным.

Ключевые слова: самоубийства, судебно-следственная документация, причины самоубийства, чиновник особых поручений, губернатор, корреспонденция и частная переписка

Для цитирования: Радченко М.Л. К вопросу об использовании корреспонденции и частной переписки как исторического источника для выявления причин самоубийств среди российского чиновничества во второй половине XIX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 88—98.

Одной из актуальных тем исследований специалистов различных областей на сегодняшний день является проблема высокой смертности населения. Причем одной из причин повышения данного показателя являются самоубийства граждан, которые за последние годы существенно возросли. Однако будет несправедливо утверждать, что тенденция к добровольному лишению себя жизни появилась только в XX—XXI веке. Сложившаяся тревожная ситуация, связанная с увеличением количества самоубийств, вынуждает современных исследователей обратиться к исторической ретроспективе. Задача, стоящая перед исследователями, определить основные факторы, «способствовавшие усилению суицидальной активности населения» [Богданов 2013а: 3]. Особенно актуальным периодом для изучения данного вопроса является вторая половина XIX века. Причинами этого может послужить, во-первых, социальное развитие Российской империи в пореформенный период, когда среди населения наблюдался рост социальных противоречий и напряженности. Во-вторых, пореформенный период косвенно являлся причиной неприятия моральных установок, принятых в общественности, что привело некоторых граждан к крайне жесткому проявлению «внутреннего протеста» — к самоубийству.

Тем не менее, несмотря на актуальность обозначенного временного периода, сама проблема добровольного лишения себя жизни уходит корнями еще глубже. По факту мы можем отметить, что самоубийство — это социальный феномен, который существовал всегда и везде, начиная с античных времен и заканчивая нашими днями [Каменский: 2]. Истории самоубийств посвящалось множество трудов, как философских, рассматривающих само явление как «своеобразную попытку осмысления жизни», так и психологической, социологической, культурной направленности, в которых предпринимались попытки выявить причины развития данного феномена.

География исследований является также довольно обширной, что подтверждает актуальность проблемы.

Что касается исторической науки и места в ней исследований по данному вопросу, то здесь также наблюдается довольно активный интерес. Историография истории самоубийств включает в себя ряд монографий и статей [Murray; MacDonald and Murphy; Houston; Watt]. Как отмечает Каменский, интерес к истории развития самоубийства стал проявляться в большей степени с середины 1980-х годов и был связан, с одной стороны, с интересом к изучению вопроса о смерти, а с другой — с «обращением историков к судебной-следственной документации как источнику по истории повседневности и внутреннему миру людей прошлого» [Каменский: 3].

Что же касается российской историографии, то проблема истории самоубийств остается на данный момент малоизученной. Да и те работы, в которых поднимается данный вопрос, посвящены во многом культурологическим аспектам феномена или конкретным случаям, связанным с известными самоубийцами. Одним из специальных исследований, в котором действительно поднимаются вопросы развития тенденции самоубийства в историческом контексте, является работа представительницы кембриджской школы Сьюзен Моррисей (преподаватель Школы славянских и восточноевропейских исследований, Лондонский университет) [Morrissey]. В работе на основе делопроизводственной и судебной документации, прессы, в общеевропейском контексте исследователь прослеживает, как изменились значение и оценка самоубийства в Российской империи с XVIII века до первой четверти XX века, когда волна самоубийств превратилась в полномасштабную социальную проблему [Большакова: 85].

Справедливости ради, стоит отметить, что в российской историографии все же встречаются отдельные работы, связанные с изучением самоубийств в контексте рассмотрения проблемы высокой смертности населения в Российской империи как в столице, там и на периферии. Примером таких исследований могут послужить работы профессора С.В. Богданова. Так, на архивных материалах Курской губернии показаны темпы роста суицидальной активности населения [Богданов 2013b: 76—78], а в статье «Самоубийства в Санкт-Петербурге во второй половине XIX века: масштабы, тенденции, проблемы недоучета» [Богданов 2013a: 3—10] представлена динамика случаев суицида в столице. Дается сравнительная характеристика количества самоубийств и распределения их по гендерному признаку в сравнении с другими городами Европейской части России в 1870—1894 г.

Однако полностью представить картину совершаемых актов самоубийства именно среди чиновничьего аппарата весьма затруднительно. Одной из причин этого может служить, по мнению К.С. Веселовского, неполнота и зачастую неточность официальных сведений, подаваемых властями. Так, число самоубийств, порой значительно превосходило те данные, которые указывались в официальных документах [Веселовский]. Определенная критика относительно подаваемых официальных данных нашла свое отражение во взглядах А.В. Лихачева и Ю. Гюбнера [Лихачев; Гюбнер]. Согласно мнению исследователей, в отчетах Министерства внутренних дел и губернских статистических комитетов указывалась только треть от общего количества совершенных самоубийств.

Ко второй половине XIX века ситуация со статистическими данными практически не изменилась [Богданов 2013a: 7]. Поэтому выяснить реальные цифры представляется маловозможным. Однако даже те показатели, которые были представлены в официальной статистике, отражают довольно пессимистическую картину.

Наряду с этим у исследователей имеется возможность, по крайней мере, выявить основные причины, приводящие к самоубийству. В статье Е.А. Кравцовой и Э.В. Романовича имеется интересное замечание о том, что имеются две ключевые составляющие, — причина и фактор — которые приводили к суициду [Кравцова: 23]. Причина, как правило, какая-либо неразрешенная проблема или конфликт — как внешний, так и внутриличностный. В качестве фактора можно назвать ту ситуацию, которая и послужила отправной точкой при совершении акта самоубийства (семейные неурядицы, конфликты на службе и т. д.). Ю.П. Горяева в своей работе отмечает также такую причину, как одиночество [Горяева: 150]. Ряд возможных причин представлен в исследовании Е.З. Сидоровой [Сидорова: 138]. Наиболее распространенные — это проблемы личного характера, связанные с одиночеством, утратой или изменой близкого человека; финансовые затруднения; физиологические причины, связанные с психическими или физическими заболеваниями. Е.З. Сидорова также отмечает в качестве причин проблемы идеологического или религиозного плана, доведение до самоубийства или самоубийство как попытку уйти от наказания, например, за растрату казенных средств.

Соответственно, не исключены и другие причины, играющие решающую роль для конкретного человека.

Как было отмечено ранее, интерес к изучению вопроса самоубийств был вызван и в результате привлечения судебно-следственной документации в качестве исторического источника. Но не менее привлекательным источником, содержащим интересные сведения о суицидальных случаях, является

и корреспонденция, как официальная, так и частная. В письмах, телеграммах, приходящих в канцелярию губернатора, могла присутствовать различного рода информация, как просто извещающая о случае самоубийства, так и раскрывающая причины и детали произошедшего. Однако здесь перед исследователями встает спорный вопрос: может ли данный источник содержать достоверную информацию, или рассматривать корреспонденцию следует исключительно как нарративный источник, не принимая во внимание изложенные в нем события как достоверные.

Довольно обширный пласт источников такого рода представлен архивными материалами российских губерний второй половины XIX века.

Положение дел относительно высокой смертности в результате самоубийств являлось довольно удручающим для второй половины XIX века. Самоубийство, в особенности самоубийство находящегося на службе чиновника, бросало тень не только на непосредственное окружение самоубийцы, но и на весь чиновничий аппарат в целом, во главе с губернатором.

Один из таких случаев — самоубийство чиновника, находящегося на службе — был представлен в практике витебского губернатора В.В. фон Валя на момент его пребывания на посту в период с 1880 по 1884 года.

Личность губернатора В.В. фон Валя довольно интересная, а служебный опыт его достаточно разнообразен. Однако, рассматривая заявленный период 1880—1884 гг., следует отметить, что на этот момент Витебская губерния являлась третьей губернией для В.В. фон Валя. Губернатора фон Валя можно отнести к начинающим управленцам, так как карьеру гражданского губернатора он начал только в 1876 году, получив назначение в Ярославль на пост вице-губернатора. В 1878 году В.В. фон Валь был переведен в Гродненскую губернию, где прослужил до 1879 года. С 1879 по 1880 являлся харьковским губернатором, а в 1880 году был направлен в Витебск.

Сохранившиеся архивные материалы канцелярии витебского губернатора, в частности корреспонденция, а также личные черновые записи писем В.В. фон Валя, позволили узнать об одном из случаев самоубийств подведомственных В.В. фон Валь чиновников.

Здесь стоит отметить еще одно интересное обстоятельство. Архивные фонды В.В. фон Валя представлены достаточно обширной перепиской, черновыми записями и прочими заметками, а материалы о самоубийстве чиновника сохранены только по одному случаю. Утверждать, что в практике губернатора более не встречалось подобных происшествий, было бы не разумно, учитывая общие тенденции изучаемого периода. Однако сам факт сохранения В.В. фон Валь записей говорит о его заинтересованности и серьезном восприятии случая самоубийства чиновником, возможном поиске причин произошедшего события.

Собственно, речь идет о чиновнике особых поручений Михаиле Александровиче Кологривове, «молодом человеке 32-х лет, древнего дворянского рода, хорошо образованном, чуждого всяких дурных увлечений и наклонностей, человеке в полном смысле приятном и безупречном» [ГАРФ: ф. 542, оп. 1, д. 131. л. 9]. Именно так охарактеризовал Кологривова В.В. фон Валь. Информация об этом представлена в его черновом варианте письма к министру внутренних дел от 28-го апреля.

Началом же истории, связанной с трагическим событием, послужило письмо самого М.А. Кологривова, направленное В.В. фон Валь из имения Уволоки вечером 24 апреля 1881 года.

Текст письма, с сохранением первоначального написания, имеет следующее содержание:

«Милостивый Государь, Виктор Вильгельмович!

При сем представляю Вам, Ваше Превосходительство ключ от моей квартиры и письменного стола. В левом ящике этого стола находятся в совершенном порядке все дела, так же и сто рублевая бумажка, оставшаяся от аванса. Где-то в столе должна быть ассигновка на 13 рублей. Жалованья я не брал на этот месяц, да мне говорили, что мне следует еще каких-то столовых 28 рублей. Ездил я только в Крейцбург, за что следует 16 руб. Во всяком случае, аванс покрывается с излишком. Теперь пишу, чтобы объясниться на счет казенных дел. Завтра, т. е. через несколько часов напишу подробнее. Теперь сейчас не могу. Примите, Милостивый Государь, уверенье в совершенном уважении и глубокой преданности Вам.

Покорный слуга, М. Кологривов» [ГАРФ: ф. 542, оп. 1, д. 131. л. 1].

Текст письма, на первый взгляд, носит будничной, хотя и несколько неформальный для подведомственного чиновника, характер. Вполне можно предположить, что письмо Кологривова является частью, пусть и неформальной, но рабочей переписки с губернатором. Стоит сразу отметить и тон письма. Здесь явно прослеживается почтительное отношение к губернатору, что сразу может исключить наличие конфликта интересов на службе между губернатором В.В. фон Вальем и чиновником особых поручений М.А. Кологривовым.

Итак, первоначальное письмо Кологривова, рассматриваемое изолированно от другой корреспонденции, вряд ли вызвало бы существенный интерес у исследователей. Однако следующая телеграмма, направленная губернатору, дает возможность взглянуть на ситуацию с иного ракурса.

Приведем текст телеграммы уездного пристава Котырло, зафиксированной следующим днем, 25 апреля в 13 ч. 59 мин:

«Опекун имения Уволоки, чиновник Михаил Александрович Кологривов, прибывший из Витебска вчера утром, распорядился в лесу утроить из 13 возов дров костер, обложив кругом соломой, облив дрова и солому керосином, будто для маевки. Сего числа рано Кологривов найден сгоревшим в костре и при остатках его костей найден револьвер, кинжал, часы и ключ от дома» [ГАРФ: ф. 542, оп. 1, д. 131. л. 2].

Содержание телеграммы дает нам информацию не только о самоубийстве Михаила Кологривова. С одной стороны, оно указывает нам на намеренный, заранее тщательно спланированный акт суицида. Это подтверждает и наличие устроенного костра, и взятые с собой револьвер и кинжал, а также заранее написанные письма, о которых будет еще сказано. А с другой стороны, столь детальная организация дает повод задуматься — а на самом ли деле самоубийство чиновника было добровольным актом, и не имело ли здесь место спланированное и организованное третьим лицом попытка сокрытого убийства?

Попытку найти ответ на данный вопрос мы вполне можем использовать как один из возможных вариантов, почему губернатор В.В. фон Валь сохранил все письма и телеграммы по этому делу.

Тем не менее, рассматривая первый вариант спланированного самоубийства самим чиновником, вернемся к наличию написанных им заранее писем. Текст первого письма, отправленного на имя губернатора от 24-го апреля, был приведен. Рассмотрим и содержание второго письма от 25 апреля, зарегистрированного в 00 ч. 15 мин.

Что интересно, это письмо, помимо основной содержательной части, включает также «деловые заметки» и «просьбу».

Для лучшего представления происходящего, текст приведен с сохранением первоначальной редакции автором письма.

«Милостивый Государь, Виктор Вильгельмович!

Через час я застрелюсь и сгорю. Сгорю для того, чтобы избежать похорон и не причинять лишних хлопот. Причина моего самоубийства кроется во мне самом. Внешней причины нет — нечего ее и искать. Доказательством может служить то, что я уже раз делал попытку самоубийства (в Мюнхене, в 1877 году), но меня, к сожалению, тогда спасли. Не взял отставки, как говорил Вам, чтобы не возбудить ложных толков. Весьма жалею, что делаю Вам — может быть неприятность. Извините! Благодарю Вас еще раз за хорошее ко мне расположение. Всегда считал за счастье и честь служить под начальством Вашего Превосходительства.

Деловые заметки

- 1.) Дела, как уже писал, находятся в левом ящике письменного стола, ключи от которого посланы.*
- 2.) Аванс покрывается 100 руб. бумагой, находящейся в том же ящике.*
- 3.) За квартиру заплачено по 1 Июня (не июля как в расписке, следовательно, нужно приказать перевезти все вещи в Уволоки).*
- 4.) В Витебской губернии никому ни копейки не должен.*
- 5.) Все документы отосланы дедушке детей Князю Звенигородскому, Нижней Новгородской губернии, г. Ардатов, который не оставит детей.*
- 6.) Все детские ценные вещи находятся у сестры моей в Орле.*
- 7.) Все мои вещи без исключения оставляю детям.*

Просьба

1.) Для перевозки вещей, составления списка и т. п. назначить, если возможно пристава нашего стана господина Котырло, которого я уже семь лет знаю.

Он верный и очень хороший человек, который к тому же хорошо знает все наши обстоятельства. Пожалуйста!

2.) Долг и вещи можно кажется отдать арендатору Семену.

3.) Никого не извещать раньше недели, чтобы все могли сперва получить мои письма.

4.) Елико возможно не оглашать этого события. Пожалуйста!

М. Кологривов.

Примите, Милостивый Государь, и этот раз не как фразу, а как выражение действительного моего чувства увереня в совершенном уважении и глубокой преданности с которым до конца остаюсь Вашим М. Кологривовым» [ГАРФ: ф. 542, оп. 1, д. 131. л. 6—8].

В этом письме мы можем наблюдать уже не просто уважительное отношение М. Кологривова к В.В. фон Валу. Контекст письма свидетельствует о хороших, доверительных отношениях между чиновником особых поручений и губернатором. Судя по всему, Кологривов уже поднимал ранее тему самоубийства, не исключено, что в разговорах с губернатором присутствовали подобные беседы и возможные осложнения для губернатора, которые могли последовать вследствие суицида его подчиненного. Не зря Кологривов, решившись на добровольный уход из жизни, не подает в отставку, а берет отпуск.

Хотя, безусловно, самоубийство подведомственного чиновника возлагало на губернатора определенную ответственность, все же стоит признать

тот факт, что отставка Кологривова и последующее самоубийство могли вызвать большие осложнения для В.В. фон Валя.

Пытался ли воздействовать на чиновника губернатор? Возможно, путем уговоров или проведением профилактических бесед? Принимая во внимание «хорошее расположение» к Кологривову, мы можем предположить, что у губернатора, естественно, присутствовало желание не допустить случая суицида среди подчиненных не только из-за опасений возникновения осложнений на службе. Нельзя отрицать здесь и человеческий фактор, наличие эмпатии к служащему и стремление оказать ему помощь.

Но что же стало отправной точкой для М.А. Кологривова, почему чиновник, несмотря на возможные попытки со стороны губернатора оказать ему поддержку, все же решился на самоубийство?

Вероятный ответ на данный вопрос дает сам губернатор В.В. фон Валь. Текст чернового варианта письма министру внутренних дел также сохранился в документах губернатора. Выглядит он следующим образом:

«При мне состоял чиновник особых поручений Михаил Кологривов. Это молодой человек 32 лет древнего дворянского рода, хорошо образованный, чуждый всяких дурных увлечений и наклонностей, и вообще человек в полном смысле приятный и безупречный.

Получив от меня 23 апреля кратковременный отпуск, Кологривов выехал в имение Уволоки в 20 верстах от Витебска, принадлежащее малолетним его племянникам, над которыми он состоит опекуном <...>. (Далее идет пересказ содержания писем М. Кологривова и последних событиях. — М. Р.). <...> Из этого письма Кологривова, причины побудившей его на самоубийство не видно, и трудно предположить, чтобы они могли выясниться и начавшимся следствием, так как они, должно понимать, семейные и потому вряд ли известны кому-либо из посторонних лиц. В семействе Кологривовых, по некоторым частным сведениям, проявление душевного расстройства, вероятно вследствие каких-либо семейных обстоятельств, наследственное, о чем отлично может служить доказательством то, что родной брат покойного Кологривова, служивший в Петербурге, несколько лет тому назад тоже покончил жизнь самоубийством; тело его было найдено в реке Неве. Донося об этом Вашему Сиятельству, честь имею присовокупить, что покойный Кологривов человек еще молодой 32 лет, вел жизнь совершенно скромную, занимая службою усердно и вообще, как в нравственном, так и в служебных его отношениях, ничего предосудительного замечено не было; дела, а также полученные им разного рода казенные деньги, после смерти его найдены в полном порядке и целости» [ГАРФ: ф. 542, оп. 1, д. 131. л. 9—10].

Таким образом, благодаря архивным документам, перед нами вырисовывается событийная линия произошедшего события в целом. Но наиболее актуальным для исследования все же является определение причин, подтолкнувших Кологривова к самоубийству.

Наиболее очевидными кажутся физиологические причины, связанные с нестабильным психическим здоровьем чиновника. На это указывает в черновых записях В.В. фон Валь, отмечая и тот факт, что душевное расстройство являлось наследственным — самоубийство родного брата Кологривова тому доказательство.

Но, принимая во внимание эти факты, можем ли мы с полной уверенностью утверждать, что именно эта причина и послужила отправной точкой и не принимать в расчет другие причины и обстоятельства? Можем ли полностью

исключить вероятность доведения до самоубийства или «организацию самоубийства» третьим лицом? На наш взгляд, исключить эти предположения и не принимать их в расчет, как вероятно возможные, вряд ли будет объективно.

Если мы посмотрим на имеющиеся в нашем распоряжении документы, сохраненные В.В. фон Валем, то мы увидим, с одной стороны, человека, находящегося в состоянии депрессии, меланхолии. При этом данное состояние чувств наблюдается у чиновника уже продолжительный период времени. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что Кологривов уже предпринимал попытку суицида в Мюнхене. С другой стороны, в нашем распоряжении не имеется иных доказательств, кроме тех, что указаны в письмах М. Кологривова и В.В. фон Валя, а они имеют субъективный характер.

В данных обстоятельствах у исследователей возникает определенный вопрос: стоит ли безоговорочно довериться сохраненной В.В. фон Валем корреспонденции? Принимая как истину то, что зафиксировано в письмах и черновиках, определить первопричиной самоубийства чиновника особых поручений — меланхолию, наследственное психическое расстройство. Или опровергнуть данную версию, предположив, что за кажущимся очевидным самоубийством кроется возможное преступление — доведение до самоубийства или вообще убийство, замаскированное под самоубийство. К этому предположению может подтолкнуть такая тщательная подготовка, обстоятельно написанные письма, где упоминается, что причина только в самом Кологривове, а также телеграмма сестры М. Кологривова из Орла. В данной телеграмме от 2 мая 1881 года на имя губернатора сестра М.А. Кологривова — София Савинова — просит сообщить ей, действительно ли ее брат скончался и какова причина смерти [ГАРФ: ф. 542, оп. 1, д. 131, л. 11]. Телеграмма привлекает внимание в связи с тем, что сам Кологривов в письме к губернатору просил оказать ему услугу и не сообщать о его самоубийстве в течение недели, пока не дойдут отправленные им письма родным. Логично будет предположить, что в случае имеющихся душевных расстройств чиновника и склонности его к суицидальному поведению написанные им письма к родственникам во многом бы объяснили причину смерти. Телеграмма же С. Савиновой может свидетельствовать о том, что одного письма было недостаточно для установления причины смерти ее брата.

Интересным, с точки зрения исследователей, является и черновик письма В.В. фон Валя к министру, в котором губернатор дает отличную характеристику своему подчиненному, отмечая в нем в то же время признаки наследственной душевной нестабильности. Ранее уже было замечено, что, судя по характеру переписки, можно отметить наличие неформальных отношений между губернатором и чиновником особых поручений, участие В.В. фон Валя в жизни Кологривова с целью оказать ему помощь и психологическую поддержку. Действительно, человеческий фактор имеет место быть, так же, как и установление неформальных взаимоотношений между губернатором и подведомственным ему чиновником. Тем не менее, при изучении черновика письма, вновь возникает спорный вопрос: было ли со стороны губернатора преднамеренное желание «отписаться» министру о наличии у чиновника Кологривова «наследственного душевного расстройства», снимая отчасти с себя ответственность за произошедшее событие. Могли при этом быть не учтены дополнительные факторы и причины, которые могли подтолкнуть М. Кологривова к самоубийству. Такое вполне возможно. Если далеко не всегда подавались официальные сведения о совершенных актах самоубийства чиновников со стороны губернской администрации [Веселовский],

то так же могли и не подаваться сведения о фактах, которые могли привести к осложнениям на службе у администрации.

Таким образом, выходит, что случай с самоубийством М.А. Кологривова, который представлен в переписке и на первый взгляд кажется предельно ясным и достоверным, на деле мог вполне иметь множество «тонкостей» и скрытых причин. Корреспонденция, сохраненная В.В. фон Валем, предоставляет нам множество деталей и на первый взгляд является отличным историческим материалом. Но вот возможность трактовать данный материал с различных точек зрения и отсутствие иных, подтверждающих правдивость изложенных событий, документов делает корреспонденцию и частную переписку источником, не вызывающим полноценного доверия у исследователей.

Подводя черту, можем сделать следующие выводы. Вопрос о самоубийстве представителей чиновничьего аппарата, особенно это касается причин, подтолкнувших чиновников к таким действиям, можно считать актуальным и на сегодняшний день. Знание исходных первопричин может способствовать налаживанию и проведению профилактических мер в чиновничьей среде, что также является немаловажным.

Стоит отметить и тот факт, что, несмотря на актуальность проблемы, тема самоубийств среди чиновников в российской историографии поднималась не так часто. Хотя архивный материал представлен в довольно широком спектре. Привлечение судебно-следственной документации позволит сделать вывод о статистике случаев самоубийств и географии распространения (хотя и не всегда в полной мере), а также о характере причин самоубийств.

Отдельно стоит рассматривать такой источник, как корреспонденцию, направленную на имя губернатора и частную переписку. Данные материалы в том числе дают нам информацию, зачастую более детальную и многообразную о случаях совершенных самоубийств в губернии. Однако какой бы достоверной не казалась информация, представленная в письмах и телеграммах, стоит все же рассматривать данный вид источника как нарративный. Без дополнительных подтверждающих документов содержание корреспонденции можно трактовать с разных точек зрения. В первую очередь представленные в ней «факты» в большей или меньшей степени отображают позицию автора письма, телеграммы. Соответственно, часть деталей, причин может попросту не войти в содержание «за ненадобностью». Тем не менее, дополнить общую картину, выявить формат отношений между чиновником и его адресатом, показать наличие самой проблемы — в этом корреспонденция, частная переписка как исторический источник вполне может найти применение у исследователей.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Список литературы / References

Богданов С.В. Самоубийства в Санкт-Петербурге во второй половине XIX века: масштабы, тенденции, проблемы недоучета // Суицидология. 2013а. № 4 (13). С. 3—8. (Bogdanov S.V. Suicides in St. Petersburg in the second half of the 19th century: scale, trends, problems of underreporting, *Suicidology*, 2013a, no. 4 (13), pp. 3—8. — In Russ.)

- Богданов С.В. Темпоральные характеристики самоубийств в Российской провинции второй половины XIX века (на материалах Курской губернии) // Суицидология. 2013b. № 3 (12). С. 76—78.
(Bogdanov S.V. Temporal characteristics of suicides in the Russian province of the second half of the 19th century (based on materials from the Kursk province), *Suicidology*, 2013b, no. 3 (12), pp. 76—78. — In Russ.)
- Большакова О.В. Морриссей С. Самоубийство и государство в императорской России. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Информационно-аналитический журнал. 2009. № 2. С. 85—90.
(Bol'shakova O.V. Morrissey S. Suicide and the State in Imperial Russia, *Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Series 5, History: Information and analytical magazine*, 2009, no. 2, pp. 85—90. — In Russ.)
- Веселовский К.С. Опыты нравственной статистики России. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1847. 64 с.
(Veselovskij K.S. Experiments in moral statistics in Russia, St. Petersburg, 1847, 64 p. — In Russ.)
- Гюбнер Ю. Самоубийства в Санкт-Петербурге. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1868. 23 с.
(Gyubner YU. Suicides in St. Petersburg, St. Petersburg, 1868, 23 p. — In Russ.)
- Каменский А. Феномен самоубийства в России XVIII в. // E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2020. Т. 8. С. 1—26.
(Kamenskij A. The phenomenon of suicide in Russia in the 18th century, *E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, 2020, vol. 8, pp. 1—26. — In Russ.)
- Кравцова Е.А., Романович Э.В. Взаимодействие полиции с отдельными институтами гражданского общества // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 2. С. 21—25.
(Kravcova E.A., Romanovich E.V. Interaction of the police with individual institutions of civil society, *Problems of law enforcement*, 2022, no. 2, pp. 21—25. — In Russ.)
- Лихачев А.В. Самоубийство в Западной Европе и Европейской России. Сравнительное статистическое исследование. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 253 с.
(Lihachev A.V. Suicide in Western Europe and European Russia. Comparative statistical study, St. Petersburg, 1882, 253 p. — In Russ.)
- Сидорова Е.З. О детерминантах суицида // Академическая мысль. 2020. № 2 (11). С. 137—139.
(Sidorova E.Z. On the determinants of suicide, *Academic thought*, 2020, no. 2 (11), pp. 137—139. — In Russ.)
- Houston R.A. Punishing the Dead? Suicide, Lordship, and Community in Britain, 1500—1830. Oxford: Oxford University Press, 2010, 416 p.
- MacDonald M. and Murphy T. Sleepless Souls: Suicide in Early Modern England. Oxford: Clarendon Press, 1990, 400 p.
- Morrissey S.K. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 384 p.
- Murray A. Suicide in the Middle Ages: in 2 vols, Oxford: Oxford University Press, 1998—2000, vol. 1: The Violent Against Themselves, 510 p.
- From Sin to Insanity: Suicide in Early Modern Europe, ed. by Watt Jeffrey, Ithaca; NY: Cornell University Press, 2004, 256 p.

**ON THE USE OF CORRESPONDENCE
AND PRIVATE CORRESPONDENCE
AS A HISTORICAL SOURCE TO IDENTIFY
THE CAUSES OF SUICIDES AMONG RUSSIAN OFFICIALS
IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

Margarita L. Radchenko

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russian Federation, mirra.1991@mail.ru

Abstract. One of the key problems of modern society is the demographic crisis. It is connected in many ways with the high mortality rate of the population, one of the reasons for which are the frequent cases of suicide. However, the problem of suicide is not new, but is rooted in the historical past. At the same time, in domestic historiography, the problem of suicide is touched upon by few researchers, despite the rather extensive archival fund of forensic investigative documentation. Official statistics allows us to trace the dynamics of the development of suicide cases, as well as the geography of distribution. A certain drawback of official statistics is that local authorities have not always provided reliable data, often underestimating indicators to create the most favorable picture. Statistical data allow clarifying to a certain extent the nature of the causes of suicide, to make their classification. Additional sources, in particular correspondence and private correspondence, can be used to study the issue of suicide. In the article, the author presented an attempt to attract exactly this type of source for the consideration of suicide cases in the official environment. Having considered a specific case presented by archival materials of correspondence and personal correspondence of the governor of the second half of the XIX century, the author came to the conclusion that, despite the detailed presentation of the case of suicide of an official, reflected in telegrams and letters, it is not possible to fully rely on this source without other supporting facts.

Keywords: suicides, forensic investigation documentation, causes of suicide, special assignments official, governor, correspondence and private correspondence

For citation: Radchenko M.L. On the use of correspondence and private correspondence as a historical source to identify the causes of suicides among Russian officials in the second half of the XIX century, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 88—98.

Статья поступила в редакцию 28.07.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 28.07.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Радченко Маргарита Леонидовна — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия, mirra.1991@mail.ru

Radchenko Margarita Leonidovna — Candidate of Science (History). Lecturer of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russian Federation, mirra.1991@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 99—110.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 99—110.

Научная статья

УДК 72.035 (470.315)

DOI: 10.46726/И.2023.4.12

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ФРОНТАЛЬНОЙ ЗАСТРОЙКИ УЛИЦЫ СОВЕТСКОЙ В Г. ИВАНОВО

Наталья Владимировна Савельева

АО «Ивановореставрация», г. Иваново, Россия, nasava85@outlook.com

Аннотация. В статье представлен историко-архитектурный анализ фронтальной застройки фрагмента улицы Советской г. Иваново на участке от ул. Крутицкой до ул. Бубнова. Указанный участок является объектом культурного наследия местного (муниципального) значения и включен в Перечень объектов культурного наследия под наименованием «Негорелая улица» под видом «достопримечательное место». Данный анализ был проведен для уточнения действующих требований к осуществлению деятельности и градостроительному регламенту в границах территории объекта ввиду выявления обусловленных регламентом ограничений, препятствующих эффективной реновации объекта. Анализ проводился на основании источниковедческих, архивных и натурных исследований. При сопоставлении ситуационных планов и схем участков различных исторических периодов был определен градостроительный характер развития исследуемого участка. Полученные данные легли в основу графических реконструкций, отразивших основные этапы архитектурно-планировочных преобразований объекта с XVIII — до начала XXI века. Были выявлены ландшафтные, силуэтные и композиционные характеристики места, обозначены специфика сложившейся планировочной структуры и ее взаимосвязи с ландшафтом, силуэтом, каркасом, тканью и композицией застройки. На основе фотофиксационных материалов и данных натурных обследований были изучены морфологические, типологические и стилевые особенности строений, что позволило выполнить комплексный архитектурный анализ фронтальной застройки улицы. В результате было определено, что формирование улицы носило поступательный характер, основанный на преемственности ранее сложившейся историко-культурной среды. Для потенциальной эффективной реновации столь разнородной среды, помимо уточнения действующего требования общего регламента, действующего для всей территории, рекомендовано выделение в ее составе отдельных регламентных участков, допускающих адаптивное строительство в параметрах, определяемых на основе историко-архитектурного анализа конкретного участка и поддерживающих дальнейшее свойственное эволюционное развитие.

Ключевые слова: реновация, регенерация, фронтальная застройка улицы, межевание, парцелляция, объект культурного наследия, историко-архитектурная среда, достопримечательное место, Негорелая улица, улица Советская, Иваново-Вознесенск, Иваново

Для цитирования: Савельева Н.В. Историко-архитектурный анализ фронтальной застройки улицы Советской в г. Иваново // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 99—110.

Историко-культурная среда является материальным воплощением предшествующих эпох и представляет собой своеобразный «генетический код» поселения, состоящий из совокупности взаимосвязанных признаков, определяющих его аутентичность. Несмотря на разновременные наслоения, по мнению А.Э. Гутнова, М.П. Кудрявцева, Т.Н. Кудрявцевой, А.В. Лисициной и других ученых, структурные элементы историко-культурной среды, такие как квартал или улица представляют собой целостный архитектурный ансамбль, складывающийся закономерно под воздействием комплекса факторов на разных временных этапах. Заложенный в основу существования исторической среды механизм поступательности подразумевает динамическую изменчивость, преемственность и устойчивость и тем самым предъявляет повышенные требования к дальнейшей регенерации, в особенности к проектированию и строительству новых капитальных объектов в границах ее территории. В последние годы к данной проблеме обращаются А.Л. Гельфонд, А.В. Лисицина, О.В. Орельская, А.А. Худин, А.С. Щенков и многие другие ученые, проводящие узконаправленные исследования отдельных поселений. Предложенные ими пути регенерации исторической среды имеют высокую общетеоретическую значимость, однако практическая составляющая исследований направлена на решение узколокальных задач конкретной аутентичной среды и не может быть формализована за ее пределами. Для раскрытия реновационного потенциала каждого фрагмента исторической среды необходимо индивидуальное уточнение допустимых параметров нового строительства.

Проводимая в последние годы комитетом Ивановской области по охране объектов культурного наследия деятельность по объединению отдельных объектов культурного наследия в достопримечательные места в границах территорий исторических улиц направлена на целостное сохранение исторической среды. Для объектов данного вида установлены требования к осуществлению деятельности и градостроительному регламенту. Однако в процессе проведения проектных работ по регенерации исторической среды в границах достопримечательного места «улица Негорелая» было установлено, что положения действующего регламента не могут быть одинаково эффективно применены на всем его протяжении, а специфика поступательного формирования застройки требует изменения общего подхода на адаптивный, предусматривающий введение множества режимов регулирования. Таким образом, целью работы стало проведение историко-архитектурного анализа объекта культурного наследия для выявления градостроительных, архитектурно-планировочных и объемно-пространственных особенностей формирования улицы, на основании которых, в рамках реновации территории, будет подтверждена необходимость выделения регламентных участков с индивидуальными допустимыми параметрами нового строительства.

Объект культурного наследия местного значения «Негорелая улица» расположен в древнейшей части города Иваново — вблизи главной торговой площади промышленного села Иванова, датируемого XV в. Территория объекта охватывает преимущественно фронтальную застройку ул. Советской (в кон. XIX в. — ул. Негорелая) от перекрестка с ул. Крутицкой (в XVIII в. — ул. Большая Круглиха) до перекрестка с ул. Бубнова (в XIX в. — ул. Краснопрудная). Протяженность участка в границах красных линий составляет 1100 метров. В начале XIX в., до переименования участка в ул. Негорелую, улица состояла из трех разноименных фрагментов — ул. Троицкой, ул. Негорелой и ул. Разгуляй. Свое современное название улица получила в 1961 г.

Улицей Советской закреплена вторая линия квартальной застройки, на северо-восток от главной торговой площади села Иванова XVIII в., ныне носящей название Площадь Революции (в XIX в. — Георгиевская площадь). Улица проходит с северо-запада на юго-восток, параллельно главной планировочной оси села Иванова — участку старинного торгово-почтового тракта Петербург — Нижний Новгород (ул. Ленина, в XIX в. — ул. Георгиевская), проложенного вдоль русла (ныне подземного) правого притока реки Уводи — ручья Кокуй.

Согласно принятой классификации дорог древнерусских поселений [Кудрявцева], определено, что в планировочной структуре данная улица выполняла роль одной из главных проезжих дорог, связывая окраинные слободы с торгом и Покровским монастырем (взорван в 1831 г.), который, наравне с бескрайней панорамой противоположного берега Уводи, замыкал ее северо-западную видовую перспективу (рис. 1).

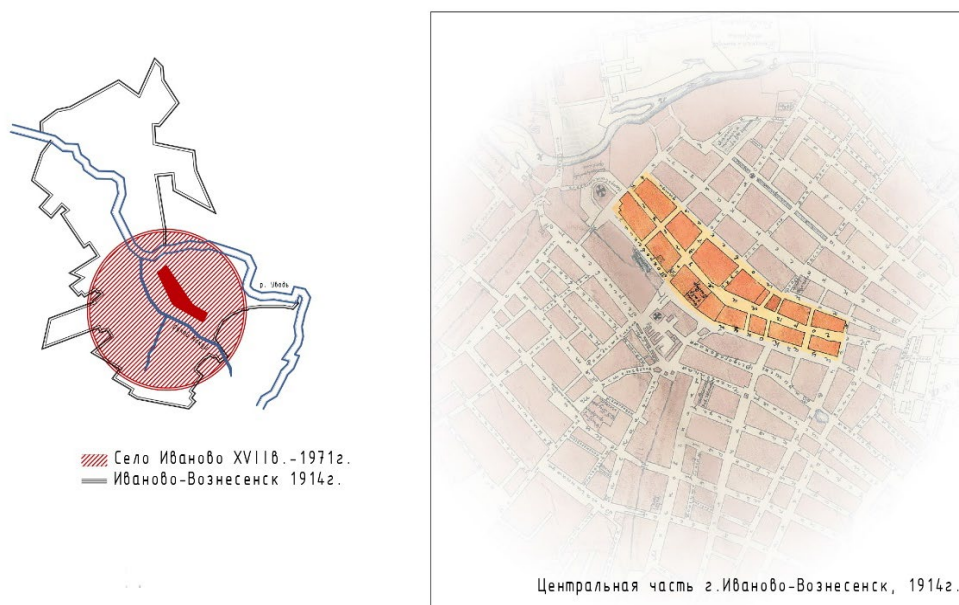

Рис. 1. Ул. Советская в планировочной структуре старинного села Иванова, г. Иванова-Вознесенска XVII — нач. XX в. Чертеж автора

По характеру трассировки ул. Советская плавно изогнута, что обусловлено естественным характером ее формирования вдоль бровки второй надпойменной террасы ручья Кокуй. Рельеф улицы умеренно спокойный, с заметным понижением на северо-западе, где она перпендикулярно пересекается с ул. Крутицкой, проложенной по краю надпойменной террасы реки Уводь. На юго-западе исследуемый участок ограничен ул. Бубнова. Поперечно связующими улицами выступают Шереметьевский проспект (в XIX в. — ул. Петровская), ул. Марии Рябиной (в XIX в. — Фроловский переулочек), ул. Поэта Ноздрин и Рыночный переулочек.

Перепад высот по улице на перекрестках от ул. Крутицкой до ул. Багаева варьируется в пределах двух метров. Перепад высот относительно ниже и выше лежащих проезжих дорог (в юго-западном направлении — ул. 10 Августа (в XIX в. — улица Покровская); в северо-восточном направлении — ул. Пушкина (в XIX в. — улица Михайловская)) варьируется в пределах трех метров, формируя террасное расположение и многоплановый силуэт застройки надпойменной части

ручья, запечатленный на многочисленных фотографических изображениях города начала XX в., выполненных с колокольни торговой площади.

Особенности формирования застройки примыкавших к улице кварталов можно отследить по ситуационным планам города разных лет. На самом раннем из них, выполненном в виде акварельного рисунка в 1903 г., приведено изображение села в 1700 г. В этот период на месте ул. Троицкой, подходящей к подножию Покровского монастыря, расположен участок пахотной земли. На месте других отрезков (ул. Негорелая и ул. Разгуляй) изображен лесной массив. Опираясь на данное изображение, можно заключить, что фрагмент улицы — от современной ул. Крутицкой до Шереметевского проспекта — начал осваиваться раньше остальных. Указанное обстоятельство косвенно подтверждено планом города от 1813 г., на котором застройка кварталов данного участка имела более высокую плотность в сравнении с остальными. Также для данного участка характерна более высокая степень сохранности исторической застройки нач. XIX — нач. XX в.

Расположение и конфигурация кварталов ул. Советской на плане 1813 г. соответствует современному. На плане отмечены 8 каменных домов, три из которых сохранились до настоящего времени. Деревянные дома показаны условно.

В шести выявленных архивных чертежах кварталов улицы нач. XX в. показана парцеллярная структура домовладений, отмечены каменные и деревянные жилые, хозяйственные и производственные строения, огороды (рис. 2).

Рис. 2. Ул. Советская г. Иваново. Наложение исторической парцелляции кварталов по планам 1813 и 1905 гг. на застройку 2023 г. Чертёж автора

Несмотря на то, что кварталы размежеваны на разные по размеру и площади владения, в их конфигурации прослеживается регулярный принцип. Криволинейные и укрупненные владения сформировались в результате слияния нескольких смежных владений в процессе эволюционного развития.

Узкая по фронту (4—6 саженей, приблизительно 9—12 м) и удлиненная вглубь кварталов (до 20 саженей, приблизительно до 42 м) нарезка участков

указывала на исторически сложившийся ремесленный характер формирования застройки, характерный для старинных промышленных поселений Центральной России [Власюк]. Узость фронта предопределила двухчастное членение территории владений на жилую и производственно-хозяйственную и обусловила постановку главного жилого дома по красной линии, по углу участка. Оставшееся пространство использовалось для проезда в хозяйственно-ремесленную часть двора — «задние земли».

Как и на других старинных улицах города [Савельева 2022], на исследуемой улице фасады парадной жилой застройки XVIII—XIX вв. ориентировались на главный торгово-почтовый тракт и торговую площадь, что определило формирование парадной застройки данного периода, преимущественно по нечетной стороне. Застройка нечетной стороны велась строго по красной линии, имела высокую плотность, ритмично прерываясь небольшими камерными двориками с входными группами. Преобладающим типом фронтальной застройки являлся двухэтажный жилой дом с каменной оградой и воротами [Савельева 2022], [Гарнова 2020]. Архитектурная застройка носила образцовый классицистический характер, предполагала плоскостное решение уличного фронта усадьбы и построек. Пропорции строений и парцелляция участков соответствовали трехметровому модулю, определенному как ширину фронта владений, так и высотность строений, составив, 9—12 и 3—9 метров соответственно.

Противоположный «четный» фронт улицы формировался «задними землями» — участками пустопорожней земли, расположенными напротив владений. Его застройка была разреженной, не имела регулярного характера, т. к. складывалась в соответствии с индивидуальными потребностями и экономическими возможностями владельца.

Во второй половине XIX века, в период экономического и индустриального расцвета Иванова, территории ряда усадеб, на которых располагались производственные мануфактуры, укрупнились за счет присоединения смежных владений [Савельева 2022]. Сформированные таким образом промышленные усадьбы (напр., Витовых, Дурденевских, Гандуриных, Фокиных и др.) не претерпели планировочного упорядочивания, сохранив к началу XX века композиционные особенности вошедших в них участков [Гарнова 2019]. Пропорции строений и участков в данный период также соответствовали трехметровому модулю, однако было отмечено повышение отметок высотности до 12 метров в промышленных усадьбах на производственных корпусах четной стороны.

В начале XX в. количество проездов нечетной стороны улицы увеличилось до 5 вследствие выравнивания каркаса дорожной сети по ул. Марии Рябиной (в XIX в. — Фроловский переулок).

В целом в период XVIII — нач. XIX в. характер формирования фронтальной архитектурной застройки улицы складывался естественным путем под влиянием естественно-географических предпосылок и социально-экономических факторов. Преобразование в XIX — нач. XX в. было обусловлено индивидуальными особенностями социально-экономического развития владений, что вызвало неравномерность распределения и плотности застройки, появление строений с разнообразными пространственными и качественными характеристиками, формировавшими фронтальные проекции улицы. Сложившийся «стихийный» принцип формирования оказал непосредственное влияние на дальнейшее преобразование застройки.

Необходимо отметить, что наложение прорисей кварталов плана 1813 г. и планов 1905 г. на современную ситуацию показало высокую степень градостроительной преемственности и сохранности исторической квартальной парцелляции (рис. 3). При этом отмечено, что внутриквартальное межевание было значительно нарушено застройкой XX — начала XXI в. К настоящему времени насчитывается несколько участков с целно сохранившимися фрагментами подлинной историко-архитектурной среды.

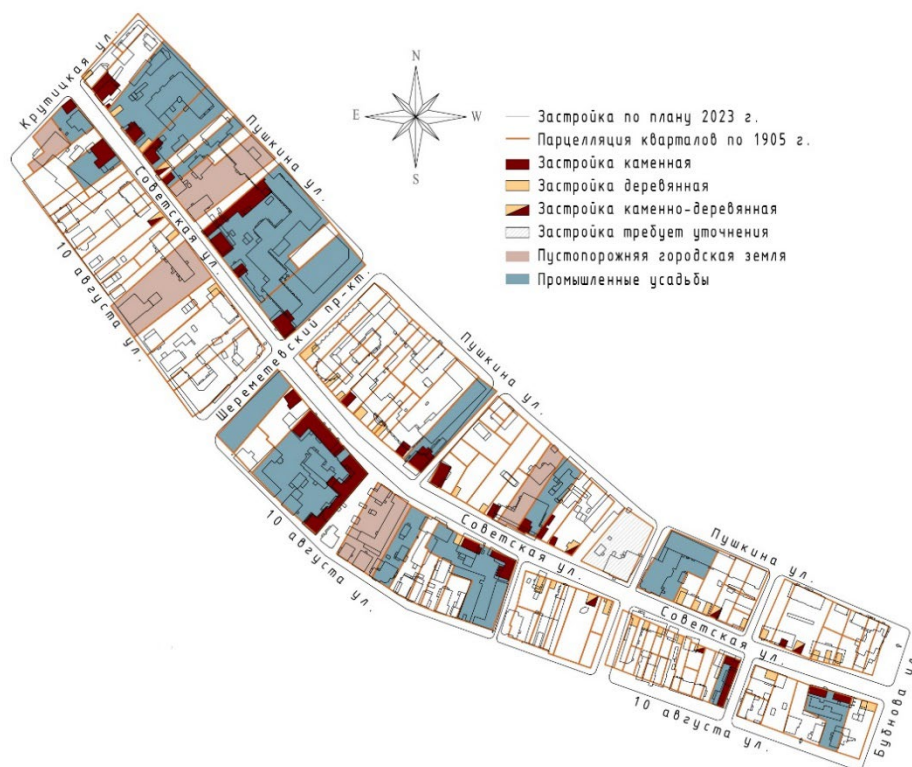

Рис. 3. Ул. Советская г. Иваново. Межевание кварталов по планам нач. XX в. с обозначением фронтальной застройки. Чертеж автора

Преобразование фронтальной застройки улицы в советский период представлено двумя этапами: 1920—1960-е гг. и 1960—1990-е гг. На первом этапе, в 1920—1960-е гг., строительство велось в укрупненном масштабе, в соответствии с господствовавшим политико-идеологическим манифестом, призывавшим к архитектурной прокламации государственного величия. Застройка данного периода, несмотря на грандиозность и подчеркнутую торжественность, в целом органично вплелась в архитектурную канву улицы, не причинив значительного вреда исторической среде XIX — начала XX в., т. к. располагалась преимущественно на «задних землях» и на участках малых частных владений с редкой и преимущественно деревянной застройкой. Возведение строений с отступом от красных линий позволило увеличить высоту строений без визуального нарушения исторических высотных отметок застройки, расширило объемно-пространственные характеристики старинной улицы. К тому же созданные перед строениями парадные пространства палисадников обогатили ее глубинную проекцию. Несмотря на увеличение протяженности строений, выполненных в неоклассицистическом стиле,

пропорциональный модуль застройки оставался прежним, а расположение строений, как правило, совпадало с историческими границами межевания участков. Входные группы, за редким исключением, располагались со стороны внутренних жилых дворов. Преобладающим типом строений в 1920—1960-е гг. являлись авторские проекты многоквартирных жилых домов малой этажности и учреждений социального назначения. застройка предполагала объемное решение уличного фронта и пространственное визуальное восприятие объемов.

С 1960-х годов архитектурная риторика была подчинена нормативам постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 4 ноября 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» и декларировала отказ от исторических реминисценций внешнего облика. Категорическое отрицание прошлых форм, конструкций и проектных методов привело к появлению вдоль красной линии застройки улицы нескольких многоквартирных домов, не обладавших выраженными стилевыми признаками. Несмотря на внеконтекстность и укрупненность строений, их пространственные параметры учитывали исторический модуль застройки, что позволило им остаться нейтральными по отношению к сложившейся архитектурной среде (рис. 4).

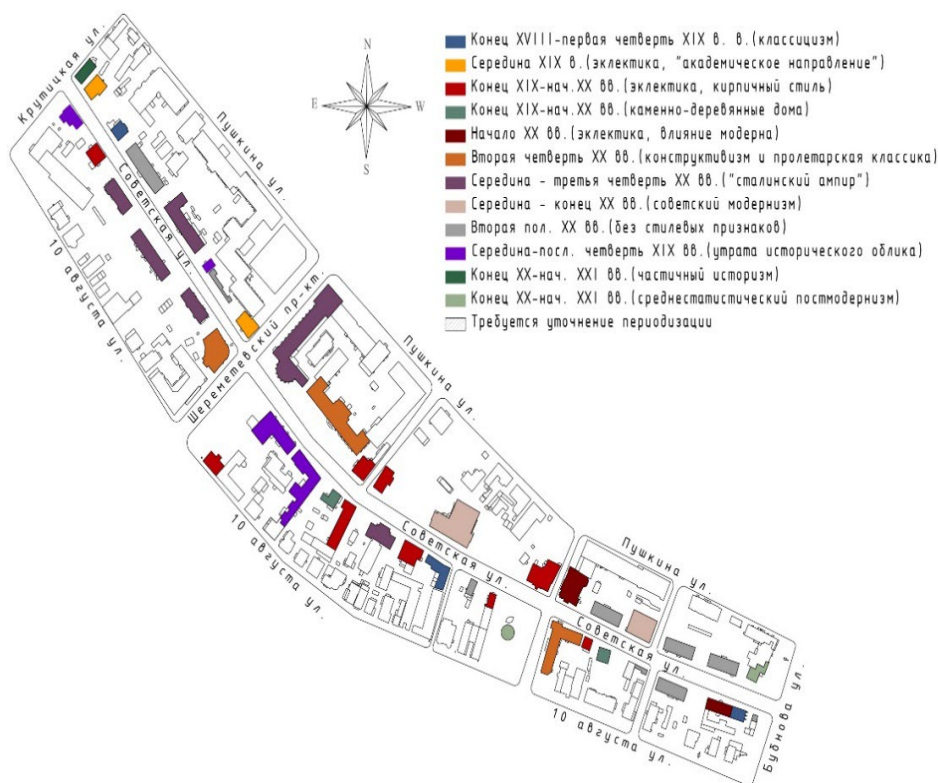

Рис. 4. Ул. Советская г. Иваново. Стилистический анализ фронтальной застройки. Чертеж автора

В 1970—1990-х гг. в застройке улицы появились два монументальных авторских архитектурных общественных сооружения в стиле советского модернизма, ставших олицетворением отхода от предшествовавших догматов сухой рационалистичности и воплощением передовых идей своей эпохи (ул. Советская, 29, 44). Несмотря на контрастирующее стилевое исполнение и визуальное доминирование над средой, их объемно-пространственное

построение и расположение в квартале было выполнено с учетом исторического межевания застройки. Расположение массивных входов со стороны улицы и увеличенная кратно модулю высотность нивелировались отступом основных объемов от красной линии вглубь участков и устройством ступенчатых стилобатов парадных крылец с пандусами. Архитектурное решение данных строений предполагало пространственное визуальное восприятие.

Возведение в 1980—1990-х гг. на углу квартала вдоль ул. Бубнова (ул. Бубнова, 47) 14-этажного модернистского объема многоквартирного жилого дома со встроенно-пристроенными общественными помещениями первого этажа, несмотря на динамичную объемно-пространственную композицию и отступ от красных линий, нарушило высотность и пространственный уклад улицы с четко читаемой ранее фронтальной организацией застройки.

При реализации проектов модернистской «безордерной классики» были утрачены как фрагменты застройки с ветхими строениями, так и отдельные образцы ценной качественной дореволюционной архитектуры, была нарушена парцелляция и плотность фронтальной застройки, фокус восприятия глубинной проекции улицы сместился с уровня земли до высоты второго этажа.

В застройке преобладали многоквартирные жилые дома со входами со стороны внутренних дворов.

Архитектурные вмешательства во фронтальную застройку в 1990—2000-х гг. были малозначительны и касались, преимущественно, текущего ремонта и вопроса приспособления строений.

В 2000—2020-х гг., вслед за изменением горизонтальных характеристик фронтальных проекций застройки в 1960—1990-х гг., продолжилось изменение вертикальных. Угловой дореволюционный дом (ул. Советская, 8/2) был реконструирован в новый объем: итоговая высотная отметка втрое превышает отметку высоты дореволюционной застройки. Аналогичной трансформации подверглось строение на нечетной стороне улицы рядом со зданием Музыкального училища (ул. Советская, 11), лишившееся первоначального облика в процессе надстройки двух этажей. Однако рядовое расположение данного строения и классицистические пропорции членений исходного объема, продолженные в надстроенной части, позволили ему малозаметно «встроиться» в уличный фронт. В ходе ремонта и реставрации производственные корпуса дореволюционной промышленной усадьбы Гандуриных (ул. Советская 22, 22А) утратили характерный для строений данного периода аутентичный облик. В целом ремонтные и реставрационные работы остальных дореволюционных строений и строений первого этапа советского периода проводились с максимальным сохранением исторического внешнего вида.

В процессе проведения анализа все объекты, участвующие в формировании фронтальной застройки улицы, в зависимости от степени их участия в формировании аутентичного облика достопримечательного места были подразделены на следующие категории:

- объекты культурного наследия;
- исторически ценные градоформирующие объекты;
- нейтральные объекты;
- диссонирующие объекты;
- нейтрально-дисгармоничные объекты;

— внеконтекстуальные объекты историко-архитектурной среды — объекты, обладающие признаками историко-культурной или архитектурной ценности, выступающие контрастными по отношению к сложившейся ранее исторической среде (рис. 5).

Рис. 5. Ул. Советская г. Иваново. Ценностные категории объектов фронтальной застройки. Чертеж автора

Наиболее визуально деформирующим улицу изменением в последние годы стало нарушение видовых раскрытий: северо-западная панорама была заслонена высотным жилым домом башенного типа, а юго-восточная — ковровой застройкой новыми высотными жилыми домами квартала напротив. Закрытие видовых перспектив глухими высотными объемами нарушило привычное «дыхание» улицы, силуэт и сомасштабность ее исторических структурных элементов, повысило фокус восприятия застройки с 2 метров до отметки крыш строений начала XIX — первой четверти XX в. (до 9—12 метров). Зажатая по краям современными строительными объемами улица лишилась линейного пространственного развития, утратила интуитивно ясную роль ценного связующего элемента аутентичной градостроительной структуры и визуально считываемую историчность с разных точек видовых раскрытий.

В настоящее время значительное влияние на восприятие фронтальной застройки и пространственные характеристики улицы оказывают активно разросшиеся по обеим сторонам многолетние зеленые насаждения, препятствующие объективной оценке ее архитектурно-композиционных особенностей. Между тем они являются визуальным буфером, нивелирующим произошедшие дисгармоничные преобразования.

Современная фронтальная застройка улицы имеет полифункциональное назначение с численным преобладанием строений социально-общественного и жилого назначений (рис. 6).

Рис. 6. Ул. Советская г. Иваново. Функциональное назначение фронтальной застройки. Современное состояние. Чертеж автора

Как показал проведенный анализ, в период со второй четверти XX в. до первой четверти XXI в. архитектурное преобразование фронтальной застройки носило неупорядоченный характер, обусловленный естественной спецификой формирования предшествующего периода. В процессе бытования отдельные участки претерпели узколокальные масштабные изменения, отразив меняющиеся социально-идеологические запросы общества. Таким образом, архитектурное преобразование улицы с XVIII по XXI в. носило динамичный характер, стало результатом коллективного и индивидуального творчества большого количества людей и материальным воплощением прошедших эпох.

С позиции архитектурной антропологии, все происходившие и происходящие в застройке улицы архитектурно-планировочные процессы, даже самые деструктивные, обладают ценностным историческим потенциалом и подлинным свидетельством своего времени. Таким образом, основным направлением реновации территории должен быть выбран эволюционный путь, основанный на преемственности ранее сформировавшихся особенностей историко-культурной среды. Регенерация свободных участков среды возможна в формах адаптивного строительства в характерных для данной улицы масштабных, объемных и силуэтных параметрах. Корректное определение этих параметров требует проведения дополнительных комплексных научных исследований, направленных на изучение не только плоскостных, но и объемно-пространственных характеристик среды, проведения комплексных научно-исследовательских, ремонтных и реставрационных

работ в отношении не только объектов фронтальной застройки, но всей прилегающей к ним территории с объектами, расположенными в глубине кварталов. Проводимые работы должны быть ориентированы как на сохранение и выявление специфики историко-архитектурной среды Иванова, так и на ее осмысленную реновацию с внедрением объектов качественной современной архитектуры, которые могут стать образцовым материальным воплощением своего времени.

Помимо общих требований, направленных на обеспечение сохранности объектов культурного наследия в составе достопримечательного места и его индивидуальных особенностей, являющихся основанием включения в перечень объектов культурного наследия, рекомендовано выделение отдельных регламентных зон для каждого участка потенциальной регенерации среды с разрешением адаптивного строительства в параметрах, основанных на историко-культурных исследованиях, анализе типологической структуры ценного историко-градостроительного окружения и выводов визуально-пространственного анализа проектной территории.

При этом в действующих общих требованиях снимаются запреты и ограничения по характеру расположения зданий в застройке, объемно-композиционной структуре, отделке, материалам, цветовому исполнению фасадов, архитектурной композиции фасадов, допустимым параметрам высотности строений и характеру благоустройства — условиям, значительно ограничивающим эффективную реновацию среды. Рекомендовано возведение объектов капитального строительства в современном стиле для предотвращения появления на территории достопримечательного места объектов архитектурной имитации или исторической подделки, обладающих способностью выступать нейтральными элементами среды, но при этом не являющихся материальным воплощением своей эпохи и препятствующих ее естественному поступательному преобразованию.

Список литературы/References

- Власюк А.И. К истории планировочной структуры и архитектуры Иваново-Вознесенска. Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Материалы и исследования. М., 1980. С. 215—235.
(Vlasuk A.I. To the history of planning structure and architecture of Ivanovo-Voznesensk. Russian monuments in architecture and monumental arts: Materials and researches, Moscow, 1980, pp. 215—235. — In Russ.)
- Гарнова Н.В. Архитектурно-стилистическое решение промышленных усадеб с текстильным производством в г. Иваново-Вознесенске во второй половине XIX — начале XX вв. // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. Ивановский государственный политехнический университет. 2019. № 6. С. 260—264.
(Garnova N.V. Architectural and stylistic composition of Ivanovo-Voznesensk Industrial estates with textile fabrication in the second half of XIX — early XXth centuries, *Izvestia visshih uchebnykh zavedeniy. Tehnologiya tekstilnoy promishlennosti. Ivanovskiy gosudarstvennyy politehnicheskij universitet*, 2019, no. 6, pp. 260—264. — In Russ.)
- Гарнова Н.В. Архитектура жилой застройки промышленных усадеб Иваново-Вознесенска второй половины XIX — начала XX вв. // Техническая эстетика и дизайн-исследования. 2020. Т. 2. № 3. С. 50—61.
(Garnova N.V. Architecture of residential building industrial manor of the second half of the XX century — early XX century in Ivanovo-Voznesensk, *Technical Aesthetics and Design Research*, 2020, vol. 2, no. 3, pp. 50—61. — In Russ.)
- Кудрявцева Т.Н. Композиция улиц древнерусских городов // Архитектурное наследие. № 33. М., 1985. С. 14—22.

(Kudriavceva T.N. Layout street composition of ancient Russian cities, *Architectural legacy*, no. 33, Moscow, 1985, pp. 14—22. — In Russ.)

Савельева Н.В. Промышленные усадьбы Иваново-Вознесенска второй половины XIX — начала XX вв. М., 2022. 210 с.

(Saveleva N.V. Industrial estates of Ivanovo-Voznesensk in the second half of the XIX — beginning of the XXth century, Moscow, 2022, 210 p. — In Russ.)

HISTORICAL AND ARCHITECTURAL ANALYSIS OF SOVETSKAYA ULICA FRONTAL DEVELOPMENT IN IVANOVO

Natalia V. Saveleva

АО «Ivanovorestavracia», Ivanovo, Russian Federation, nasava85@outlook.com

Abstract. The article presents the historical and architectural analysis of frontal architectural projection of “ulitsa Sovetskaya” from the “ulitsa Krutitskaya” to the “ulitsa Bubnova” of Ivanovo. This site is an object of cultural heritage of local (municipal) significance and is included in the list of objects of cultural heritage under the name «ulitsa Negorelaya» stated as «dostoprimechatelnoe mesto»). This analysis was carried out to clarify the current requirements for the implementation of activities and urban planning regulations within the boundaries of the facility due to the identification of regulatory restrictions preventing its effective renovation. The analysis was based on bibliographic, archival and in-situ studies. By comparing situational and site plans from different historical periods, the urban development of the site was determined. The obtained data formed the basis for graphical reconstructions that reflected the main stages of architectural and planning transformation of the object from the XVIII — to the beginning of the XXI centuries. Landscape, silhouette and composite characteristics of the site were identified, specifics of the established planning structure and its relationship with the landscape, silhouette, frame, density and composition of the site were marked. On the basis of photo fixation materials and field survey data, the scientific, typological and stylistic features of the buildings were studied, which allowed to complete a complex architectural analysis of the frontal development of the street. As a result, it was determined that the formation of the street was of progressive type, based on the continuity of the previously established historical-cultural environment. Potential effective renovation of such a heterogeneous environment required, in addition to clarifying the current whole-territory general regulations, the assignment of separate regulatory areas allowing adaptive construction in parameters defined on the basis of historical architectural analysis of the specific site and supporting the further inherent evolutionary development.

Keywords: renovation, regeneration, frontal street development, setting boundaries, parcellation, object of cultural heritage, historical and architectural environment, dostoprimechatelnoe mesto, ulica Negorelaya, ulica Sovetskaya, Ivanovo-Voznesensk, Ivanovo

For citation: Saveleva N.V. Historical and architectural analysis of Sovetskaya ulica frontal development in Ivanovo, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 99—110.

Статья поступила в редакцию 09.06.2023; одобрена после рецензирования 03.07.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 09.06.2023; approved after reviewing 03.07.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Савельева Наталья Владимировна — кандидат архитектуры, архитектор АО «Ивановореставрация», г. Иваново, Россия, nasava85@outlook.com

Saveleva Natalia Vladimirovna — Candidate of Sciences (Architecture), architect in АО «Ivanovorestavracia», Ivanovo, Russian Federation, nasava85@outlook.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 111—120.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 111—120.

Научная статья

УДК 332.8(091)(470.341-25)"1930/1940"

DOI: 10.46726/И.2023.4.13

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О СОВЕТСКОМ ВАРИАНТЕ УРБАНИЗАЦИИ (первая половина 1930-х годов)

Федор Александрович Селезнев, Роман Алексеевич Куприн

Национальный исследовательский Нижегородский государственный

университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия,

kiprianos@yandex.ru, fseleznev@mail.ru

Аннотация. Авторы анализируют дискуссионные проблемы, существующие в историографии советской урбанизации. В статье сделан вывод об актуальности анализа урбанистических практик в исторических городах центра России. Такой подход, по мнению авторов, позволяет дать взвешенную оценку соотношению урбанизации и индустриализации в СССР. В контексте вопроса о советском варианте урбанизации авторы рассматривают политику властей по отношению к жилищному строительству, которое велось в Нижнем Новгороде в первой половине 1930-х годов. На основе привлечения архивных документов и материалов прессы в статье показано, что в первой половине 1930-х гг. темпы роста жилой застройки Нижнего Новгорода были очень велики. Это было вызвано необходимостью обеспечить жильем работников ряда крупных предприятий, вводимых в строй почти одновременно. Указанная задача была решена за счет массового возведения каркасных и щитковых домов низкой этажности из дешевых строительных материалов. Власти сэкономили на жилищном строительстве, временно жертвуя его качеством, для обеспечения количественных показателей ввода нового квартирному фонда и развития города в целом. Это был временный выход из создавшейся экстремальной ситуации.

Ключевые слова: СССР, урбанизация, индустриализация, массовое жилищное строительство, Нижний Новгород, Коммунистическая партия Советского Союза

Для цитирования: Селезнев Ф.А., Куприн Р.А. Жилищное строительство в Нижнем Новгороде в контексте вопроса о советском варианте урбанизации (первая половина 1930-х годов) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 111—120.

Первая крупная работа, где затрагивался вопрос об особенностях советской урбанизации, принадлежит А.Г. Вишневному. По его мнению, для советского общества «урбанизация была побочным продуктом индустриализации». Поэтому затраты на развитие городской среды «были ничтожными». Все, что касалось развития и благоустройства городов, «делалось — в полном соответствии с приоритетами милитаризованной советской экономики — в минимальных функционально необходимых пределах, самым дешевым способом» [Вишневецкий: 210]. Отметим, что эта работа носит в значительной степени историко-публицистический характер. Автор практически не опирался на источники. Однако сформулированные им идеи оказали определяющее влияние

© Селезнев Ф.А., Куприн Р.А., 2023

на историографию проблемы, в частности, они стали теоретической основой для монографии А.С. Сенявского, целиком посвященной советской урбанизации.

В своей книге А.С. Сенявский вслед за Вишневым называет сутью «городской политики» в СССР минимизацию государственных расходов на человека путем жёсткой экономии на жилищно-коммунальном строительстве (что, по Сенявскому, приводило к острой нехватке жилья), на социально-культурной сфере, городском транспорте и т. д. Делая минимум необходимого, государство в тот период стремилось переложить как можно большую часть расходов и тягот городской жизни на плечи самого населения [Сенявский: 234].

Эти выводы затем были воспроизведены в статье М.Н. Балдано [Балдано: 54]. Однако её автор оперирует материалами, касающимися только Бурятской АССР, которые вряд ли могут быть признаны типичными для СССР в целом. Резко критически советскую модель урбанизации оценивает и Ю.Л. Пивоваров. Как и его предшественники, он видит урбанизацию в СССР следствием форсированной индустриализации. Соответственно, относит начало урбанизации к периоду первых пятилеток. Причем, согласно Пивоварову, «как и индустриализация, урбанизация оказалась ускоренной, форсированной, поспешной, отсюда многие её ущербные черты, специфика, а в чём-то уникальность и парадоксальность». Ю.Л. Пивоваров повторяет тезисы А.Г. Вишневого и А.С. Сенявского о стремлении Советской власти к минимизации расходов на человека в городе путём жесткой экономии на жилищно-коммунальном строительстве. При этом он не подкрепляет эти утверждения опорой на источники [Пивоваров, 2001: 101—113; Пивоваров, 2010: 231—233].

В указанную выше схему не укладываются многие факты, изложенные в статье М.Ю. Тимофеева, исследовавшего историю Иваново-Вознесенска. Как пишет Тимофеев, важные изменения урбанистического характера в этом городе возникают уже в первой половине 1920-х гг. В это время было положено начало созданию полноценной городской инфраструктуры (в частности, созданию инженерных коммуникаций для водопровода и канализации). На базе садов и парков местных фабрикантов и бывшего владельца села Иваново графа Шереметева создаётся инфраструктура для новых форм общественного досуга горожан (клубы, летние сады, летние кинотеатры). Рабочими жилищно-строительными кооперативными товариществами строятся «рабочие поселки» коттеджного типа, воплощавшие идею «города-сада» [Тимофеев: 52—54].

К схожим выводам на материалах Сталинграда пришли А.В. Луночкин и Е.Л. Фурман [Балдано: 6—20].

Таким образом, в историографии существуют дискуссионные проблемы, касающиеся периодизации, форм, особенностей советской урбанизации, её соотношения с аналогичными процессами в Западной Европе и США, которые невозможно решить без привлечения местного материала. Особенно актуален анализ урбанистических практик в исторических городах центра России, поскольку это позволяет дать взвешенную оценку соотношению урбанизации и индустриализации в СССР.

Одним из таких городов являлся Нижний Новгород. Объектом нашего исследования будет политика властей по отношению к жилищному строительству, которое велось в этом городе в первой половине 1930-х гг., поскольку возведение жилых зданий — его темпы, формы и масштабы — важнейший показатель урбанизации.

Особый интерес к изучению урбанистических процессов начала 1930-х гг. именно на примере Нижнего Новгорода придаёт тот факт, что 8 декабря 1931 г.

было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) о развитии местного коммунального хозяйства («О состоянии городского хозяйства Н. Новгорода в связи с пуском новых предприятий») [Нижегородская коммуна: 1931, 14 декабря]. Мы в данном случае имеем уникальную возможность определить официальную позицию властей по отношению к развитию конкретного нестоличного города.

Постановление было принято в развитие решений июньского (1931 г.) пленума ЦК ВКП(б) о московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР в целом. «Нижегородское» постановление ЦК было разработано под непосредственным руководством И.В. Сталина и руководителя Москвы Л.М. Кагановича, чей брат Юлий в это время возглавлял Нижегородский краевой совет народного хозяйства. Оно было обсуждено на пленуме Нижегородского краевого комитета ВКП(б). Затем ответственный секретарь крайкома А.А. Жданов 15 декабря 1931 г. сделал доклад о содержании постановления ЦК ВКП(б) и вытекающих из него задачах на пленуме Нижегородского городского совета совместно с комитетами коллективов и бюро ячеек ВКП(б), президиумами районных советов, президиумами фабрично-заводских комитетов [Нижегородская коммуна: 1931, 14 декабря]. Далее вопросы жилищного строительства были обсуждены на конференциях местных организаций ВКП(б), которые состоялись в каждом районе Нижнего Новгорода [Нижегородская коммуна: 1932, 12 января].

После детального обсуждения на партийном уровне (по вертикали — сверху донизу) положения постановления ЦК ВКП(б) от 8 декабря были повторены в специальном решении правительства (Совета Народных Комиссаров) [Нижегородская коммуна: 1932, 3 января] и легли в основу плана городского строительства по Нижнему Новгороду на 1932 год [ЦАНО: ф. 2508, д. 277, л. 1—34].

Таким образом, мы можем проследить, как директивы высшего партийного руководства передавались низшим инстанциям, дублировались и развивались советскими органами.

Постановление ЦК начиналось с констатации успехов в деле улучшения «коммунально-бытовых условий рабочего населения Нижнего Новгорода». Однако тут же отмечалось, что достижения в городском хозяйстве недостаточны и не удовлетворяют «возросших потребностей такого быстро растущего промышленного города, как Нижний», особенно в связи с предстоящим пуском новых заводов. При этом отмечалось, что новые предприятия строятся в значительной части на новых, не обжитых ещё площадях «вокруг поселков полугородского и полудеревенского типа». В связи с этим ЦК ВКП(б) считал необходимым провести в течение ближайших лет «коренную перестройку городского хозяйства Нижнего» [Нижегородская коммуна: 1931, 14 декабря].

Во-первых, она должна была включать в себя: «полное удовлетворение жилищных нужд рабочего населения» (в первую очередь работников новых предприятий). Ставилась задачи создать жилплощадь не менее чем на 500 тысяч человек. Во-вторых, намечалось коренное переустройство транспортного хозяйства через соединение трамвайными путями новых промышленных районов с остальными, а также улучшение пригородного железнодорожного и водного сообщения. В-третьих, давалась директива провести в новые районы водопровод и канализацию. В-четвертых, намечалась реконструкция Нижегородского порта. В-пятых, новые районы должны были быть замощены, причем с использованием «усовершенствованных покрытий» (в скобках отметим, что каменное покрытие в 1930 году имело лишь 44 % уличного полотна) [Нижегородский край: 57—61].

В-шестых, ЦК ставил задачу коренного улучшения санитарного и культурно-бытового обслуживания рабочих (развертывание сети школ, больниц, бань, прачечных, общественного питания) [Нижегородская коммуна: 1931, 14 декабря].

Как видим, массовое жилищное строительство должно было осуществляться не изолированно, а в совокупности с масштабной реконструкцией всей городской инфраструктуры. В итоге на месте «поселков полугородского и полудеревенского типа» должна была возникнуть полноценная городская среда. В этой связи следует особо отметить, казалось бы, мелкую, но показательную директиву ЦК о необходимости развернуть работу по разбивке бульваров и скверов и высадке деревьев и кустарников [Там же].

Рассмотрим теперь само жилищное строительство. В постановлении ЦК ВКП(б) указывался его новый, увеличенный объем (450 тыс. м²) [Там же]. Установка на такой резкий рост была обусловлена тем, что обеспеченность населения жильем в 1928—1930 гг. из года в год снижалась [ЦАНО: ф. 2508, д. 277, л. 4—5]. Потребность же в нём возрастала.

За чей же счет должен был осуществляться ввод в эксплуатацию этих площадей? Как уже отмечалось, в современной литературе доминирует убеждение о том, что государство стремилось переложить как можно большую часть расходов на плечи самого населения [Сенявский: 234]. Однако цифры, фигурирующие в постановлении от 8 декабря 1931 г., свидетельствуют о другом. Основная нагрузка (300 тыс. м²) ложилась на плечи самого государства (промышленных предприятий, финансируемых из общесоюзного бюджета). Гораздо более низким (85 тыс. м²) было задание для «исполкомовского строительства» (т. е. за счет средств и сил города). И ещё меньше (в два раза) для жилкооперации (43 тыс. м²), т. е. через привлечение средств населения [Там же].

Понятно, что ввод такого огромного количества жилья в запланированные краткие сроки был возможен только при качественном изменении строительных технологий и типов зданий. Больше всего среди них в постановлении ЦК ВКП(б) от 8 декабря 1931 г. по объему метража предполагалось построить «щитковых» и «каркасных» домов и заметно меньше «тепlobетонных» и «кирпичных комбинированных». Это задание касалось строительства за счет общесоюзного бюджета. Такая же установка давалась Нижгорсовету, которому предлагалось «наряду с капитальным строительством каменных домов (кирпич, тепlobетон), широко развернуть строительство щитковых домов и домов облегченного типа на основе применения новых и местных стройматериалов (силикат-кирпич, фибролит, камышит и т. д.)» [Там же].

Коротко охарактеризуем все эти типы зданий. Каркасные дома возводились путем набивки с двух сторон досок на деревянный остов. Между двойными дощатыми стенами засыпался теплоизоляционный материал: чаще всего опилки или угольный шлак. Двойная стена щиткового дома состояла не из досок, а из больших листов («щитков») фанеры. Между ними тоже насыпали утеплитель. Под «кирпичными комбинированными» домами в партийном постановлении, очевидно, подразумевались дома системы русского инженера А.И. Герарда. Они представляли собой две параллельных тонких кирпичных стены в полкирпича (внешняя и внутренняя) с засыпанным утеплителем между ними. Стены скреплялись специальными скобами.

Поскольку в стены подобных домов насыпали утеплитель, в народе их прозвали «засыпушками». Ещё одним народным названием для подобных сооружений было слово «бараки». Бараки/засыпушки имели двускатную крышу и длинный коридор на каждом этаже, по бокам от которого находились

комнаты. На каждом этаже имелась общая кухня. Комнаты обогревали печки-голландки (топили их обычно торфяными брикетами).

Жители вспоминали, что фанеру от дождей коробило, местами она отставала и засыпка вываливалась [Гордин: 91]. Зато указанные строения отличались дешевизной, а также простотой и быстротой постройки. Именно о них пишет М.Г. Меерович, описывая «соцгорода-новостройки», которые в его интерпретации «на 90 % были застроены бараками (рассчитанными на вселение 80—120 чел. каждый) и на 90 % заселены коммунально». Названный автор утверждает, что в «соцгородах-новостройках» не было никакой «городской культуры», была лишь «грязь по колено и деревянные щитовые тротуары, которые в период весенних и осенних дождей кидались прямо сверху на раскисшую глину, чтобы пешеходы могли хоть как-то пробираться и не тонуть в тестообразном месиве; не было ванн и индивидуальных кухонь; воду население получало от водовозов или, в лучшем случае, из квартальных водоразборных колонок; в жилище не было туалетов — они располагались на улице, в отдельно построенных деревянных сооружениях на 8—12 очков» [Меерович: 12].

Однако на самом деле строительство «бараков» в соцгородах не предполагалось. Ранее одним из соавторов было показано, что на рубеже 1920—1930-х гг. в Нижнем Новгороде, включая Соцгород Автозаводского района, возводились дома-коммуны, отвечавшие всем урбанистическим канонам [Куприн: 239—245]. Что касается отсутствия индивидуальных кухонь и коммунального характера заселения, то эти черты новостроек данного периода были идеологически обусловлены проводившимся в рамках «культурной революции» курсом на коллективизацию быта.

Дома-коммуны, в том числе в Соцгороде, строились по проектам лучших архитекторов, включая иностранных, и возводились из качественных материалов. Именно поэтому подобных сооружений остро не хватало, чтобы обеспечить всех строителей и персонал Автозавода. Чтобы решить проблему нехватки жилья, как было отмечено одним из соавторов, и принимается решение строить облегченные каркасные дома [Селезнев: 336].

Это был вынужденный выбор, обусловленный тем, что в 1932 г. в Нижнем Новгороде намечался пуск целого ряда крупнейших предприятий с огромным числом работников, которым необходимо было срочно обеспечить крышу над головой. Для решения указанной проблемы, ещё до принятия постановления ЦК от 8 декабря 1931 г., в Нижнем Новгороде начали строить дома из дешёвых материалов и в достаточно большом количестве.

Так в 1929—1930 гг. в районе Караваихи возводятся 24 дома т. н. Рубленого поселка. Уже из названия видно, что материалом для них служили брёвна. Но затем, в 1931 г., вместо дорогостоящих брёвен начинают использовать доски и фанеру: рядом возводятся Каркасный поселок (13 домов), а в 1932 г. Щитковый посёлок — 19 домов [Мгновения прошлого и настоящего: 44].

Три эти поселка: Рубленный, Каркасный, Щитковый — стали называть Новым Поселком (ул. Арсеньева, Батумская, Бонч-Бруевича, Столетова, Елисеева, Пятигорская, Вологодина). В каждом доме Нового поселка было по 8 двух-трехкомнатных квартир. Электричество, водопровод, канализация, центральное отопление в них отсутствовали. Квартиры были коммунальными.

Ещё раз подчеркнём: применение подобных строительных технологий было вызвано тем, что традиционных материалов — кирпича, леса, железа, цемента — сильно не хватало [Нижегородская коммуна: 1930, 23 февраля]. Однако при возможности строилось и более комфортное жильё. Так, для сотрудников

Авиационного завода № 21 предполагались возвести не только щитковые, но и «полукаменные дома типа английского коттеджа» с ванными [Нижегородская коммуна: 1931, 27 июня].

Щитковый поселок в 1931 г. (т. е. ещё до постановления ЦК) начали строить и в Сормове. Намечалось возвести четыреста домов [Красный Сормович: 1931, 8 февраля]. Таким образом, постановление ЦК ВКП(б) от 8 декабря 1931 г. не инициировало, а лишь узаконило сверху дешёвое строительство «барак-засыпушек». Оно было призвано дать толчок уже ведущимся работам, установить их объёмы и указывало источники их финансирования.

В развитие этого постановления 5 января 1932 г. было принято решение Нижегородского краевого комитета ВКП(б) «О мероприятиях по реализации решений ЦК ВКП(б) по коммунальному хозяйству Н. Новгорода», в котором содержалась раскладка необходимых объёмов строительства жилья по предприятиям города. Там же содержалось утверждение представленных городским советом типов строительства зданий по районам. Причем подход к делу отличался тщательностью. Для проверки соображений горсовета рекомендовалось пригласить специалистов Гипрогора и Московского коммунального отдела, что уже само по себе требовало немалых расходов. Характерно, что щитковое и каркасное строительство в центрах районов было решено не осуществлять [ГОПАНО: ф. 2, д. 601, л. 140 об.]. Власти, таким образом, явно видели в «засыпушках» временное явление — способ, сэкономив на кирпиче, пережить период сверхинтенсивного и одновременного строительства заводов, общественных зданий, объектов коммунальной инфраструктуры и жилья.

Это заметно из публикаций краевой партийной газеты «Нижегородская коммуна». Рассмотрим принципиально важную большую статью «По-боевому осуществим решение ЦК о коммунальном хозяйстве Нижнего Новгорода». В ней «самым важным мероприятием» называлось «достижение экономии остродефицитных строительных материалов (металла, цемента, кирпича)» и замена их другими видами стройматериалов [Нижегородская коммуна: 1932, 12 января].

Экономия осуществлялась и за счет отказа от некоторых чересчур дорогих объектов. Так, в 1932 г. в Сормове начали строить гигантский дом-коммуну, рассчитанный на шестнадцать корпусов [Нижегородский рабочий: 1932, 17 июля]. Но проект был сначала законсервирован, а затем от него вообще отказались. Сбереженный таким образом кирпич тратился прежде всего на общественно значимые сооружения. Так, с конца июля 1934 г. в Сормове началось строительство гостиницы сормовского райсовета (на ул. Коминтерна). Здание гостиницы должно было иметь 108 номеров и обеспечиваться удобствами высокого стандарта. Были запроектированы ванны-души, зал-ресторан и прочее [Горьковская коммуна: 1934, 21 декабря].

Схожая ситуация была в Автозаводском районе. Там в 1934 г. районные власти планировали закончить строительство хирургического корпуса больницы и гостиницу [Горьковская коммуна: 1934, 21 декабря]. В то же время значительный объём кирпича использовался для достройки Соцгорода. Поэтому на Автозаводе даже в 1934 г. число строящихся каменных четырехэтажных домов (12) превосходило число каркасных (11) или щитковых (6) [Горьковский рабочий: 1934, 24 марта]. В то же время в целом количество малоэтажных домов облегченного типа (17) на Автозаводе существенно превосходило количество кирпичных (12), что говорит о следовании директивам постановления ЦК от 8 декабря 1931 г. и в этом районе города.

В целом, благодаря предпринятым в плане осуществления постановления ЦК от 8 декабря 1931 г. мерам, горьковским властям удалось добиться качественного увеличения жилой площади. За период первой пятилетки (1928—1932) жилой фонд города увеличился на 455,8 тыс. м², особенно за её завершающий год [Городской совет г. Горького: 65]. В 1932 г. темпы строительных работ зримо увеличились. Если мы посмотрим планы строительства на 1930 г., то увидим, что тогда возведение каждого дома становилось событием и отдельно обсуждалось в органах власти. Новых домов возводились считанные единицы. Теперь дома сдаются в эксплуатацию целыми массивами. Например, в Канавине (Молитовка) мы уже видим не единичную застройку, а целый новый квартал. Всего в Канавинском районе в рамках городского бюджета намечалось построить 24 дома «типа Герарда» [ЦАНО: ф. 2508, д. 277, л. 5—6]. За 1933 год было построено ещё 84,4 м² новых объемов жилья [Городской совет г. Горького: 65].

Власти действительно экономили на жилищном строительстве, временно жертвуя его качеством, для обеспечения количественных показателей ввода нового квартирного фонда и развития города в целом.

Однако, хотя комфорт в домах «типа Герарда», а тем более в «бараках-засыпушках» был минимальным, их нельзя отнести к домам сельского типа. Тем более, что новые жилые массивы предполагалось обеспечить водопроводом и благоустроить [ЦАНО: ф. 78, д. 162, л. 119]. Так, в Щитковом поселке Сормова планировалось устройство душевого павильона. Также намечалось возведение городской инфраструктуры — кинотеатра, клуба, бани, прачечной, детских яслей [Нижегородская коммуна: 1931, 8 июля].

К тому же многоквартирность и отсутствие приусадебных участков свидетельствуют, что это было именно городское жилье. Правда этажность домов в первой половине 1930-х гг. уменьшается, что было связано с упрощением проектов и облегчением стеновых конструкций. Так, дома «типа Герарда» в Молитовке строились двухэтажными [Нижегородская коммуна: 1932, 30 июля], но это было временное явление. Даже этажность домов со стенами облегченного типа с накоплением опыта повышалась. Так, на Автозаводе в 1934 г. строились 11 каркасных и 6 щитковых домов, каждый высотой в три этажа [Горьковский рабочий: 1934, 24 марта].

Впрочем, строительство «высотных» (четырёхэтажных) домов полностью не прекращалось. Но они преимущественно возводились в центральном (Свердловском) районе. Там в 1932 г. планировалось возвести четыре таких дома. В дальнейшем высота новых домов постепенно начала увеличиваться. Так, в Доме студента ГИИВТ (на углу улиц МОПРа и Дзержинского) было запроектировано 6 этажей [Горьковская коммуна: 1934, 15 мая]. На Автозаводе в 1935 г. велась кладка пятиэтажного дома [Горьковская коммуна: 1935, 23 сентября]. В 4 квартале Соцгорода строились пяти-, шести-, восьмизэтажные дома [Горьковская коммуна: 1937, 6 февраля].

Следует отметить, что увеличение этажности домов партийным руководством считалось безусловно положительным и прогрессивным явлением. От него не собирались отказываться даже в обстановке острой нехватки строительных материалов. Решение проблемы видели в надстройке уже существующих зданий.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 8 декабря 1931 г. была прямо обозначена подобная установка, хотя её реализация была технически сложна и требовала больших расходов [Нижегородская коммуна: 1931, 14 декабря].

Газета «Нижегородская коммуна» усиленно пропагандировала такую практику [Нижегородская коммуна: 1932, 12 января]. Данному вопросу уделял

особое внимание и Нижегородский крайком ВКП(б). Он призвал не ограничиваться двадцатью девятью первоначально выделенными для надстройки дополнительных этажей объектами и поручал горсовету провести технические изыскания новых зданий, над которыми была возможна такая строительная операция [ГОПАНО: ф. 2, д. 601, л. 140 об.]. И уже полгода спустя готовы были технические проекты, и работа началась.

В июне 1932 г. велась надстройка этажей в здании водного политехникума им. Зайцева (ул. Лядова) [Нижегородская коммуна, 1932, 24 июля]. Летом 1932 г. шла надстройка нового этажа дома в Канавине на углу улиц Луначарского и Горького [Нижегородский рабочий, 1932, 12 июня]. 30 июня 1932 г. началась надстройка над аптекой на углу улицы Свердловской и Театральной площади. Работы завершились в июле 1934 года [Горьковская коммуна, 1934, 8 июня; 23 июля]. Отметим в этой связи, что увеличение этажности зданий — это один из признаков урбанизации.

Таким образом, говорить о том, что темпы урбанизации в Нижнем Новгороде в первой половине 1930-х гг. приостановились, не приходится. Темпы увеличения объема городской жилой застройки были очень велики. Снижение этажности жилой застройки этого периода было вызвано применением новых, более дешевых строительных материалов. Но сам факт их использования говорит о новых явлениях в домостроительстве. Мы не видим здесь возвращения к жилищу сельского типа. Планировка щитковых и каркасных домов напоминала о домах-коммунах — зданиях вполне урбанистического типа.

Что касается дешевизны щитковых и каркасных домов, то она не была стремлением сэкономить на их жителях. Это был временный выход из создавшейся экстремальной ситуации (резкое одновременное увеличение числа крупных предприятий). Их работников следовало обеспечить хоть каким-то жильем. Причем очень быстро. С помощью строительства кирпичных домов этого бы сделать не удалось.

Список источников

- ГОПАНО (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области). Ф. 2 (Горьковский краевой комитет ВКП(б)). Оп. 1. Д. 601.
 Городской совет г. Горького. От 1-го ко 2-му созыву 1930—1934 (материалы к отчету). Горький, 1934. 185 с.
 Красный Сормович. 1931.
 Мгновения прошло и настоящего: фотолетопись Приокского района / подгот. Е.Н. Емельянова. Нижний Новгород: НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2015. 101 с.
 Нижегородская (с 1932 — Горьковская) коммуна. 1931—1937.
 Нижегородский край. 1930. № 3.
 Нижегородский (с 1932 — Горьковский) рабочий. 1932—1934.
 ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области. Ф. 78. (Горьковский Совет народных депутатов Горьковской области). Оп. 2. Д. 162.
 ЦАНО. Ф. 2508 (Сормовский совет народных депутатов). Оп. 1. Д. 277.

Список литературы/References

- Балдано М.Н. Советская модель урбанизации // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 53—56.
 (Baldano M.N. The Soviet model of urbanization, *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 7, pp. 53—56. — In Russ.)

- Вишнеvский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 1998. 430 с.
(Vishnevskij A.G. Conservative modernization in the USSR, Moscow, 1998, 430 p. — In Russ.)
- Куприн Р.А. История домов-коммун Нижнего Новгорода // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: сборник научных статей. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. Вып. 6. С. 239—245.
(Kuprin R.A. History of the commune houses of Nizhny Novgorod, *Regions of the world: problems of history, culture and politics: a collection of scientific articles*, 2015, iss. 6, pp. 239—245. — In Russ.)
- Луночкин А.В., Фурман Е.Л. Сталинград накануне индустриализации: социально-культурное развитие и благоустройство // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. С. 6—20.
(Lunochkin A.V., Furman E.L. Stalingrad on the eve of industrialization: socio-cultural development and improvement, *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 2020, vol. 25, no. 3, pp. 6—20. — In Russ.)
- Меерович М.Г. Уникальность урбанизации в СССР // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 2. С. 9—16.
(Meerovich M.G. Urbanization uniqueness in the USSR. *Vestnik of Tomsk state university of architecture and building*, 2015, no 2, pp. 9—16. — In Russ.)
- Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101—113
(Pivovarov Yu.L. Urbanization of Russia in the twentieth century: Perceptions and reality, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2001, no. 6, pp. 101—113. — In Russ.)
- Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке идеалы и реальность // География мирового развития. Сборник научных трудов / под ред. Л.М. Синцера. М., 2010. Вып. 2. С. 228—239.
(Pivovarov YU.L. Urbanization of Russia in the twentieth century ideals and reality, *Geography of World Development. Collection of scientific papers*, Moscow, 2001, iss. 2, pp. 228—239. — In Russ.)
- Селезнев Ф.А. История Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: БегемотНН, 2022. 416 с.
(Seleznev F.A. History of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, 2022, 416 p. — In Russ.)
- Сеняvский А.С. Урбанизация России в XX в.: роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 285 с.
(Senyavskij A.S. Urbanization of Russia in the twentieth century: role in the historical process, Moscow, 2003, 285 p. — In Russ.)
- Социалистический город: градостроительная концепция «Соцгород 1920—1930-х гг. XX века»: учебное пособие / под ред. А.А. Гордина. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2012. 116 с.
(Socialist City: the urban planning concept of the “Socialist City of the 1920s—1930s of the twentieth century”: textbook, ed. by A.A. Gordin, Nizhniy Novgorod, 2012, 116 p. — In Russ.)
- Тимофеев М.Ю. Создание образцового социалистического города: Иваново-Вознесенск 1920—1930-х гг. // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. № 1. С. 50—65.
(Timofeev M.YU. Creation of an exemplary socialist city: Ivanovo-Voznesensk in the 1920—1930s., *Urban Studies and Practices*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 50—65. — In Russ.)

HOUSING CONSTRUCTION IN NIZHNY NOVGOROD IN THE CONTEXT OF THE QUESTION OF THE SOVIET VERSION OF URBANIZATION (THE FIRST HALF OF THE 1930s)

Fedor A. Seleznev, Roman A. Kuprin

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, fseleznev@mail.ru, kiprianos@yandex.ru

Abstract. The authors analyze the controversial problems existing in the historiography of Soviet urbanization. The article concludes that the analysis of urban practices in the historical cities of the center of Russia is relevant. This approach, according to the authors, allows us to give a balanced assessment of the ratio of urbanization and industrialization in the USSR. In the context of the question of the Soviet version of urbanization, the authors consider the policy of the authorities in relation to housing construction, which was carried out in Nizhny Novgorod in the first half of the 1930s. Based on the use of archival documents and press materials, the article shows that in the first half of the 1930s the growth rates of residential development in Nizhny Novgorod were very high. This was caused by the need to provide housing for employees of a number of large enterprises being commissioned almost simultaneously. This task was solved due to the mass construction of low-rise frame and panel houses made of cheap building materials. The authorities saved on housing construction, temporarily sacrificing its quality, to ensure quantitative indicators of the introduction of a new housing stock and the development of the city as a whole. It was a temporary way out of this extreme situation.

Keywords: USSR, urbanization, industrialization, mass housing construction, Nizhny Novgorod, Communist Party of the Soviet Union

For citation: Seleznev F.A., Kuprin R.A. Housing construction in Nizhny Novgorod in the context of the question of the Soviet version of urbanization (the first half of the 1930s), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 111—120.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023; одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 13.10.2023.

The article was submitted 11.09.2023; approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 13.10.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Селезнев Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород Россия, fseleznev@mail.ru

Seleznev Fedor Alexandrovich — Doctor of Science (History), Professor of the Department of Regional Studies and Local History, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, fseleznev@mail.ru

Куприн Роман Алексеевич — аспирант кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, kiprianos@yandex.ru

Kuprin Roman Alekseevich — Graduate student of the Department of Regional Studies and Local History, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, kiprianos@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 121—131.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 121—131.

Научная статья

УДК 371.4

DOI: 10.46726/И.2023.4.14

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КРАСНОЙ АРМИИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Алексей Анатольевич Шмаков, Алим Маратович Абидулин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия,

Shmakov@vuc.unn.ru, abidulin@imomi.unn.ru

Аннотация. Создание Красной Армии после революции 1917 года подразумевало под собой многоплановую работу, направленную на формирование боеспособной, политически и идеологически мотивированной вооруженной организации, имеющей качественную и отлаженную структуру воспитания и управления. Пропаганда политических идей и партийная агитация были одними из ключевых моментов в строительстве Красной Армии, заслуживающими пристального внимания и изучения. В статье раскрывается необходимость создания в армии органов идеологического и политического воспитания красноармейцев, процесс формирования системы воспитания и ее функционирование. Рассматриваемые в статье вопросы позволяют оценить масштабы деятельности политического и военного руководства в сфере политико-воспитательной работы. Основное внимание уделяется созданию института комиссаров в Красной Армии и организации культурного досуга военнослужащих, как основных элементов, задействованных в организации и ведении пропаганды коммунистической идеологии Советской власти. Подчеркивается, что сформированная система политического воспитания вкупе с культурно-просветительской работой способствовала укреплению позиций правящей партии в армии, сплочению воинских коллективов и повышению морально-психологического состояния воинов. Грамотная система политического воспитания, зародившаяся после революции, стала одним из факторов, обеспечившим не только победу в Гражданской войне, но и обусловившим основные направления воспитания военнослужащих вооруженных сил на годы вперед и, вполне вероятно, что этот опыт может быть вполне применим и в настоящее время.

Ключевые слова: идеология, пропаганда, Красная армия, политическое воспитание, воспитательная работа, культурно-досуговая работа

Для цитирования: Шмаков А.А., Абидулин А.М. Формирование системы политического воспитания в Красной Армии после Октябрьской революции 1917 года // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 121—131.

Имея огромное значение в вопросах идеологического воспитания, система пропаганды и агитации большевиков, тем не менее, не имела в постреволюционный период организованной структуры. Организацией и проведением мероприятий пропаганды занимался ЦК РСДРП, на местах

© Шмаков А.А., Абидулин А.М., 2023

пропагандистскую деятельность организовывали и проводили различные предприятия и организации, порой даже не согласовывая друг с другом свои действия, да и каких-то планов по такого рода деятельности на уровне государства еще не было [Бочкарева: 43].

Институт пропаганды и агитации в армии начинает формироваться в январе 1918 года, с началом создания РККА. Разрастающаяся Гражданская война, необходимость защиты завоеваний революции, поддержка армией идеологии большевиков — все это требовало от руководства страны и вооруженных сил в приоритетном порядке обеспечить условия для политического воспитания и обучения личного состава вооруженных сил.

Рабоче-Крестьянская Красная армия (далее РККА) создавалась на основании Декрета СНК от 15 (28) января 1918 года [Декреты... 1: 356—357] о создании РККА и Декрета «об учреждении Всероссийской коллегии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в состав которой входил организационно-агитационный отдел [Там же: 357—358]. Отдел, в частности, занимался вопросами пропаганды и агитации, направленными на привлечение граждан в ряды Красной Армии. Основными формами пропаганды были устная и печатная. Выпускаемые отделом листовки содержали в себе призывы к вступлению в ряды красноармейцев, красноречиво подчеркивая необходимость борьбы с противниками революции, «рисовали» ужасы возврата к прошлой жизни в случае победы контрреволюции: «Помните все, что удушение русской революции угрожает для всех вас неисчислимо тяжелыми последствиями, вы тогда попадете в кабалу к капиталистам...»; «Улыбается ли вам такая перспектива? Хотите ли вы снова надеть на себя то ярмо...? Если не хотите, немедленно организуйте отпор наглым хищникам...» [Волковский: 130—131]. Устной агитацией, проводимой в виде собраний и митингов, занимались агитаторы, которых готовили на курсах, специально организованных при этом отделе. Все пропагандистские материалы, будь то печатная продукция или тексты (тезисы) выступлений агитаторов, содержали актуальные, болезненные темы для основной массы рабочих и крестьян, заставляя их задуматься о прошлом и принять правильное, с точки зрения большевиков, решение.

В апреле 1918 года СНК принимается Декрет СНК «об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных военных комиссариатах» [Декреты... 2: 63—70]. В задачи этих комиссариатов, кроме всего, входила агитационная работа по привлечению людей в армию, а также удовлетворение «культурно-просветительских нужд войск» [Там же].

В РККА вопросы пропаганды и вся политическая работа возлагались в разные периоды времени на: Всероссийское бюро военных комиссаров (1918), Политический отдел Реввоенсовета республики (1918) [Гурьев: 188], Политическое управления РВС республики (1919—1922), Политическое управление Революционного военного совета СССР (1922—1924), Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии (1924—1940) и Политическое управление Рабоче-крестьянского Красного флота (1938—1940), Главное управление политической пропаганды Рабоче-крестьянской Красной армии (1940—1941) и Главное управление политической пропаганды Военно-морского флота (1940—1941) [Ипполитов 2019: 93].

Пропаганда коммунистических идей, подкрепленная революционными тезисами, уже в первые месяцы строительства Красной Армии приобретает особую значимость в вопросах достижения целей, поставленных перед ней государством, сближая военную и политическую составляющие страны, масштабно убеждая

личный состав РККА в правильности выбора идей государственного строительства. Армию необходимо было «насытить» политическими и идеологическими постулатами до такого уровня, который смог бы обеспечить защиту интересов государства на этапе становления и дальнейшего развития. Для решения этой задачи создавалась мощная система политического воспитания.

Работа по политическому воспитанию в войсках возлагалась на комиссаров — представителей партии большевиков, направляемых в армию для осуществления контроля за военными специалистами (военспецами) и офицерами царской армии. Обращая внимание на особую значимость деятельности комиссаров в армии, Народный комиссар по военным и морским делам Л.Д. Троцкий говорил: «по отношению к армии вся полнота власти будет находиться всецело в руках Советов, которыми будут командированы во все военные органы и воинские части надежные политические комиссары для общего контроля ..., их полномочия будут неограниченны. Военные специалисты будут руководить ... оперативной работой, боевыми действиями, тогда как политическая сторона формирования, обучения и воспитания частей должна быть целиком подчинена полномочным представителям советского режима в лице его комиссаров» [Троцкий: 230].

Кроме контроля за деятельностью командиров, комиссары проводили идеологическую и воспитательную работу с личным составом, в ходе которой разъясняли им политические цели партии. В первом обращении Народного комиссариата по военным делам, опубликованном в газете «Известия ВЦИК» 24 марта 1918 года, отмечается: «Политический контроль над всей организацией и жизнью армии вручается военным комиссарам ... Комиссар охраняет теснейшую внутреннюю связь между армией и советским режимом в целом..., воплощает начало революционного долга и несокрушимой дисциплины... скрепляет все военные приказы. Всей силой своего авторитета и своей власти комиссар обеспечивает немедленное и беспрекословное выполнение оперативных и боевых распоряжений военных руководителей» [Там же: 233].

Необходимо отметить, что институт комиссаров не возник непосредственно в период Октябрьской революции. В России он был введен Временным правительством после Февральской революции 1917 года, однако для царской армии работа комиссаров не принесла хоть сколько-то значимых успехов. Большевики же, прекрасно осознавая силу пропаганды и агитации из истории своей практической деятельности, совершенно не собираясь отказываться от политического влияния в армейских рядах, переняли практику работы комиссаров и, многократно улучшив ее, подняли на небывалую высоту, заложив фундамент в развитие института комиссаров на десятилетия вперед, доказав необходимость его существования и дальнейшего усовершенствования в интересах не только Вооруженных сил, но и государства в целом.

Общее руководство деятельностью военных комиссаров осуществлялось Всероссийским бюро военных комиссаров, образованном 8 апреля 1918 года. Основная задача бюро состояла в руководстве всей политической работой не только на фронте, но и в тылу [Млечин]. За два дня до этого, 6 апреля 1918 года в «Известиях ВЦИК» Народным комиссариатом по военным делам опубликовано положение «О военных комиссарах, членах военных советов» [Войтиков: 273]. В данном положении, в частности, отмечалось, что «Военный комиссар есть непосредственный политический орган Советской власти при армии...» [Троцкий: 695], а учрежденное Бюро Военных Комиссаров «объединяет деятельность

комиссаров, отвечает на их запросы, вырабатывает для них инструкции и в случае необходимости созывает съезды комиссаров» [Там же].

На должности комиссаров назначались люди, не запятнавшие себя и всемерно преданные делу революции. Комиссары обладали неприкосновенностью, и любое оскорбление личности приравнивалось к тяжким преступлениям против власти. Проводя идеологическую работу в подразделениях, комиссары воспитывали чувство патриотизма, культивировали в среде красноармейцев понятие долга и ответственности за завоевания революции, воспитывали чувство уважения к своим командирам и начальникам, укрепляли воинский дух в подразделениях.

Деятельность комиссаров как руководителей политической работы в подразделениях не была организована одновременно с началом образования армии. Задачи и обязанности формировались в течение всего 1918 года, исходя из полученного опыта в ходе практической деятельности. Принятым 25 октября 1918 года постановлением ЦК РКП(б) «О партийной работе в Армии» и утвержденной в январе 1919 года «Инструкцией партийным организациям армии и флота» на комиссаров уже законодательно возлагалась ответственность за руководство партийной работой [Арзамаскин: 7—8].

Для оказания помощи в работе комиссарам полкового звена и для «усиления партийного влияния» в октябре 1919 года в штаты рот, эскадронов и батарей вводится должность политических руководителей (политруков) [Ненароков: 17].

Работа по политическому и идеологическому воспитанию красноармейцев в частях и подразделениях проводилась в разных формах и разными методами, но самое главное — работа проводилась комплексно и массово. Основными формами воспитания были: партийные собрания, совещания, занятия по политической подготовке, лекции, политические информирования, «чтение газет и листовок, беседы, культурные мероприятия» [Ипполитов 2018: 160—161]. В качестве методов идеологического воздействия применялись: «убеждение, упражнения, принуждение, личный пример, поощрение» [Там же: 161]. В помощь политработникам Красной Армии разрабатывались и распространялись конспекты лекций, содержащих «основные положения социалистической теории и освещение наиболее важных социалистических декретов» [Письмо ЦК РКП(б)...].

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков работу комиссаров в армии описывал так: «Работа комиссара заключалась не только в агитации и пропаганде, но прежде всего в личном боевом примере, образе действий, поведении. Комиссар обязан был знать все оперативные распоряжения, участвовать в разработке приказов..., тщательно изучать военное дело...» [Жуков: 64—65].

Огромную помощь комиссарам в воспитании и пропагандистской деятельности оказывали партийные ячейки. Как элемент системы партийно-политического воспитания в Красной Армии, ячейки стали формироваться в середине 1918 года. Партийные ячейки занимались не только пропагандой и агитацией среди военнослужащих, они же «должны вести просветительную и партийную работу в частях, а именно: устройство лекций, собраний, клубов, школ грамотности и т. п.» [Резолюция...].

В январе 1919 года ЦК РКП(б) опубликована инструкция, в которой подробно изложены права и обязанности партийных ячеек. В ней, в частности, указывается, что «На ячейки возлагается обязанность проводить в жизнь все постановления руководящих партийных организаций и учреждений. Вырабатывать путем пропаганды и агитации ... ясное и твердое коммунистическое сознание. Вести ... культурно-просветительную работу... Для успешной партийной пропаганды ячейка обязана: а) заботиться о распространении газет и литературы

по политическим и военным вопросам, б) устраивать общие чтения и собеседования, в) ... организовать занятия по политической грамоте» [Из инструкции...].

Основной формой работы партийных ячеек было проведение собраний. Деятельность ячеек включала также организацию и проведение митингов, бесед с красноармейцами, чтение лекций. Являясь первичным звеном Коммунистической партии, ячейки проводили огромную работу на местах по укреплению боеспособности подразделений. Важность работы коммунистов и ячеек в армии отмечал Командующий Первой конной армией РККА, Маршал Советского Союза С.М. Будённый: «С ростом численности партийных организаций крупные полковые ячейки — свыше 15 членов партии — разделялись на эскадронные и взводные. Это приближало партийную работу к самой гуще красноармейских масс. <...> На дневках в ячейках проходили собрания... Обсуждались как общеполитические вопросы: "Советская власть и партия коммунистов", "Программа РКП(б)" ..., так и конкретные: "О работе среди населения", "Об отношении к пленным" ...» [Будённый: 45].

Работа по идеологическому воспитанию, включающая в себя и пропаганду, и агитацию, не сводилась только лишь к деятельности партийных ячеек, комиссаров и политработников, что называется, «на местах». Конечно, такая работа приносила ощутимые результаты, однако это была только часть пропагандистского массива, призванного обеспечить единство армии и народа, армии и партии, армии и государства.

Особую роль в пропаганде коммунистических идей в армии занимала печатная пропаганда. Работа военного руководства по обеспечению армии печатной продукцией начинается практически сразу после революции. Первоначально был организован и обеспечен выпуск газет центральными печатными изданиями. В частях появляются газеты: «Армия и флот рабочей и крестьянской России», «Известия комиссариата по военным делам», «Вооруженный народ», «Красная армия», «Московская газета Красной Армии» [Молчанов: 32]. Позже за организацию выпуска печатной продукции и снабжение войск отвечали Всероссийское бюро военных комиссариатов, Политический отдел (управление) РВС. С формированием фронтов в 1918 году появляются фронтовые и армейские издания, а в середине 1919 года начинают издаваться дивизионные и бригадные газеты.

Ежедневные печатные издания оказывали сильное влияние на мировоззрение красноармейцев. Читая газеты, солдаты и офицеры проникались смыслом написанного, обсуждали прочитанное с сослуживцами, на совещаниях и собраниях, при проведении занятий. Показательный пример воздействия «печатным словом» мы находим в тех же мемуарах С.М. Будённого. Им описан такой прием пропаганды, как «многократное повторение» в газете «Красный кавалерист». Эта газета всесторонне освещала армейскую жизнь, учила «коммунистов и беспартийных быть сильными и мужественными» и, обратив внимание, «из номера в номер», напоминала коммунистам о политическом воспитании и недопущении нарушений воинской дисциплины, о работе коммунистических ячеек, о ежедневной партийно-политической работе и беседах с сослуживцами о Коммунистической партии и т. д. [Будённый: 48].

Ежедневные тиражи военных изданий впечатляют. Так, газета «Красная армия», издавалась в количестве до 10000 экземпляров, газета «Красный кавалерист» — до 15000 экземпляров, газета «Красная армия» — от 30000 до 70000 экземпляров. Общий ежедневный тираж военных газет составлял примерно 300000—400000 экземпляров [Молчанов: 49].

Для общего руководства печатной деятельностью и снабжения армии печатной продукцией в 1919 году был учрежден литературно-издательский отдел, входивший структурно в Политическое управление Реввоенсовета Республики. В первый год работы «отдел выпустил 4 581 000 экз. книг и брошюр, 14 033 000 экз. листовок и воззваний, 7 613 009 плакатов, лубочных картин, военно-научных таблиц и открытых писем, 33 666 000 экз. газет и журналов» [Калмыков: 53].

Важную роль в идеологическом воспитании красноармейцев занимали культурно-досуговые мероприятия. С целью организации общего и индивидуального досуга красноармейцев, проведения агитационных и пропагандистских мероприятий создаются клубы и библиотеки. В клубах, кроме библиотек, организовывались читальни, драматические, музыкальные и другие тематические кружки. Руководство этими подразделениями на фронтовом уровне осуществляли политические отделы фронтов через библиотечно-клубные секции в их составе.

Клубы и библиотеки были центром культурно-просветительской работы в армии, и от организации их деятельности зависела не только культурная, но и политическая работа в армии. К примеру, на сотрудников библиотек возлагалась обязанность оказания помощи читателям в формировании у них пролетарских коммунистических взглядов и привлечения их к организации «политико-просветительской работы библиотеки среди масс» [Михеева: 32]. Библиотечные фонды по тематическому составу были достаточно разнообразны и обеспечивали удовлетворение запросов читающих красноармейцев. В «Инструкции для организации красноармейских библиотек» [Краткая инструкция...] издания 1920 года указано рекомендованное наличие литературы: классической — 55 %, по истории, экономике, социологии, правоведению — 15 %, прикладные науки — 12 % и т. д. [Там же: 4]. Пополнение библиотечных фондов осуществлялось различными способами, но основную часть занимали централизованные закупки и поставки в виде укомплектованных библиотек. Только в период с 28 октября по 15 ноября 1918 агитационно-просветительным отделом московского бюро военных комиссаров отправлено литературы более, чем на 300000 рублей [Сведения...]. Литература политического содержания составляла основу этих поставок [Михеева: 32] и была представлена произведениями В. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса как основными источниками начального этапа формирования коммунистических взглядов красноармейцев.

Количество клубов и библиотек постоянно росло, и в 1920 году их численность составляла 2430 и 10029 соответственно [Романова: 110].

Большое внимание в РККА уделялось вопросам грамотности. В армии организовываются школы и курсы по ликвидации и повышению грамотности [Париева: 2]. Работа, проводимая в этом плане, имела глубокий пропагандистский смысл, с заделом на долгие годы вперед. Политические и военные руководители армии и страны отчетливо понимали, что неграмотный красноармеец, выходец из крестьян или рабочих, научившись читать и писать, вобравший в себя идеи Коммунистической партии и вернувшись после демобилизации домой, сможет читать газеты, книги, другие печатные издания не только для себя, но и своему близкому окружению, коллективу, где он будет трудиться. Он сможет транслировать идеи партии в массы, проводя тем самым идеологическую обработку населения, и он всегда будет помнить о том, что возможность быть грамотным ему предоставила Советская власть.

Обучение грамоте позволило к концу 1920 года увеличить число грамотных красноармейцев до 826 на тысячу человек [Романова: 110]. Число школ

выросло с 444 в 1918 году до, примерно, 6000 в 1920 году [Киселев, Половецкий: 7], а интенсивность подготовки и охват максимального количества красноармейцев привели к впечатляющим результатам — к концу 1921 года безграмотность в РККА была практически ликвидирована [Киселев, Половецкий: 7].

Еще одним элементом культурного досуга и патриотического воспитания красноармейцев выступали театры и кружки самодеятельности. Театральное искусство было одним из «видов искусств, организующих волю масс через их чувства», а потому театр «в момент титанической борьбы пролетариата должен быть использован для этой великой цели...», «театр является одним из более применимых для воспитания масс средств» [Париева: 3]. Театральные постановки были в основном революционной направленности, либо по произведениям классиков. В библиотечных фондах частей в достаточном количестве присутствовали произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других классиков литературы, они и составляли основу репертуаров театральных постановок [Селютин: 226]. Перед каждым спектаклем зачастую проводились митинги или собрания о происходящем в стране, на фронтах и о деятельности Советской власти, что, конечно же, вносило свой существенный вклад в процессы идеологического воспитания.

Развитие клубов и библиотек, различных видов художественной самодеятельности в войсках носило приоритетный характер в ходе строительства вооруженных сил и идеологического воспитания красноармейцев. К примеру, в приказе начальника политотдела 1-й конной армии отмечается, что увеличение количества центров досуга показывает, как «идеи Коммунистической партии глубоко проникают в ряды наших бойцов и являются несомненнейшими социальными выразителями их воли и стремлений...» [Приказ...].

Еще одним элементом пропагандистской работы в РККА была так называемая «партийная неделя». Такие мероприятия в армии стали проводиться с сентября 1919 года и имели целью массовое привлечение в ряды Коммунистической партии новых членов. Увеличение численности коммунистов в частях способствовало усилению влияния на личный состав, укреплению позиций партийных ячеек и, как следствие, правящей партии в армии.

Проведение «партийной недели» сопровождалось мероприятиями массовой пропаганды и агитации. Проводились многочисленные собрания и митинги, распространялись тысячи экземпляров партийной программы, всем красноармейцам предлагалось вступать в партийные ряды [Из циркулярного письма...]. За результативность проведения данных мероприятий отвечали командиры и политработники. Исходя из анализа исторических документов, такие мероприятия приносили ощутимые результаты. К примеру, по докладу политотдела 7-ой армии за 1919 год, с сентября по декабрь было проведено три таких мероприятия. В первую неделю ряды партии пополнили 3000 человек, во вторую — 7650 человек [Из доклада...]. В отчете политотдела 16-й армии о проведении «партийной недели» в октябре — декабре 1919 года отмечается, что в этот период было проведено 169 митингов, 113 собеседований, 35 лекций, 21 концерт. Охват составил около 50000 красноармейцев, и в партию вступили 2274 человека [Из отчета...].

Конечно же, такой масштаб культурно-просветительской и агитационно-пропагандистской деятельности не был абсолютно безупречным, были и недочеты в работе руководителей и исполнителей на местах, были и трудности в обеспечении газетами, литературой, зачастую не хватало сценических

костюмов, реквизита и музыкальных инструментов. Такие проблемы присутствовали, но и решались они максимально оперативно.

Масштабность замысла руководителей и объем проводимой работы по идеологическому (партийному, политическому), культурному воспитанию, проведение агитационных и пропагандистских мероприятий требовали жесткой «вертикали» управления, которая была сформирована и приняла практически окончательный вид в 1919—1920 году. Начальным звеном в этой структуре были партийные ячейки, имевшие особую роль в воспитании красноармейцев, поскольку выступали распространителями интересов и идей партии непосредственно в армейской среде. Следующие ступени занимали комиссары, политотделы и Политуправление РВСР [Киселев, Половецкий: 56]. Это была мощная, охватывающая своей разветвленной функциональной сетью все подразделения и органы управления Красной Армии, система партийно-политического воспитания, в сферу интересов которой входили ликвидация безграмотности, партийная и государственная идеология, организация и обеспечение культурно-просветительской деятельности, ведение агитации и пропаганды.

Таким образом, можно сказать, что деятельность военного и политического руководства по формированию нового мировоззрения в рядах Красной Армии была очень масштабной и достаточно успешной. Проводимая работа позволила отстоять победу Революции в Гражданской войне, способствовала сплочению личного состава на фоне идей и лозунгов правящей партии, развитию патриотизма и улучшению морально-политического и психологического состояния бойцов и командиров.

Список источников

- Будённый С.М. Пройденный путь: в 3 кн. М.: Воениздат, 1965. Кн. 2. 392 с.
- Войтиков С.С. Высшие кадры Красной Армии. 1917—1921 гг. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. 480 с.
- Волковский Н.Л. История информационных войн: в 2 ч. СПб.: Полигон, 2003. Ч. 2. 736 с.
- Гурьев А.П. Как закалялся агитпроп. М.: Научно-издательский центр Академика, 2011. 432 с.
- Декреты советской власти: в 18 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 1, 2.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Агентство печати Новости, 1969. 736 с.
- Из «Инструкции партийным ячейкам красноармейских частей фронта и тыла» // Электронная библиотека ист. документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/156461#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 01.02.2023).
- Из циркулярного письма ЦК РКП(б) // Электронная б-ка ист. документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/157392#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 03.02.2023).
- Из доклада Заведующего Политотделом 7-й армии // ЦГАСА: ф. 76/190, оп. 1, д. 1. л. 36—55.
- Из отчета Политотдела 16-й армии о деятельности за 1919 г. // ЦГАСА: ф. 201, оп. 2, д. 432, л. 111 об. — 123 об.
- Краткая инструкция для красноармейских библиотек. Библиотечное отделение Политического Управления Приуральского Военного округа. 1920. 34 с.
- Млечин Л.М. Русская армия между Троцким и Сталиным. М.: Центрполиграф, 2002. URL: https://royallib.com/read/mlechin_leonid/russkaya_armiya_megdu_trotskim_i_stalinim.html#697998 (дата обращения: 08.01.2023).
- Ненароков А.П. Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г.). М.: Политиздат, 1991. 464 с.

- Письмо ЦК РКП(б) Социалистической Академии Наук о необходимости подготовки конспектов лекции для политработников Красной армии // ЦПА ИМЛ: ф. 17, оп. 1, информ. отд., д. 68, л. 124.
- Приказ Политотдела 1-й Конной армии // ЦГАСА: ф. 102, оп. 2, д. 10, л. 150 и об. Копия.
- Резолюция красноармейцев-коммунистов Московского гарнизона // Электронная б-ка ист. документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/156423-rezolyutsiya-krasnoarmeitsev-kommunistov-moskovskogo-garnizona-o-neobhodimosti-sozdaniya-partiynyh-yacheek-v-voinskih-chastyah-16-iyunya-1918-g> (дата обращения: 01.02.2023).
- Сведения о посылке Агитационно-просветительным отделом Всероссийского бюро военных комиссаров литературы в части Красной армии за период с 28 октября по 15 ноября 1918 г. // ЦПА ИМЛ: ф. 17, оп. 1, д. 50, л. 56. Копия.
- Троцкий Л.Д. Сочинения: Советская республика и капиталистический мир: [Внутреннее и международное положение республики]. Ч. 1: Первоначальный период организации сил. 1926. М.; Л.: Госиздат, 1924—1927, Т. 17. 748 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/31643-t-17-sovetskaya-respublika-i-kapitalisticheskiy-mir-vnutrennee-i-mezhdunarodnoe-polozhenie-respubliki-ch-1-pervonachalnyy-period-organizatsii-sil-1926> (дата обращения: 06.01.2023).

Список литературы/ References

- Арзамаскин Ю.Н. Институт военных комиссаров в годы гражданской войны в России // Военный академический журнал. 2019. № 1 (21). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38309401_35130898.pdf (дата обращения: 09.01.2023).
- (Arzamasskin Yu. N. Institute of Military Commissars during the Russian Civil War, *Military academic journal*, 2019, no. 1 (21) — In Russ.)
- Бочкарева А.С. Формирование агитационно-пропагандистских органов и учреждений в советской России (1920-е годы) // Культурная жизнь юга России. 2010. № 4 (38). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16763344_90280892.pdf (дата обращения: 06.01.2023).
- (Bochkareva A.S. Formation of agitation and propaganda bodies and institutions in Soviet Russia (1920s), *Cultural life of the South of Russia*, 2010, no. 4 (38). — In Russ.)
- Ипполитов Г.М. Феномен партийно-политической работы в РККА в период Гражданской войны: концептуальные основы, принципы, формы, методы (1918—1920 годы) // *Historia Provinciae* — журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 4. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36525324_72963693.pdf (дата обращения: 09.01.2023).
- (Ippolitov G.M. The phenomenon of party-political work in the Red Army during the Civil War: conceptual foundations, principles, forms, methods (1918—1920), *Historia Provinciae — journal of Regional History*, 2018, vol. 2, no. 4. — In Russ.)
- Ипполитов Г.М. Строительство политических органов вооруженных сил советского государства: генезис и эволюция (опыт краткого исторического обзора) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2019. Т. 1, № 1. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41379786_83481728.pdf (дата обращения: 07.01.2023).
- (Ippolitov G.M. Construction of Political organs of the Armed Forces of the Soviet State: Genesis and Evolution (experience of a brief historical review), *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2019, vol. 1, no. 1. — In Russ.)
- Калмыков С.П. Воениздат: история и современность // Военно-исторический журнал. 2011. № 4. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16222410_35014169.pdf (дата обращения: 20.01.2023).
- (Kalmykov S.P. Voениzdat: history and modernity, *Military-historical Journal*, 2011, no. 4. — In Russ.)

- Киселев А.С., Половецкий С.Д. Партийно-политическая работа в Красной Армии в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции в России // Военный академический журнал. 2019. № 1 (21). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38309402_26866433.pdf (дата обращения: 08.01.2023).
(Kiselev A.S., Polovetskii S.D. Party and political work in the Red Army during the Civil War and foreign military intervention in Russia, *Military Academic Journal*, 2019, no. 1 (21). — In Russ.)
- Михеева Г.В. Рекомендательная библиография в России в 1917—1921 гг. Часть 3. Библиографическая деятельность в Красной Армии (1918—1921 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4 (9). С. 30—49.
(Mikheeva G.V. Recommendation bibliography in Russia in 1917—1921. Part 3. Bibliographic activity in the Red Army (1918—1921), *Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*, 2011, no 4 (9), pp. 30—49. — In Russ.)
- Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 — 1920 г.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 272 с.
(Molchanov L.A. The newspaper press of Russia during the Revolution and the Civil War (October 1917—1920), Moscow, 2002, 272 p. — In Russ.)
- Париева Л.Р. Красноармейский театр: мечты и реальность (1919—1922 гг.) (по материалам российского гос. военного архива) // Научный вестник Крыма. 2021. № 4 (33). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47111342_57236764.pdf (дата обращения 8.02.2023).
(Parieva L.R. The Red Army Theater: Dreams and Reality (1919—1922) (based on the materials of the Russian State Military Archive), *Scientific Bulletin of the Crimea*, 2021, no. 4 (33). — In Russ.)
- Романова Н.В. Политико-воспитательная работа с военнослужащими как одна из составляющих победы Красной Армии в Гражданской войне // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 3. С. 109—112).
(Romanova N.V. Political and educational work with military personnel as one of the components of the victory of the Red Army in the Civil War, *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2019, no. 3, pp. 109—112. — In Russ.)
- Селютин В.Н. Основные направления идейно-воспитательной работы партии большевиков в частях и подразделениях Красной Армии в годы Гражданской войны // Сборник материалов IX Международных музейных чтений «Современные проблемы музеологии». 2019. Т. 7. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41349103_56703927.pdf (дата обращения: 27.01.2023).
(Seliutin V.N. The main directions of the ideological and educational work of the Bolshevik Party in the units and subdivisions of the Red Army during the Civil War, *Collection of materials of the IX International Museum Readings "Modern problems of Museology"*. 2019, vol. 7. — In Russ.)

FORMATION OF THE SYSTEM OF POLITICAL EDUCATION IN THE RED ARMY AFTER THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917

Alexey A. Shmakov, Alim M. Abidulin

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, Shmakov@vuc.unn.ru, abidulin@imomi.unn.ru

Abstract. The creation of the Red Army after the revolution of 1917 implied a multifaceted work aimed at forming a combat-ready, politically and ideologically motivated armed organization with a high-quality and well-functioning structure of education and management. Propaganda of political ideas and party agitation were among

the key moments in the construction of the Red Army, deserving close attention and study. The article reveals the need to create ideological and political education bodies for Red Army soldiers in the army, the process of the education system formation and its functioning. The issues considered in the article allow us to assess the scope of the activities of the political and military leadership in the field of political and educational work. The main attention is paid to the creation of the institute of commissars in the Red Army and the organization of cultural leisure of soldiers, as the main elements involved in the organization and conduct of propaganda of the Soviet government communist ideology. It is emphasized that the formed system of political education, coupled with cultural and educational work, contributed to strengthening the positions of the ruling party in the army, rallying military collectives and improving the moral and psychological state of soldiers. A competent system of political education, which originated after the revolution, became one of the factors that ensured not only victory in the Civil War, but also determined the main directions of education of servicemen of the armed forces for years to come, and it is likely that this experience can be quite applicable at the present time.

Keywords: ideology, propaganda, Red Army, political education, educational work, cultural and leisure work

For citation: Shmakov A.A., Abidulin A.M. Formation of the system of political education in the Red Army after the October Revolution of 1917, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss 4, pp. 121—131.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Шмаков Алексей Анатольевич — доцент кафедры Главного управления Генерального штаба военного учебного центра при Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, Shmakov@vuc.unn.ru

Shmakov Alexey Anatolyevich — Associate Professor of the Department of the Main Directorate of the General Staff of the Military Training Center at National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Shmakov@vuc.unn.ru

Абидулин Алим Маратович — доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, abidulin@imomi.unn.ru

Abidulin Alim Maratovich — associate Professor of the Department of Oriental Languages and Linguoculturology of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, abidulin@imomi.unn.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 132—139.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 132—139.

Научная статья

УДК 16

DOI: 10.46726/И.2023.4.15

ЛОГИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ СОЗНАНИЯ

Владимир Леонидович Васюков

Институт философии РАН, г. Москва, Россия, vasyukov4@gmail.com

Аннотация. Дискуссии о природе сознания в основном ведутся в рамках трех гипотез: (1) сознание — самостоятельная реальность, не связанная с материей причинно-следственными связями — дуализм, (2) сознание — нечто производное от материальной субстанции — физикализм, и (3) материя и сознание являются модусами чего-то третьего — нейтральный монизм. Взаимодействие же материальной субстанции и сознания с точки зрения современной аналитической философии сознания описывается с помощью понятия квалиа (qualia), под которым понимаются феноменальные, качественные характеристики опыта, связанные с переживанием субъектом своих нейронных состояний. Не отдавая предпочтение ни одной из трех гипотез, можно осуществить их концептуализацию, если языки описания исследуемого объекта будут хорошо различимы. Логический анализ приводит к необходимости комбинирования языков, используемых «нейронной» логикой, описывающей каузальные связи состояний нейронов, и «ментальной» логикой, описывающей различные виды связей ментальных состояний. В статье анализируются разновидности требуемых в этом случае комбинаций логических языков.

Ключевые слова: сознание, логика, дуализм, физикализм, нейтральный монизм

Для цитирования: Васюков В.Л. Логические языки описания сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 132—139.

Дискуссии о природе сознания в основном ведутся в рамках трех гипотез: (1) сознание — самостоятельная реальность, не связанная с материей причинно-следственными связями — дуализм, (2) сознание — нечто производное от материальной субстанции — физикализм, и (3) материя и сознание являются модусами чего-то третьего — нейтральный монизм. Считается, что, не отдавая предпочтение ни одной из трех гипотез, можно осуществить их концептуализацию, если языки описания исследуемого объекта будут хорошо различимы. В противном случае невозможно будет установить, из какой именно гипотезы выведено то или иное следствие.

Проделанный ранее в [Васюков 2022] логический анализ привел к рассмотрению «витгенштейнианской» модели сознания и к необходимости

комбинирования «нейронной» логики, описывающей каузальные связи состояний нейронов, и «ментальной» логики, описывающей различные виды связей ментальных состояний. Поскольку каждая логическая теория представляет собой теорию некоторой предметной области, то ментальная логика явно имеет дело с сознанием как самостоятельной реальностью, не связанной с материей причинно-следственными связями, в то время как предметная область нейронной логики — материальная субстанция, если использовать терминологию наших трех гипотез. При этом, ввиду того что взаимодействие материальной субстанции и сознания с точки зрения современной аналитической философии сознания описывается с помощью понятия «квалиа» (*qualia*) (под которым понимаются феноменальные, качественные характеристики опыта, связанные с переживанием субъектом своих нейронных состояний), можно полагать, что формулы комбинированной логики сознания описывают как раз конкретные случаи разновидностей квалиа.

Отсылая читателя к описанию деталей витгенштейнианской модели сознания в статье [Васюков 2022], сконцентрируемся на одном аспекте языка, который заставляет более внимательно присмотреться к его употреблению в случае описания сознания. Идея о том, что логика обладает содержанием, в частности онтологическим содержанием, сегодня находит свое выражение во взгляде на логику как на универсальный язык. Еще в 12-м веке спекулятивные грамматики верили, что существует единая грамматика всех естественных языков, предстающая в отдельных языках в случайных модификациях, и эту грамматику философы могут открыть посредством анализа онтологического положения дел. Ее структура предопределена существующими в мире вещами, а философ должен открывать эту структуру путем рассмотрения онтологической природы вещей. Позднее Декарт говорил, что хотя в основании всех языков действительно лежит некий общий философский язык, он передает форму рассуждения, а не природу существующих вещей. Лейбниц, в свою очередь, также верил в существование универсального языка, лежащего в основании всех естественных языков, и в то, что этот язык передает форму человеческого рассуждения.

В наше время ситуация представляется более запутанной. Во-первых, как пишет В.А. Смирнов, «вопрос о соотношении разговорного языка и мышления довольно сложный. Здесь вряд ли можно усмотреть прямое отношение между грамматикой и определенной моделью мира... Кроме того, на базе естественных языков развиваются специальные языки науки, возникновение которых свидетельствует о том, что происходит отказ от тех моделей, которые навязываются разговорным языком. Развитие науки приводит к принятию новых языков и тем самым к принятию новых моделей, новых картин мира» [Смирнов: 142]. Принятие же того или иного языка, той или иной логики вынуждает делать определенные допущения о познаваемых объектах, причем по большей части они явно не формулируются и подразумеваются по умолчанию.

Подобные онтологические допущения, или иначе онтологические обязательства (предпосылки, гипотезы), характерны для любого языка — искусственного или естественного. Поскольку языки науки всегда конструируются с определенной целью, для решения каких-то задач, то невыясненные онтологические обязательства этих языков могут затруднить не только их употребление, но и привести к определенным проблемам, никак не предвиденным их создателями. А главное, мы в этом случае неминуемо будем иметь дело с двумя онтологиями — первая представляет собой теорию предметной области,

которую мы осваиваем и объекты которой мы исследуем (наше видение), а вторая, по сути дела, есть результат онтологических допущений языка, которые его создатели вынуждены делать в силу онтологической природы вещей и принимаемой картины мира в целом (видение языка).

Неизбежность онтологических предпосылок языка связана в первую очередь с принятием различных систем семантических категорий и с приемлемостью этих предпосылок с точки зрения их соответствия или несоответствия реальности. Р. Карнап это различие формулирует как два вида вопросов о существовании объектов. Он пишет: «мы должны различать два вида вопросов о существовании: первый — вопросы о существовании определенных объектов нового вида в данном (языковом. — В. В.) каркасе; мы называем их внутренними вопросами; и второй — вопросы, касающиеся существования или реальности системы объектов в целом, называемых внешними вопросами» [Карнап: 300]. Теория реальности по ту сторону языкового каркаса может быть многоликой, и следует различать онтологические обязательства языка, отвечающие внутренним вопросам, и онтологии как таковые, не имеющие отношения к языковому каркасу.

Уточнением понятия языкового каркаса, как пишет Е.Д. Смирнова, «может служить понятие системы семантических категорий, а она связана с принятием определенного вида сущностей, т. е. с теоретико-познавательными вопросами» [Смирнова: 125]. Семантические категории зависят от метода семантического анализа, имеющего дело со стабильными, а не контекстуальными значениями выражений, зависимыми от их контекста употребления. Именно семантические категории определяют внутреннюю онтологию языка, его видение мира, они задают стабильные онтологические рамки, накладываемые на наше видение окружающего мира.

Если посмотреть под этим углом зрения на предложенную в [Васюков: 2022: 155] конструкцию произведения логических систем, используемую для логического описания функционирования «витгенштейнианского» сознания, то внутренняя онтология языка в этом случае может быть описана следующим образом. «Формулы» в ней представляют собой пары формул, принадлежащих к разным семантическим категориям, а следствия получаются путем комбинирования соответствующих следствий из двух исходных систем, что вызвано присутствием двух уровня сознания — каузального (физического) и ментального, представленных двумя логическими системами: нейронной и ментальной логикой. Первичные объекты подразумеваемой онтологии представляют собой пары (нейронный процесс, ментальное состояние), некие квази-квалиа, когда феноменальные характеристики опыта непосредственно связаны с нейронными процессами, а ментальное состояние диктует переживание субъекта.

По сути дела, подобная дуалистическая предметная область витгенштейнианской модели сознания не связана с материей причинно-следственными связями только в том смысле, что нематериальны в этом случае ментальные состояния, тогда как нейронные процессы полностью материальны. Мы можем говорить о каждой предметной подобласти по-отдельности, но это будет не описание сознания и его функционирования, поскольку их описывают только пары формул и пары выводов, описывающих как психофизическую связь, так и ее сохранение в процессе функционирования.

В этом случае, если ментальный уровень сознания описывается комбинациями сложных формул ментальной логики, то следование понимается

как ментальное следование, связь только ментальных состояний, отличная от каузальной связи. В рамках этой схемы объяснение обыденного восприятия и деятельности «изображается» логически с помощью понятия «интенциональной дуги», которая проецирует вокруг нас наше прошлое, будущее, наше житейское окружение, нашу физическую, идеологическую и моральную ситуации [Васюков 2022: 154]. Ментальные формулы могут быть представлены здесь как интенциональные состояния в виде пары (пропозициональное содержание, психологическая модальность), и этими пропозициональными содержаниями часто являются суждения. Интенциональные состояния в зависимости от их пропозиционального содержания могут либо соответствовать реальности, либо не соответствовать ей. То, как они должны соответствовать реальности, определяется их психологической модальностью.

Онтология же каузального уровня сознания описывается с помощью понятия «функциональных мозговых органов, представляющих собой прижизненно образующиеся ансамбли корковых зон и подкорковых структур», которые «можно рассматривать в качестве психобиологического субстрата высших психических функций» [Калинин, Портнов: 32]. Этим ансамблям в рамках витгенштейнианской модели сознания соответствуют комбинации «формул» нейронной логики, из которых выводятся соответствующие формульные аналоги нейронных процессов. Таким образом, структура предметной подобласти нейронной логики определяется функциональными мозговыми органами (ансамблями корковых зон и подкорковых структур) и их функционированием. Семантика нейронной логики задается с помощью сопоставления формулам и выводам нейронной логики соответствующих (психобиологических моделей) элементов функциональных мозговых органов и элементов процесса их (психобиологического) функционирования.

Что касается физикалистской гипотезы сознания, когда сознание — это нечто производное от материальной субстанции, то для ее концептуализации можно использовать конструкцию *коэкспоненциалов* логических систем [Васюков 2022: 155]. Система-коэкспоненциал как разновидность комбинации двух логических систем возникает в случае существования множества (сопоставлений) переводов одной логики в другую, когда во второй логике связь по следованию переводов формул исходной системы (при любом переводе) всегда соответствует связи по следованию в первой. Наличие таких переводов между системами нейронной и ментальной логики приводит к жесткой связанности этих систем и вторичности одной из них (в нашем случае к вторичности ментальной логики). Внутренняя онтология языка подобной витгенштейнианской модели детерминирована функциональными мозговыми органами и их функционированием, в то время как интенциональная дуга теперь вторична, представляя собой нечто вроде возможного (виртуального) мира. Собственно говоря, интенциональных дуг теперь много, и они различны.

Если же прибегнуть к конструкции *экспоненциала* двух логических систем, то в этом случае системе-экспоненциалу требуется наличие единого прямого перевода и единого обратного перевода. Формулы следуют друг из друга в экспоненциале систем, когда связь по следованию в исходной логике сохраняется во второй системе, следование инвариантно относительно композиции переводов. Внутренняя онтология языка подобной витгенштейнианской модели детерминирована некоей интенциональной дугой, описывающей нечто вроде единого «реального» мира функционирования нейронов. В некотором смысле эту «реальность» можно расценивать как влияние ментальной логики

на нейронную, когда ментальный вывод определяет каузальный. Эту модель можно рассматривать как описание случая, когда наше сознание порождает физические действия организма, если расширить наши психобиологические модели за пределы высших психических функций.

Наконец, если обратиться к гипотезе нейтрального монизма, то предметная область перестает быть дизъюнктивной, представляя собой смесь нейронных и ментальных процессов. Нейронное и ментальное следование здесь действуют на равных, логика сознания становится объединением нейронной и ментальной логических систем. Можно получить вывод от нейронной формулы-состояния к ментальной, и наоборот. Собственно говоря, эти «неоднородные» выводы и описывают связь между ментальной и нейронной логиками.

Если в этом случае в качестве логики нейтрального монизма принять классическую логику, то, следуя предложению Фреге, можно полностью абстрагироваться от содержания предложений, что, собственно говоря, удобно для описания нашей смешанной предметной области. О задаваемых положениях дел — нейронных, ментальных или смешанных — в этом случае можно сказать только одно — реализуются ли они в мире (факт ли это) или нет. Отсутствие некоторого положения дел, соответствующего предложению нашего языка, также можно понимать как особый негативный факт. Таким образом, объекты нашего внутреннего универсума в этом случае сводятся к двум особым объектам (традиционно обозначаемые как *das Wahre* и *das Falsche*), на которых задаются функции, используемые в семантике языка классической логики.

Недостатком такого выбора базовой логической системы является то, что из поля нашего зрения совершенно исчезают возможности прямого описания «квалиа» как феноменальных, качественных характеристик опыта, связанных с переживанием субъектом своих нейронных состояний, поскольку в данном языке у нас технически нет никакой разницы между ментальными и нейронными состояниями, они равноправны, и мы имеем дело с однородной «смешанной» предметной областью. Так что, скорее всего, в случае нейтрального монизма нам нужен более гибкий логический язык, способный описать требуемое различие.

Если попробовать воспользоваться с этой целью языками модальной и временной логик, то для них характерно представление внутренней онтологии в виде онтологии возможных миров, детерминированной конструкцией фрейма, т. е. множеством возможных миров с заданным на нем отношением достижимости (альтернативности). Это отношение достижимости создает кластеры — множества содостижимых возможных миров или возможных миров, достижимых из некоторого выделенного возможного мира. Кластеры представляют собой онтологические слои (страты), которые позволяют характеризовать нашу внутреннюю онтологию как стратифицированную онтологию. Поскольку кластеры могут быть упорядочены, и существуют различные типы кластеров (вырожденные, невырожденные, первые, последние), то соответственно, это приводит к различной классификации слоев (см. [Гольдблатт]). Кроме того, если считать отношение достижимости аналогом каузальной или ментальной связи, то можно говорить о нейронных, ментальных и смешанных кластерах, в зависимости от характеристик состояний, связанных отношением достижимости. Это уже превращает нашу внутреннюю онтологию в описание неоднородной в каком-то смысле (определяемым отношениями достижимости) предметной области. Это еще более явно в случае мультимодальной логики, когда структура слоев детерминирована смесью кластеров, образованных с помощью разных по своей природе отношений достижимости.

Если же воспользоваться языком интуиционистской логики, то в этом случае внутренняя онтология также описывается с помощью конструкции возможных миров, но в роли отношения достижимости теперь выступает отношение порядка. Здесь мы тоже имеем дело со стратифицированной онтологией, но кластеры образуются как упорядоченные подмножества состояний, имея дело с одним и тем же отношением упорядоченности. Предметная область также становится в каком-то смысле неоднородной, но исчезает разнообразие, связанное с различием отношений достижимости.

Наконец, можно воспользоваться языком системы релевантной логики R, специфика внутренней онтологии возможных миров для которой связана, в первую очередь, с особенностями отношения достижимости. Здесь это отношение тернарное (трехместное), поэтому говорить о кластерах можно, например, при фиксации выделенного элемента (реального мира), когда мы получаем вместо тернарного отношения достижимости бинарное, либо рассматривая тернарное отношение как некоторое отношение содостижимости и определяя кластеры по отношению достижимости на парах возможных миров как относительные структуры. Поскольку вдобавок у нас имеется еще и звездчатая операция, сопоставляющая какому-то миру его негативную альтернативу, то это тоже приводит к образованию структуры слоев относительно этой операции. В результате мы получаем стратифицированную внутреннюю онтологию с тремя типами слоев и разными типами различий между общей и локальной онтологиями.

В заключение скажем несколько слов о том, как на практике выглядят языки нейронной логики. В работе [Васюков 2006: 160] приводится описание трехзначной логики, разработанной с целью моделирования работы нервной клетки — нейрона, которая позволяет описать нейрон как простейший элемент сложной системы. В качестве значений истинности здесь фигурируют значения постсинаптического потенциала реального биологического нейрона, закодированные следующим образом: значению 1 (истина) соответствует возбуждающий постсинаптический потенциал, значению $\frac{1}{2}$ (неопределенность) соответствует потенциал покоя, а значению 0 (ложь) — тормозной постсинаптический потенциал.

В рамках подобной формулировки невозможно получить соответствующие операции классической двузначной логики как производные конструкции трехзначных операций. Данное обстоятельство означает для нас то, что мы имеем в этом случае дело действительно с «логикой» физических состояний нейрона, поскольку именно классическая логика обычно по умолчанию принимается лишь как логика нашего правильного мышления (и, следовательно, сознания). Объекты нашего внутреннего универсума языка подобной логики в этом случае сводятся не к двум, а к трем особым объектам, на которых задаются функции, используемые в семантике языка трехзначной нейронной логики.

Однако можно получить классические двузначные операции, пополняя язык за счет новой одноместной логической операции θ . Наличие подобного θ -оператора подразумевает существование некоего механизма, когда некоторые из нейронов переводят сигналы от других нейронов только в «двузначные», образующие области с классической, а не трехзначной логикой (например, области коры мозга в отличие от областей подкорки). Подобная интерпретация подразумевает конструкцию, которую можно было бы рассматривать как описание некоей психофизической супервентности (термин «супервентность» используют для объяснения особого типа психофизической связи,

когда психическое является следствием физического, сопутствует ему, но не сводится к тем или иным конкретным процессам мозга), основанное на логических конструкциях в рамках функционализма, т. е. как некоторую версию «логического» функционализма. Все упирается в отсутствие аксиоматической формулировки трехзначной логики нейрона, что не позволяет говорить о свойствах этой логики и онтологических предпосылках ее языка.

Список литературы / References

- Васюков В.Л. Логика сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 151—158.
(Vasyukov V.L. Logics of consciousness, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 151—158. — In Russ.)
- Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. М.: УРСС, 2002. 203 с.
(Smirnov V.A. Logical Methods of an Analysis of Scientific Knowledge. Moscow, 2002, 203 p. — In Russ.)
- Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Тривиум, 2000. 380 с.
(Carnap R. Meaning and Necessity. A Study in Semantics and Modal Logic, Moscow, 2000. 380 p. — In Russ.)
- Смирнова Е.Д. Теория семантических категорий и вопросы онтологии языка // Труды научн.-исслед. семинара логического центра Ин-та философии РАН. М.: ИФРАН, 2007. Вып. XVIII. С.123—133.
(Smirnova E.D. Theory of Semantic Categories and Issues of Language Ontology, *Proceedings of the Scientific-Research Seminar of the Logical Centre of the Institute of Philosophy RAS*, Moscow, 2007, iss. XVIII, pp. 123—133. — In Russ.)
- Калинин П.Е., Портнов А.Н. Проблемы языка описания сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 2. С. 8—36.
(Kalinin P.E., Portnov A.N. Problems of the language of description of consciousness, *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2009, iss. 2, pp. 8—36. — In Russ.)
- Смирнов В.А. Логический анализ научного знания. М.: ЛЕНАНД, 2021. 264 с.
(Smirnov V.A. The Logical Analysis of Scientific Knowledge. Moscow, 2021, 264 p. — In Russ.)
- Гольдблатт Р. Логика времени и вычислимости. М.: ОИЛКРЛ, 1992. 1221 с.
(Goldblatt R. Logics of Time and Computation, Moscow, 1992, 1221 p. — In Russ.)
- Роутлей Р., Мейер Р. Семантика следования // Семантика модальных и интенциональных логик / под ред. В.А. Смирнова. М.: Прогресс, 1981. С. 363—423.
(Routley R, Meier R. The Semantics of Entailment, *Semantics of Modal and Intensional Logics*, ed. by V.A. Smirnov, Moscow, 1981, pp. 363—423. — In Russ.)
- Васюков В.Л. Проблема сознания с точки зрения логического функционализма // Философия науки. 2006. Вып. 12. С. 154—172
(Vasyukov V.L. An issue of consciousness from the point of view of logical functionalism, *Philosophy of Science*, 2006, iss. 12, pp.154—172. — In Russ.)

LOGICAL LANGUAGES FOR DESCRIBING CONSCIOUSNESS

Vladimir L. Vasyukov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, vasyukov4@gmail.com

Abstract. Discussions about the nature of consciousness are mainly conducted within the framework of three hypotheses: (1) consciousness is an independent reality that is not connected with matter by cause-and-effect relationships — dualism, (2) consciousness is something derived from material substance — physicalism, and (3) matter and consciousness are modes of something third — neutral monism. The interaction of material substance and consciousness from the point of view of the modern analytical philosophy of consciousness is described using the concept of qualia, which is understood as phenomenal, qualitative characteristics of experience associated with the subject's experience of his neuronal states. Without giving preference to any of the three hypotheses, it is possible to conceptualize them if the languages of description of the object under study are clearly distinguishable. Logical analysis leads to the need to combine the languages used by “neural” logic, which describes causal connections of neuronal states, and “mental” logic, which describes various types of mental state connections. The article analyzes the varieties of combinations of logical languages required in this case.

Keywords: consciousness, logic, dualism, physicalism, neutral monism

For citation: Vasyukov V.L. Logical languages for describing consciousness, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 132—139.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Васюков Владимир Леонидович — доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и философии науки, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, vasyukov4@gmail.com

Vasyukov Vladimir Leonidovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Head of the Chair of the History and Philosophy of Science, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, vasyukov4@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 140—147.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 140—147.

Научная статья

УДК 1(082)

DOI: 10.46726/И.2023.4.16

ОБ ОДНОЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ОСОБЕННОСТИ БЫТИЯ СОЗНАНИЯ

Валерий Николаевич Финогентов

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,

г. Орёл, Россия, v_fin@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается «простёртость» сознания во времени. Утверждается, что сознание в своем бытии не концентрируется только в актуальном настоящем, но всегда простирается в некоторой степени как в прошлое, так и в будущее. Именно эта «простёртость» сознания во времени является основой субъектности существа, обладающего сознанием. Иначе говоря, именно она позволяет человеку, с одной стороны, быть активным, избирательным по отношению к его прошлому, и, с другой стороны, создавать свои проекты будущего и целесообразно действовать. В статье подчеркивается, что указанная «простёртость» бытия сознания во времени может истолковываться как минимум двояко. Первое ее истолкование дается в рамках концепции монотемпорализма и является в некотором смысле привычным, до сих пор весьма распространенным в философии. С точки зрения такого истолкования реальное бытие сознания жестко привязано к текущему настоящему. «Простёртость» бытия сознания во времени состоит здесь лишь в том, что жестко «привязанное» к настоящему в своем реальном бытии сознание может строить идеальные (мысленные) образы прошлого и будущего. Второе истолкование простёртости бытия сознания во времени дается в рамках концепции политемпорализма, развиваемой автором статьи. В рамках этой концепции речь идет о совершенно реальной «простёртости» бытия сознания во времени. То есть простёртым во времени бытие сознания является не только в плане поема (в плане содержания актов сознания), но и в плане poesis (в плане осуществления самих актов сознания).

Ключевые слова: бытие сознания, «простёртость сознания во времени», монотемпорализм, политемпорализм, структура настоящего

Для цитирования: Финогентов В.Н. Об одной замечательной особенности бытия сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 140—147.

Замечательной особенностью бытия сознания, упомянутой в названии статьи, является, образно говоря, «простёртость» сознания во времени. Иначе говоря, сознание в своем бытии не концентрируется только в актуальном настоящем, но всегда простирается в некоторой степени как в прошлое, так и в будущее. Подчеркну, что именно эта «простёртость» сознания во времени является основой субъектности существа, обладающего сознанием. Иначе говоря, именно она позволяет человеку, с одной стороны, быть активным, избирательным по отношению к его прошлому, и, с другой стороны, создавать свои проекты будущего и целесообразно действовать.

Здесь надо сказать, что указанная «простёртость» бытия сознания во времени может истолковываться как минимум двояко.

(Отмечу, что я не затрагиваю здесь очень интересного, но, на мой взгляд, несколько «уводящего в сторону», феноменологического анализа темпоральности сознания (см. об этом в частности: [Гуссерль; Молчанов 1988; Молчанов 2015]).

1. О простёртости бытия сознания во времени в рамках концепции монотемпорализма

Первое ее истолкование является в некотором смысле привычным и до сих пор весьма распространенным. В его рамках реальное бытие сознания жестко привязано к текущему настоящему. Хорошо об этом написал Н. Гартман. Характеризуя «пробывание-во-времени» сознания человека, он утверждал, что «такое не есть неподвижное стояние». «Оно, — продолжал немецкий мыслитель, — есть движение вместе с временным потоком, в котором точка настоящего постоянно сдвигается, т. е. странствует вместе с потоком». Другими словами, «сознание с его соответствующей реальностью привязано к этому странствующему настоящему, оно не может выйти из него, его вот-бытие, как и все реальное, есть вот-бытие в соответствующем настоящем» [Гартман: 398].

И в этом плане бытие сознания, можно сказать, не отличается от бытия, например, камня. Бытие камня, очевидно, всегда полностью сосредоточено в актуальном настоящем, содержится в данном теперь. И, соответственно, все существование камня представляет собой непрерывную последовательность переходов от предшествующего настоящего к последующему настоящему. То есть оно, выражаясь языком Н. Гартмана, всегда «привязано к странствующему настоящему». По сути, аналогично дело обстоит в рамках обсуждаемого истолкования и с бытием сознания.

Отличие бытия сознания от бытия камня состоит здесь лишь в том, что «привязанное» к настоящему в своем реальном бытии сознание может строить идеальные (мысленные) образы прошлого и будущего. Сами реальные акты сознания (*poesis*), таким образом, жестко «привязаны» к актуальному настоящему, но содержание сознания (*poema*) может относиться также и к прошлому, и к будущему. Понятно, что в рамках обсуждаемого понимания в прошлое бытие сознания простирается с помощью соответствующих форм памяти, а в будущее — с помощью некоторых видов предвосхищения, прогнозирования и целеполагания. Или, как говорил об этом тот же Н. Гартман, «содержанием сознание не привязано к настоящему». Иными словами, как уже отмечено, своим содержанием сознание может в определенной мере «схватить» прошлое и будущее [Там же: 398—399]. А именно: содержание сознания может «схватить» прошлое и будущее в той мере, в какой они (прошлое и будущее) присутствуют в настоящем либо в виде некоторых «следов» прошлого, либо в форме определенных тенденций, частично формирующих будущее, либо как законы, связывающие прошлое, настоящее и будущее.

Как видим, с рассматриваемой точки зрения, интересующая нас простёртость бытия сознания во времени не содержит в себе ничего таинственного. Поскольку такое ее истолкование вполне согласуется с ее пониманием на уровне здравого смысла: реально сознание «привязано» к настоящему, а с помощью мыслей, воспоминаний и воображения оно может «путешествовать» и в прошлом, и в будущем. Точнее, простёртость бытия во времени в таком его

понимании не содержит в себе ничего таинственного помимо того, что во многом таинственным до сих пор является само сознание.

Фактически рассматриваемое сейчас истолкование простёртости бытия сознания во времени основывается на определенной онтологии, в частности на определенном понимании взаимоотношений прошлого, настоящего и будущего. И, как уже отмечалось, эта онтология и указанные взаимоотношения в общем-то привычны и понятны.

Нетрудно убедиться в том, что эта онтология и соответствующие взаимоотношения прошлого, настоящего и будущего основаны на одномерной (линейной) темпорализации бытия. В рамках такой онтологии все состояния мира упорядочиваются с помощью одного-единственного (мирового) времени. И существование мира в таком случае представляет собой поступательное движение мира из бесконечно удаленного прошлого через настоящее в бесконечно удаленное будущее. Или иначе: существование мира здесь — это бесконечное множество последовательно сменяющих друг друга его состояний. При этом прошлое однозначно определяет настоящее (и будущее). И эта однозначная связь между прошлым, настоящим и будущим камня задается соответствующими законами. В качестве такого рода законов могут выступать, например, законы классической механики, во многих случаях позволяющие, как известно, однозначно связать предшествующие и последующие состояния этого камня.

Такая — монотемпоралистская — онтология и такая картина взаимоотношений прошлого, настоящего и будущего, как уже сказано, привычна, понятна и до сих пор широко распространена в философии.

В качестве монотемпоралистской могут быть охарактеризованы, в частности, онтология Аристотеля, онтология И. Ньютона, онтология И. Канта, онтология А. Бергсона Эти (и многие другие) исследователи выдвигали серьезные аргументы в пользу позиции монотемпорализма (см. об этом подробнее: [Финогентов 2012: 151—158; Финогентов 2020: 149—168]). Любопытно в связи с этим послушать аргументы Н. Гартмана, также убежденного в «единстве и единственности реального времени». Так, в частности, он, полемизируя с теми, кто «растворяет единство времени во множественности времен», указывает: «В реальном времени существенно именно то, что оно без различия объемлет и род, и ступень, что оно объединяет природное и историческое, психическое и вещное...» [Гартман: 394].

Здесь не место, конечно, вступать в дискуссию со сторонниками монотемпорализма, с Н. Гартманом в частности. Замечу только, что единство отнюдь не исключает многообразия. Соответственно, единство астрономического времени совсем не исключает многообразия времен, связанных, например, с различными культурами. Об этом достаточно убедительно писал О. Шпенглер [Шпенглер: 96—105]. Нетрудно убедиться также, что в рамках этой модели (модели одномерной темпорализации бытия) в принципе неразрешимы фундаментальные для философии и науки проблемы случайности, свободы и творчества. (См. об этом подробнее: [Финогентов 2020: 245—260]). В свете сказанного выше можно утверждать, что модель одномерной темпорализации бытия, по сути, неадекватна также при обсуждении бытия сознания. Иными словами, анализ интересующего меня феномена «простёртости» сознания во времени требует совершенно другой модели темпорализации бытия.

2. О простёртости бытия сознания во времени в рамках концепции политемпорализма

Прежде чем я начну разговор об этой «другой» модели темпорализации бытия отмечу, что при всей своей ограниченности модель одномерной темпорализации бытия сыграла большую позитивную роль в истории культуры. Прежде всего, она послужила в свое время основой для становления математизированного естествознания. То есть без этой модели не возникли бы механика Ньютона, а, следовательно, и классическая физика в целом. Дело в том, что упрощение — это совершенно необходимая операция при создании формализуемых, математизированных, в частности, описаний действительности. Модель одномерной темпорализации бытия — это именно такое упрощение, без которого указанные основополагающие области научного знания, по всей видимости, не смогли бы сформироваться.

С другой стороны, доминирование в философии и в фундаментальной науке на протяжении длительного времени модели одномерной темпорализации бытия, несомненно, привели ко многим негативным последствиям для них. Поскольку некоторые важнейшие философские и научные проблемы (я указал их выше) для их адекватной постановки, а тем более для их решения требуют, во-первых, введения в рассмотрение многих, качественно своеобразных времен и, во-вторых, оперирования понятиями вечности и мгновенности. Другими словами, для постановки и решения таких проблем необходимо совершить переход от модели одномерной темпорализации бытия к модели многомерной темпорализации бытия.

Можно сказать также, что модель одномерной темпорализации бытия справедлива лишь применительно к такому миру (обычно я называю его миром Лапласа), который состоит лишь из одного уровня бытия: уровня бытия конечного как такового. Действительно, нетрудно убедиться (это сделано в указанных моих книгах), что темпоральность этого уровня бытия сводится к одному-единственному (общемировому) времени, времени-длительности, времени функционирования.

В моих предшествующих работах показано, что гораздо более богатое и адекватное описание бытия универсума дается использованием трехуровневой онтологической модели (см. об этом, в частности, уже указанные книги). В рамках такой модели бытие универсума представлено единством трех качественно своеобразных уровней. В ней, наряду с уже названным уровнем бытия конечного как такового, представлены также уровень бытия бесконечного как такового и уровень бытия конечного, неразрывно связанного с бесконечным. При этом каждый из названных уровней бытия характеризуется особым, качественно своеобразным типом процессов. Уровень конечного как такового характеризуется функционированием. Уровень бесконечного как такового характеризуется единством абсолютного покоя и полностью хаотичного процесса. Наконец, уровень бытия конечного, неразрывно связанного с бесконечным, характеризуется инновационным процессом (развитием).

Соответственно, в этой трехуровневой модели темпоральность бытия универсума, то есть его временные свойства и отношения, представляет собой противоречивое единство вечности, мгновенности, времени функционирования и множества разнокачественных времен развития. Такие представления о темпоральности бытия и следует назвать моделью многомерной темпоральности или политемпорализмом.

В частности, в этой модели настоящее любого фрагмента универсума радикально отличается от настоящего в его обычном понимании. А именно: настоящее в этой модели многообразно, поскольку в ней присутствует множество разнокачественных времен, связанных с соответствующим множеством процессов, которые осуществляются на указанных уровнях бытия. Иными словами, в этой модели следует говорить не об одном настоящем, а о множестве настоящих. Причем каждое из этих настоящих имеет соответствующую длительность.

Не вдаваясь здесь в подробности, можно сказать, что длительность различных видов настоящего может быть в этой модели а) нулевой, б) бесконечно-малой, в) различной, но конечной, г) бесконечной. Нулевая длительность настоящего свойственна уровню бесконечного как такового. Точнее той его ипостаси, которая называется миром Кратила. Этому же уровню бытия, точнее, его другой ипостаси (миру Парменида) свойственно настоящее бесконечной длительности. Настоящее уровня бытия конечного как такового имеет бесконечно малую длительность. Это — мир Лапласа. Он в известной мере знаком нам по первому разделу статьи. Наконец, уровню бытия конечного, неразрывно связанного с бесконечным, свойственны многие настоящие, имеющие различные, но конечные длительности. Соответственно, любой фрагмент универсума, бытийствуя на всех трех уровнях, представленных в обсуждаемой онтологической модели, характеризуется всеми указанными видами настоящего.

Именно эта сложная темпоральная структура настоящего предстает перед нами, в том числе в форме интересующей нас «простёртости» бытия сознания в прошлое и в будущее. Подчеркну, что в рамках рассматриваемой сейчас онтологической модели речь идет о совершенно реальной «простёртости» бытия сознания во времени. То есть простёртым во времени бытие сознания является не только в плане поэта (в плане содержания актов сознания), но и в плане *poesis* (в плане осуществления самих актов сознания).

Действительно, в свете кратко представленной выше онтологической модели сознание человека также характеризуется единством указанных трех уровней бытия и, соответственно, — единством перечисленных выше типов процессов, а также единством темпоральных характеристик, свойственных этим типам процессов.

Так, сознание человека в рамках этой онтологической модели также может быть представлено единством трех уровней: рассудка, разума, бессознательного. Понятно, что это представление о структуре сознания является, с одной стороны, весьма упрощенным, поскольку деятельность сознания редуцируется здесь только к функционированию рассудка и к активности разума. С другой стороны, такое представление о структуре сознания является в некотором смысле «расширительным», поскольку включает в структуру сознания процессы уровня бессознательного. Полагаю, однако, что на данной стадии обсуждения феномена «простёртости» бытия сознания во времени такое представление о структуре сознания вполне допустимо. Соответственно сказанному, темпоральность сознания человека многообразна. Конкретнее. Темпоральность сознания человека представляет собой единство времени функционирования, связанного, в частности, с деятельностью рассудка; многообразных времен творческих процессов, связанных с деятельностью разума; вечности-мгновенности, связанных с деятельностью бессознательного.

Итак, сознание человека многообразно овременено и поэтому имеет разнообразную простёртость (разнообразные длительности разных

настоящих) в различных свойственных ему временах. Понятно, что эта многообразная простёртость разных настоящих определяется особенностями соответствующих видов памяти, а также прогностическими возможностями, связанными с соответствующими формами процессов, осуществляемых сознанием на различных уровнях его бытия.

Попытаюсь пояснить только что сказанное о многообразной простёртости разных настоящих, свойственных сознанию.

Во-первых, бытию сознания человека свойствен уровень конечного как такового. В первую очередь, согласно намеченной выше структуре сознания, этот уровень бытия воплощен в рассудочном функционировании сознания. По всей видимости, настоящее этого уровня бытия сознания имеет бесконечно малую простёртость.

Во-вторых, бытию сознанию человека свойствен также уровень конечного, неразрывно связанного с бесконечным. Этот уровень бытия сознания воплощен прежде всего в разноплановой творческой деятельности разума. И настоящее этого уровня бытия сознания имеет многоразличную (но всегда конечную) длительность.

Для максимального упрощения обсуждаемой картины предположим, что этому уровню бытия сознания человека свойственно лишь настоящее одной определенной (естественно, конечной) длительности. В таком случае получается, что сознание человека на рассматриваемом сейчас уровне бытия сохраняет в течение некоторого интервала свою самотождественность, несмотря на осуществление инновационной деятельности разума. То есть в пределах этого интервала сознание находится в настоящем соответствующего времени Бергсона. При этом то же самое сознание на уже знакомом нам уровне бытия конечного как такового непрерывно изменяется, продвигаясь из одного лапласова настоящего в последующее лапласово настоящее. Таким образом, указанное бергсоново настоящее включает в себя целый ряд лапласовых настоящих. Следовательно, находясь в некотором бергсоновом настоящем, сознание человека пребывает одновременно в прошлом, настоящем и будущем лапласова типа.

Бергсоново настоящее сознания человека, как видим, включает в себя определенный фрагмент его лапласова прошлого, лапласово настоящее и некоторую часть лапласова будущего. Можно сказать, что именно в этом состоит один из аспектов обсуждаемой здесь простёртости бытия сознания во времени.

Можно выразить только что сказанное несколько иначе.

Зададим себе вопрос: что такое настоящее? Очевидно, что настоящее соотносительно с прошлым и будущим. А именно: настоящее не может включать в себя соответствующих ему прошлого и будущего. Важно подчеркнуть также, что бытие в настоящем, по сути, неделимо, оно не имеет частей. Другими словами, бытие субъекта в настоящем, это бытие не в какой-то части настоящего, а «во всем» этом настоящем.

Все это справедливо и по отношению к бытию сознания человека в некотором бергсоновом настоящем. Его бытие в таком настоящем является бытием во всем этом настоящем. Это значит, что в бергсоновом времени рассматриваемое сейчас настоящее имеет бесконечно малую длительность. Но когда мы рассматриваем бытие сознания в бергсоновом настоящем с точки зрения лапласова времени, то мы вправе говорить о конечной длительности этого настоящего. Таким образом, бытие сознания человека в бергсоновом настоящем, рассмотренное с точки зрения самого этого

бергсонова времени, означает, что человек бытийствует во всех этих его лапласовских частях одновременно. А с точки зрения лапласова времени, бергсонова ипостась сознания человека бытийствует сразу и в прошлом, и в настоящем, и в будущем.

Вернемся еще раз к нашим размышлениям, согласно которым настоящее бытия сознания человека являет сложную темпоральную структуру, включающую в себя переплетенность, взаимопроникновение различных вариаций прошлого, настоящего и будущего.

Как уже говорилось, бергсоново настоящее сознания действительно включает в себя целый ряд состояний; это настоящее действительно содержит в себе прошлое (его определенный фрагмент), настоящее и будущее (некоторую часть его) лапласова уровня бытия человека. Однако это еще далеко не вся «простёртость» бытия сознания во времени. Говоря об этой «простёртости», надо обязательно добавить, что бергсоново настоящее само является многообразным. Выше я только для простоты рассматривал случай осуществления одного единственного бергсонова настоящего, связанного с, так сказать, интегральной деятельностью разума. В действительности это интегральное бергсоново настоящее включает в себя множество бергсоновых настоящих различных длительностей. Отсюда следует, что некоторая часть прошлого, соответствующего выделенному бергсонову настоящему, будет содержаться в настоящем других бергсоновых времен. Иными словами, переплетенность прошлого, настоящего и будущего имеет место и применительно к бергсоновым временам.

Еще один принципиально важный момент, который следует здесь учитывать, состоит в том, что все бергсоновы (и лапласовы) состояния и процессы сознания погружены в вечное настоящее парменидова уровня бытия. Этот уровень бытия представлен, как уже отмечалось, бессознательным. Таким образом, в этом смысле все есть только настоящее. Иными словами, на парменидовом уровне бытия сознание является бесконечно простёртым в прошлое и в будущее. По-другому эта «простёртость» сознания может быть выражена так: на этом уровне своего бытия сознание является вневременным.

Список литературы / References

- Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
(Hartmann N. To the foundation of ontology, St. Petersburg, 2003, 640 p. — In Russ.)
- Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания-времени. М.: Гнозис, 1994. 177 с.
(Husserl E. Lectures on the phenomenology of inner consciousness-time, Moscow, 1994, 177 p. — In Russ.)
- Молчанов В.И. Время и сознание: Критика феноменологической философии. М.: Высшая школа, 1988. 144 с.
(Molchanov V.I. Time and consciousness: Criticism of phenomenological philosophy, Moscow, 1988, 144 p. — In Russ.)
- Молчанов В.И. Феномен пространства и происхождение времени. М.: Академический проект, 2015. 277 с.
(Molchanov V.I. The phenomenon of space and the origin of time, Moscow, 2015, 277 p. — In Russ.)

Финогентов В.Н. Трагический гуманизм: Очерки онтологические, антропологические и аксиологические. Орёл: Каргуш, 2012. 334 с.

(Finogentov V.N. Tragic Humanism: Ontological, anthropological and axiological essays, Orel, 2012, 334 p. — In Russ.)

Финогентов В.Н. К онтологии неисчерпаемого универсума. Орёл: Каргуш, 2020. 264 с.

(Finogentov V.N. On the ontology of the inexhaustible universe, Orel, 2020, 264 p. — In Russ.)

Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука, 1993. 592 с.

(Spengler O. The Decline of Europe, Novosibirsk, 1993, 592 p. — In Russ.)

ABOUT ONE REMARKABLE FEATURE OF THE EXISTENCE OF CONSCIOUSNESS

Valery N. Finogentov

Orel State Agrarian University named after N.V. Parakhin, Orel,

Russian Federation; v_fin@mail.ru

Abstract. The article discusses the “prostration” of consciousness in time. It is argued that consciousness in its being is not concentrated only in the actual present, but always extends to some extent, both into the past and into the future. It is this “prostration” of consciousness in time that is the basis of the subjectivity of a human being with consciousness. In other words, it allows a person, on the one hand, to be active, selective in relation to his past, and, on the other hand, to create his own projects of the future and act appropriately. Here it must be said that the indicated “prostration” of the existence of consciousness in time can be interpreted at least in two ways. Its first interpretation is given within the framework of the concept of monotemporalism and is in a sense familiar and still quite common in philosophy. From the point of view of this interpretation, the real existence of consciousness is rigidly tied to the current present. The “prostration” of consciousness's being in time here consists only in the fact that consciousness, rigidly “tied” to the present in its real being, can build ideal (mental) images of the past and the future. The second interpretation of the vastness of the existence of consciousness in time is given within the framework of the concept of polytemporalism developed by the author of the article. Within the framework of this concept, we are talking about a completely real “prostration” of the existence of consciousness in time. That is, the existence of consciousness is stretched out in time not only in terms of noema (in terms of the content of acts of consciousness), but also in terms of noesis (in terms of the implementation of the acts of consciousness themselves).

Keywords: the existence of consciousness, “the prostration of consciousness in time”, monotemporalism, polytemporalism, the structure of the present

For citation: Finogentov V.N. About one remarkable feature of the existence of consciousness, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 140—147.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Финогентов Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и русского языка, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, г. Орел, Россия, v_fin@mail.ru

Finogentov Valery Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of History, Philosophy and Russian, Orel State Agrarian University named after N.V. Parakhin, Orel, Russian Federation, v_fin@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 148—155.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 148—155.

Научная статья

УДК 159.95/96

DOI: 10.46726/И.2023.4.17

ВЫСШАЯ ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ И СТЕПЕНЬ ЯСНОСТИ РЕФЛЕКСИИ (РАССУЖДЕНИЕ О СУБЪЕКТНОСТИ)

Лев Викторович Шабанов

Санкт-Петербургский военный ордена Г.К. Жукова институт

Национальной гвардии России, г. Санкт-Петербург, Россия, lev.shabanov@mail.ru

Аннотация. Проблема сознания не в том вопросе, высшая ли это форма развития количественно сложной материи в рамках её (материи) отражения окружающей среды, а в том, насколько ясно то, что мы называем рефлексией и апперцепцией, отражается качественно высшей нервной деятельностью организма. Является ли это сознанием, или дело не столько в сознании, сколько в создании организмом непротиворечивой «картины мира» для более эффективной адаптации в среде объективной и не зависимой ни от количества отражающих рецепторов, рефлекслируемых областью внимания и восприятия, ни от качества памяти об опыте отражения в представлении, воображении и мышлении реципиента. Да, сознание есть совокупность психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком внешнего материального мира и своего собственного не менее материального бытия. Но сознание — это и целеполагание (поиск опредмеченной потребности в её идеальной форме), т. е. отражение в психике субъекта в чувственных и мыслительных образах, апперцепция материального в проектах и схемах деятельности, духовных практиках, личных и общественных ценностях и идеалах.

Ключевые слова: сознание, психика, психические процессы, реактивность — проактивность, субъектность

Для цитирования: Шабанов Л.В. Высшая форма отражения и степень ясности рефлексии (рассуждение о субъектности) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 148—155.

«Сознание» — термин, пришедший из философии, но скорее всего имеющий более ранние корни, идущие из первобытных религиозных верований типа анимизма и магических практик. Уже в силу этой своей исключительной сложности и многогранности сознание определяется и как явление, и как процесс. При этом его соотносят как с до-, и даже вне- человеческими типами существ (анимизм, фетишизм, шаманизм), так и над- и пост- человеческими (ноосферность, космизм, софийность). Даже сегодня сложно говорить, что проблема Сознания является предметом интереса со стороны гуманитарных наук — естествознание и математика ищет сознание в техносфере искусственного интеллекта (изучаются формы познания, сущность субъект-субъектной коммуникации «человек — машина», происхождение и возможности изучения проявления сознательного и даже бессознательного в ЭВМ).

С позиции чистого идеализма, постулирующего первичность сознания по отношению к материи, сознание становится на позицию самостоятельной и созидающей сущности, которая определяет содержание и формы всех вещей и процессов. В этом смысле всё, что происходит во вселенной и с отдельным человеком не более чем игра разума — Сверхсознание воображает и уподобляет бесконечное превращение мыслеформ в формы материи.

Дуализм как форма, призванная примирить или уравнивать материю и сознание (*психофизиологический параллелизм*), в итоге разводит их по разным областям науки: «гуманитарное» сознание и «физиологическое» тело стали не зависимы друг от друга (*т. о. взаимосвязи психических и физиологических процессов в организме были потеряны*). С одной стороны, тело и сознание признавались как стороны одной и той же медали, с другой — разные школы утверждали то первенство тела над сознательным (*материализм неосознаваемых явлений*), то, наоборот, что сознание управляет телом, не признавая даже относительно нейтральных схем типа первичной установки или направленности (психологи-идеалисты даже темперамент «подчиняют» сознанию).

Чистый материализм (*материя первична, а сознание вторично*) изначально базировался на определении сознания как свойства высокоорганизованной материи, имеющей наиболее эффективно развитую нервную систему, которая формирует наиболее успешно адаптированную к окружающей среде психику. Материалисты исходили из того, что материя существует вне и независимо от сознания; сознание, в свою очередь, есть ни что иное как часть материи (*мозг человека*), явление материального (*продукт деятельности*), процесс, который не существует вне материи.

Таким образом, сознание вторично (но для человека точно — не второстепенно), хотя и производно от материи (*«мысль плоти моей»*):

1) исторически: сознание — это итог эволюционных изменений (*адаптации, которая двигала процессом эволюции*), но адекватность выживания организма как раз зависит не от приспособления (как у Ч. Дарвина), а от активного отражения окружающего мира настраиваемыми механизмами реактивного и проактивного поведения (как у Л.С. Берга);

2) психофизиологически: сознание определяется как *функция головного мозга человека*, но механизмы адаптации как раз заключаются в том, чтобы переформатировать объективный окружающий мир в то, что называется внутренним миром человека (*в субъективную «картину мира»*). Значит, интериоризация внешнего пространства, независимо от факторов среды, превращается в некий «внутренний мир» — субъективный, часто никак не зависящий от внешнего, после чего происходит экстериоризация образов, моделей, идей, решений во вне (*целеполагание, где цель может иметь материальный образ, а может быть и чисто идеальным объектом сознания*);

3) гносеологически: сознание — это не просто высшая форма отражения внешнего мира, но осмысленная и целенаправленная познавательная деятельность (*афферентация потоков информации создаёт интуитивный процесс афферентации для ответа на раздражитель*). Однако получается, что сознание (*уже не теоретически, но всё ещё в парадигме материализма*) регулирует деятельность организма (*борьба мотивов*) и формирует поведение человека (*сдвиг мотива на цель*).

В таком случае проблема сознания находится в границах четырёх координат:

А. Интенционализм (направленность) — здесь сознание есть знание, направленное на определённые предметности мира («гнозис о чём-то или о ком-то»). Интенция сообщается организму, подкрепляя образ восприятия и формируя информационную модель представления о предмете.

Б. Гилюзоизм — крайнее относительно проблемы сознания учение, описывающее мир как «мыслящее» вещество (у С. Лема «Солярис» как мыслящий космический океан, у А. Тарковского «Солярис» как познающая сущность, моделирующая очеловечивание космоса). Гилюзоисты, начиная с Дж. Бруно, приписывают способность ощущения всем видам материи (например, Д. Харауэй считал, что вещи способны мыслить, а Б. Латур описал даже специфический «парламент вещей» — будущие «техносфера» и «интернет вещей»).

В. Инструментализм — направление, которое наследует работе Ж.О. де Ламерти «Человек-машина» только на новом уровне. Теперь сознание рассматривается как «личный компьютер», функциональное назначение которого состоит в извлечении внешних «шумовых» раздражителей (*работа рецепторов — резонаторов тела*) и преобразование этого «шума» в информацию (*работа сознания*). Сначала это распознавание образов, информационное моделирование, вычисление и координация операций (по аналогии с искусственным интеллектом), а затем — оформление суждений в умозаключения с целью принятия решений (*субъектность*).

Г. Кондиционализм — это условная группа концепций, рассматривающих зависимость сознания от телесной организации, от строения и функций психики, бессознательного, факторов общения, социального окружения, культуры и истории человека. Это направление развивается в контексте логики философии И. Канта, упрощённо перефразируя ответ на вопрос «Что есть человек?» — но не в связи с Богом или в природе, а сам по себе (*по состоянию, функционально*). Кондиционализм ближе всего подошёл к проблематике теории человека как концепции личности в рамках «Общей психологии» и «Аналитической философии».

Эдвард Б. Титченер, раскрывая суть сознания, сравнивает его с волной, идущей из тёмных чертогов неосознаваемого, фокусируясь и усиливаясь на объекте (*осознавая его*). Эта «волна» пытается опознать нечто через метафору (*аналогов похожего*), структуру (*анализ и синтез*) и динамику (*изменяемость во времени и пространстве*). Однако и это объяснение не решает психофизиологическую проблему соотношения психики и сознания. Титченер приводит интересный образ. Он подобен гравюре или литографии с двумя видами одного города (*вид с Восточной стороны и с Западной*), очевидно, что оба этих вида, хотя и являются разными и не могут взаимодействовать между собой, есть один и тот же город; при этом очевидно, что восточный вид не может управлять западным, равно как и западный вид не может стать причиной восточного. Город же при этом продолжает быть единым и неизменным.

Таким образом, сознание — не есть граница «Тела-изнутри» (в меру его возможностей к интериоризации), равно как и тело — не есть граница «Сознания-извне» (в меру его возможностей к экстериоризации); границей становится некая субъектность индивида, которая посредством психических процессов и состояний переводит психофизиологическое (*телесное*) в психологическое (*сознательное*), являясь сама по себе и автором внутренней «картины мира», и актором деятельности в окружающем пространстве (реактивность — проактивность).

В общем виде субъектность как саморегуляция, с одной стороны, и самосознание — с другой, определяет действия элементов структуры сознания (связность взаимодействия психических процессов и состояний со свойствами и образованиями).

Так ощущение (как непосредственное отражение отдельных внешних сторон предметов и явлений) приводит сознание через внимание в восприятие к опознанию целостного объекта. Перефразируя З. Фрейда, можно сказать, что внешний мир пытается воздействовать (проявлять власть) на «Я» посредством постоянного изменения актуальности (смещая спокойствие гомеостаза в тревожность гетеростаза), но относительное постоянство памяти о прежнем состоянии позволяет осознать это и, запуская механизмы саморегуляции, вернуться назад — в гомеостаз.

Или мышление (как опосредованное отражение внутренней, сущностной стороны предметов и событий) переводит сознание через представление и воображение в речь. Речь как процесс определения дистанции «Я» от всего остального есть один из антропогенных факторов, что бесспорно. Но отсутствие воображения не просто уравнивает человека с животным, но и отказывает человеку в проявлении человеческого. А мышление, воображение, как и речь, тесно связаны с эмоционально-волевой сферой личности.

Воля в этом смысле есть практика сознания, метод обнаружения истинности, умение желать, способность действовать, навык осуществлять намеченное («воля есть сила жизни, безволие есть выражение отрицания жизни») — т. е. воля является одновременно и психическим процессом, и психическим состоянием (кроме этого, воля сопровождает множество психических образований, свойств, явлений). И всё это корреспондируется с образами восприятия и информационными моделями представлений о памяти этих образов.

Память (как способность запечатлевать, сохранять и воспроизводить информацию) отвечает за то, чтобы сознание сохраняло связность и устойчивость жизненного опыта. Она работает как «адаптер» внимания к представлениям (через *представление о памяти* и *представление о представлении*) и работает на устойчивость мышления (через *память о представлении* и *память о памяти*). Всё это координируется на закрепление или вытеснение (забывание) соответствующим эмоциональным фоном.

Эмоции (как сфера личностных, субъективно-психологических переживаний) влияют на настрой и тонус, радость, восторг и гнев, страх, предчувствия, любовь и ненависть, симпатии и антипатии. Эмоции и чувства формируют функции оценки и выбора — являясь и психическим процессом, и психическим состоянием. Самое интересное, что именно эмоциональный всплеск есть дорога к озарениям, инсайдам, катарсису (но и к аффектам, фрустрации, фобиям, депрессии) [Симонов: 5—27]. Сознание через эмоционально-волевую сферу открывает дорогу к опыту интуиции.

Интуиция (как способность непосредственного постижения истины путём прямого её усмотрения без соответствующего доказательства) рождает в сознании духовные идеалы, фантазии, продукты воображения, переводит «информационный шум» посредством процессов внимания и представления в волевое действие или приводит к воздержанию от него (в зависимости от элементов окружающей среды, выхваченных вниманием субъекта в процессе принятия решения).

Внимание (как сосредоточенность на интересующем нас объекте) является своеобразной «пред-памятью», управляющей процессами восприятия и

ощущения. Сознание оценивает раздражители и выстраивает иерархию информационной значимости, исходя из состояния собственного «рацио» — рассудка.

Рассудок (как низшая ступень логического представления и понятия о повседневной жизни) является опознавательным алгоритмом сознания для различения образов восприятия, представления, воображения и мышления через волевое управление вниманием в целях эффективной саморегуляции реактивного или проактивного поведения. Однако для выбора стратегий конвергентного или дивергентного мышления необходим особый фактор сознания — его вершина и качественное отражение той самой субъективной «картины мира».

Разум (как высшая ступень логического понимания) есть теоретическое, философски мыслящее сознание, оперирующее широкими абстракциями и обобщениями. Хорхе Л. Борхес в эссе «Два Философских Существа» описывает мраморную статую Кондильяка, который, дабы опровергнуть учение Декарта о врождённых идеях, описал мысленный эксперимент появления сознания через одно-единственное чувство — обоняние, которое последовательно инициировало сначала психические процессы, потом состояние рефлексии границы как разницы ощущений, потом сложные мыслительные решения, которые породили апперцепции понимания, способности волевого акта и, наконец, само сознание, порождающее понятие «Я». Следовательно, рождается и главная дистанция носителя сознания: «Я» из внешнего «не-Я-Среда». Эта дистанция формирует субъектность — способность к самостоятельной, ответственной, проактивной деятельности (в том числе и в нематериальном мире) [Шабанов: 277—288].

Проблема происхождения и сущность сознания в Российской психологической традиции всегда имела печать амбивалентности. С одной стороны, физиологи И.И. Мечников, И.М. Сеченов, И.П. Павлов, В.М. Бехтерев отстаивали абсолютную материальность сознания как результата физико-химических процессов деятельности мозга [Яковлев: 97—127]; с другой — психологи Г.И. Челпанов, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.Д. Шадриков, И.В. Дмитриевская говорили о «ментальных» процессах, психологии смыслов в целеполагании, «вчувственности» сознания субъекта деятельности [Шадриков: 8—39].

С одной стороны, сознание (как высшая форма и результат развития материи) — это сложное отражение (*изменение одного предмета под воздействием другого, передача особенностей одного предмета другому в процессе их взаимодействия*). Но подобное можно сказать и об отражении в неорганической природе — это механические деформации, так можно описывать физико-химические изменения, появляющиеся в результате взаимодействия (*нагревания, остывания, заполнения формы и т.п.*). Однако в данном контексте упускается факт того, как рефлекс (психическое отражение) становится рефлексией (сознательным осмыслением).

С другой стороны, сознание (как совокупность психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком внешнего мира и своего собственного бытия) — это целеполагание (в идеальной форме), т. е. отражение в психике субъекта в чувственных и мыслительных образах, проектах и схемах деятельности, в духовных ценностях и идеалах. Однако в данном контексте упускается факт того, как перцепция (восприятие через различение) становится апперцепцией (восприимчивостью через сознание).

Сознание, опираясь на материальное, имеет в качестве своей предпосылки физиологические явления (рефлексы) и, значит, являясь результатом

сложной перцепции, — вторично (В.И. Ленин, К.Н. Корнилов, Б.М. Теплов). Но сознание имеет творческий, активный характер, оно направлено на преобразование мира [Зинченко, Смирнов: 39—43], устремлено на новое и не всегда материальное (рефлексия), опредмечивая и объективируя результаты человеческой деятельности (апперцепция). Сознание, таким образом, становится первичным двигателем развития не только человека, но и всей эволюции природы, целью которой и является это конкретное сознание (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов).

Отсюда как раз и проистекает частое использование в советской психологии при неспецифическом дискурсе «нейтрального» понятия — сознательность (*изначально взятого из педагогики*). Однако предикция человека и его деятельности с точки зрения способности действовать и творить со знанием дела была тут же кооптирована в теорию деятельности, а затем получила отдельные уточняющие трактовки в частных областях советской психологической науки. Это и синоним разумности действия как характеристики исторического процесса (Б.Д. Парыгин), и указание на снятие противоречий относительно отсутствия сознательности и неосознаваемых психических и поведенческих процессов (Н.А. Бернштейн), и на спонтанную стихийность в теории функциональных систем (П.К. Анохин), и на проблему установки (Д.Н. Узнадзе).

Именно теория деятельности определила «сознательное» как произведённое событие (*пусть в рамках только одной задачи на большом пути к достижению цели*), но событие осознанное, обработанное аудиально-вербальной системой мозга и оформленное средствами языка.

Вербализация — универсальный инструмент среди используемых человеком знаковых систем. Отсюда и близость мышления и языка к сознанию. Мышление (*как эндopsихическое*) имеет направленность на сотрудничество и даже создаёт его содержание (*как экзopsихическое*). Отсюда и вербалика сознания (эгоцентрическая, внутренняя и внешняя речь), и стремление облечь процессы и результаты деятельности в языковые формы, и разные способы донести своё внутреннее понимание предмета иным людям других поколений через внешний носитель.

Но вернёмся к главной цели статьи. Высшая форма отражения и степень ясности рефлексии, создающие основания для субъектности, есть основа для складывающихся характеристик сознания. Проследим. Сознание характеризуется:

— активностью (т. е. *отражением реальности в форме образов, предвосхищая практические действия человека, придавая им целенаправленный характер*) — избирательность и целенаправленность активности практически напрямую корреспондирует с психикой, точнее с качеством протекания психических процессов;

— направленностью на предмет (*интенциональностью*), которая связана с возможностями не только реактивного, но и проактивного поведения, определяя во многом форму и содержание психических состояний и образований;

— способностью к само/рефлексии (*самонаблюдение / внутренний диалог / оценка себя со стороны*), что в первую очередь формирует потребностно-мотивационную сферу личности, которая через направленность на цель (интересы / желания) определяет ценность и значимость склонностей и влечений;

— степенями ясности (*от сосредоточенности до потери предмета мысли*), которые могут иметь критичное и некритичное понимание окружающей среды в зависимости от характера активности эмоционально-волевой

сферы, которая является главным создателем субъективной «картины мира», главным строителем отношений «Я» — «не-Я-Среда», главным «дирижёром» психических проявлений;

— самосознанием (*функцией контроля за деятельностью сознания и поддержанию его целостности*). Оно связано с функциями выделения и отличия человеком самого себя, своего «Я» от всего, что его окружает. Это сознательно-оформленный волевой акт дистанцирования «Я» от «не-Я-Среда» для самоопределения «кто Я?» и «что Я?» — со всеми экзистенциальными проблемами, связанными с субъектностью личности.

Вывод:

1. Сознание действительно имеет сложную структуру, которая строится как особое проявление *анперцепции* — как основного механизма опредмечивания окружающего пространства (от различения ощущений до позиций ноосферного восприятия действительности).

2. Сознание — если его рассматривать только как системное образование — не раскрывает перед нами необходимости своей целостности и единства с психофизической деятельностью организма, т. к. масса неосознаваемых психических явлений явно «перевешивает» процессы, связанные с сознанием, при этом обе части (сознание и неосознаваемое), отражая объективную реальность, сообщают «Я» единое наполнение субъективной «картины мира» («не-Я-Среда»).

3. Выстроенные в процессе опредмечивания реальности *составляющие сознания* переводят рефлексы и автоматизмы в оценочные блоки (*действие — результат*), что формирует поле рефлексии относительно своего поведения как распределения степеней ясности и проблемных зон (*как целостный процесс объективно сложившихся условий сочетания материального и идеального дистанцирования «Я» — «не-Я-Среда»*).

4. Совокупность всех перечисленных вещей (как *res*) создаёт субъектность человека как существа, способного к личному отношению (*анперцепция*), личностным поступкам (деятельность с *res*), обладающего свойствами самосознания и способностью транслировать свои состояния (чувствовать, запоминать, воображать, мыслить и говорить), что позволяет выступать субъекту в качестве создателя собственной онтологии (*картины мира*).

Список литературы / References

- Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М.: МГУ, 1983. 165 с.
(Zinchenko V.P., Smirnov S.D. Methodological issues of psychology, Moscow, 1983, 165 p. — In Russ.)
- Симонов П.В. Лекции о работе головного мозга. Потребностно-информационная теория высшей нервной деятельности. М.: Ин-т психологии РАН, 1998. 94 с.
(Simonov P.V. Lectures on the work of the brain. Need-information theory of higher nervous activity, Moscow, 1998. 94 p. — In Russ.)
- Шабанов Л.В. Образ восприятия и информационная модель представления как симфиз реальности и субъективной «картины мира» в объективации пространства современного человека // Генезис VI. Коллективная монография. М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. С. 277—288.
(Shabanov L.V. The image of perception and the information model of representation as a symphysis of reality and the subjective “picture of the world” in the objectification of the space of modern man, *Genesis VI. Monography*, Moscow, 2006, pp. 277—288. — In Russ.)

Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект Пресс, 2007. 284 с.
(Shadrikov V.D. Mental development of a person, Moscow, 2007, 284 p. — In Russ.)

Яковлев А.И. Проблема материальности сознания. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 184 с.
(Yakovlev A.I. The problem of the materiality of consciousness. Moscow, 2009,
184 p. — In Russ.)

THE HIGHEST FORM OF REFLECTION AND THE DEGREE OF CLARITY OF REFLECTION (REASONING ABOUT SUBJECTIVITY)

Lev V. Shabanov

Department of General and Applied Psychology, St. Petersburg Military Order
of Zhukov Institute of National Guard of Russia Federation, St. Petersburg,
Russian Federation, lev.shabanov@mail.ru

Abstract. The problem of consciousness in modern psychology is ambivalent. On the one hand, it is the highest form of development of complex matter within the framework of environmental adaptation; on the other hand, this is what we call reflection and apperception of higher nervous activity. Is it consciousness or not, because it is the creation by our body a consistent “picture of reality” for effective adaptation in an objective environment and independent of the number of reflecting receptors, the reflected areas of attention and perception, or the quality of the reflection memory in the recipient's representation, imagination and thinking. Consciousness is a set of mental processes that are actively involved in a person's understanding of the external material world and his own no less material existence. But consciousness is also goal-setting (the search for an objectified need in its ideal form), i.e. reflection in the psyche of the subject in sensory and mental images, apperception of the material in projects and schemes of activity, spiritual practices, personal and social values and ideals.

Keywords: psyche, consciousness, mental processes, reactivity—proactivity, productive agency

For citation: Shabanov L.V. The highest form of reflection and the degree of clarity of reflection (discourse of subjectivity), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, no. 4, pp. 148—155.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 27.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Шабанов Лев Викторович — доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент; профессор кафедры общей и прикладной психологии Санкт-Петербургского военного ордена Г.К. Жукова института Национальной гвардии России, г. Санкт-Петербург, Россия, lev.shabanov@mail.ru

Shabanov Lev Victorovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Candidate of Sciences (Psychology), Professor of the Department of General and Applied Psychology, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard of Russia Federation, St. Petersburg, Russian Federation, lev.shabanov@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 156—162.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss.4. P. 156—162.

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.46726/И.2023.4.18

ЗНАКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ И ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ

Анатолий Степанович Турчин

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск Национальной гвардии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, ast55@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимодействия основных структурных компонентов сознания личности в процессе осуществления ею учебной и познавательной деятельности. Отмечается необходимость решения ряда актуальных для психологии обучения вопросов, связанных с организацией внедрения инновационных подходов в практику современного образования. Семиосфера личности рассматривается как знаковое пространство, организация которого зависит от многих внешних и внутренних условий. Основное внимание уделяется рассмотрению роли языка как средства, трансформирующего картину мира и образ мира личности в ходе присвоения ею общечеловеческого социокультурного опыта. Обосновывается вывод о нежелательности дальнейшей примитивизации системы средств обучения как в основной, так и в высшей школе под предлогом снижения требований к уровням развития семиотической функции сознания обучающихся, демонстрирующих феномены «клипового мышления».

Ключевые слова: семиосфера, знак, текстовая деятельность, клиповое мышление, дидактическая система

Для цитирования: Турчин А.С. Знаковое пространство сознания личности и процесс обучения // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 156—162.

В условиях перманентного реформирования системы образования в России трудно выделить одну наиболее важную проблему, от разрешения которой зависит его качество. Не удивительно, что в педагогической и психолого-педагогической литературе нет единогласия по поводу путей и средств достижения сколько-нибудь приемлемого результата, как в плане достижения функциональной грамотности выпускников школ и вузов, так и в определении системы необходимых и достаточных условий, при соблюдении которых можно максимально технологизировать учебно-воспитательный процесс. Последнее приводит к тому, что формально ущербность функционалистского подхода к содержанию образования и перспективам его непрерывности признается на самом высоком уровне, однако понятных большинству педагогов-практиков рекомендаций не дается. Призывы вернуться к системе образования полувековой давности тоже не сопровождаются конструктивными программами, где указываются субъекты образовательной деятельности, готовые нести ответственность за дидактические новшества и действия по их освоению педагогами.

Отметим, что в отечественной психолого-педагогической практике во второй половине XX века был создан уникальный опыт обеспечения обучения большинства школьников на уровне качества «не ниже хорошего». Еще не забыты дидактические системы Л.В. Занкова и В.В. Давыдова. Их авторы подчеркивали, что данные системы создавались для всех, а не только для одаренных детей. Однако в последние десятилетия наблюдалась картина дробления ранее единых, связанных общей теорией авторских коллективов представителей этих дидактических школ. Кроме того, введение ФГОСов привело к тому, что значительная часть педагогов, получивших образование в «эпоху ЕГЭ и ОГЭ», не стала стремиться к индивидуальному педагогическому творчеству, объясняя это засильем бумажной и электронной отчетности. Также под лозунгом «оптимизации» и повышения материального обеспечения из школ фактически были вытеснены профессиональные психологи. В подобной ситуации надеяться на быстрый «ренессанс» движения педагогов-инноваторов не представляется возможным.

Мы разделяем точку зрения известного ученого В.В. Давыдова, одного из создателей психологической теории учебной деятельности [Давыдов 1996], указывавшего на то, что может заимствоваться лишь та или иная теоретическая основа, а собственно педагогическая технология и ее дидактико-методическое обеспечение должно «выращиваться» на собственной, отечественной предметной и психологической базе с учетом традиций развития общедидактической системы. В противном случае происходит видоизменение содержания основной идеи, когда инновационное содержание заменяется формой. Естественно, форма активна, т. е. в меру возможности доставляет педагогам, учащимся и их родителям дополнительные трудности. Не удивительно, что в социальных сетях появляются мемы такого содержания, когда, например, ребенок говорит, приступая к выполнению домашнего задания: «Ого! Мама! Здесь тебе часа два кричать потребуется».

Если говорить о психосемиотической стороне проблемы трансформации семиосферы личности или ее знакового пространства, то понадобится не менее серьезное научное обоснование тех трудностей, которые были в этом плане в истории человечества и его школьного образования. Это иллюстрируется выражениями разгневанных учителей Древнего мира («ухо ребенка на его спине»), периода создания Русского централизованного государства («азбуку учат — во всю избу кричат») и вплоть до современности, когда педагогов подводят к мысли о необходимости активнее использовать технику «геймификации», так как иначе современные студенты, как носители «клипового мышления» [Докука], не могут удержать в памяти сколько-нибудь пространные тексты. Об опасности их для некоторых читателей еще в XIX веке предупреждал М.Е. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города», согласно которой один из градоначальников города Глупова умер, так как его сознание не смогло вместить какой-то очередной вышестоящий указ.

Фактически речь идет об опасности примитивизации и теории, и практики современного образования, когда ищут «простые решения», обходя проблему понимания, мотивации и развития. Именно таким способом обычно и разрушаются перспективные инновации, если не обеспечена специальная подготовка (переподготовка), когда педагоги, попытавшись механически копировать новый опыт, начинают разочаровываться в возможности самим хоть что-то понять в этой мешанине правил и ограничений (не будем ссылаться на самые разнообразные требования к тексту статей в информационных письмах

редакций, так как «это понять нельзя, а можно лишь запомнить»). Поскольку нам приходится работать в составе редакционных коллегий четырех научных журналов, публикации в которых учитываются ВАК РФ, то мы знакомы, как минимум, с четырьмя версиями требований к текстам рукописей статей, а ведь есть еще РИНЦевские журналы, где тоже «своя» система представлений о подаче автором своих мыслей.

Если говорить о структуре сознания и образе мира по А.Н. Леонтьеву [Леонтьев], то надо признать, что информация поступает в сознание личности по разным каналам и проходит систему явных и скрытых «фильтров». Это обеспечивает не только формальную репрезентацию системы значений, но и иные трансформации. Так, если говорить о текстовой деятельности первого уровня [Дридзе; Турчин], которой, как считается, должны владеть выпускники школ, т. е. уметь выделять смысловые конструкты в авторских текстах и увязывать их содержание с ранее известным, то для многих это представляет серьезную проблему.

Если говорить о «фильтрах», то новая информация вызывает (или не вызывает) ориентировочную реакцию субъекта по типу «свой — чужой». Психологический механизм семиотизации при этом работает сразу на трех уровнях. Возникающий при восприятии текста образ может не только выступать как отражение предустановленной гармонии, как следствие некоторого удовольствия от чтения, но и отражать то, что провоцирует когнитивный диссонанс (когда новое знание вызывает его эмоциональное отторжение). Если считать, что основой понимания текста выступает обнаружение и верификация фактов в их связях, то мысль и есть логический образ факта. Но факт интерпретируется по-разному в зависимости от многих объективных и субъективных обстоятельств. Недаром при издании зарубежной литературы говорят, что должно «повезти с переводчиком». Последний не просто механически воспроизводит последовательность фактов, но и группирует их в соответствии с возможностями своего понимания как отдельной отрасли научного знания, так и соответствующей авторской ментальности.

Своеобразие этого внешнего образного слоя сознания (его «чувственная ткань», по А.Н. Леонтьеву) зависит от той картины мира, которая репрезентировалась субъекту до встречи с новой группой фактов, представленных в тексте. Этот поверхностный слой в его образе мира подвергается влиянию организационной культуры, образы и образцы которой нужно быстро распознавать и применять в своем поведении, иначе можно не вписаться в учебную или профессиональную группу.

Второй и наиболее понятный слой сознания представляет систему значений, которые существуют в сознании (или вносятся в него) и могут трансформироваться по-разному в зависимости от степени жесткости конвенции авторитетных специалистов, договорившихся между собой о том, что соответствующий знак наделяется именно этим значением. Насыщение научных текстов англицизмами и/или другой иноязычной лексикой, как отмечал М.В. Гамезо [Гамезо], нарушает прегнантность, или смысловую прозрачность, текстов. Текст может при этом не только потерять что-то в плане значений. Последнее выражается в том, что определение понятия могут формулировать через перечисление каких-то признаков, а не через выделение того, что В.В. Давыдов именовал «клеточкой» — системообразующего признака [Давыдов 1982]. Так, например, память в учебниках психологии обычно определяют как процессы запоминания, сохранения, забывания и воспроизведения. Если же следовать

В.В. Давыдову, то напрашивается иная содержательная конвенция. За что отвечает именно память, а не мышление, восприятие, воображение? Память — это познавательный процесс, отвечающий за *хранение* информации.

Сторонники современного психоанализа [Грэхэм] указывают на то, что память практически ничего не «забывает», но разнообразные психологические защиты личности блокируют перевод психотравмирующих воспоминаний в оперативную память.

При помощи семиотических средств — знаков и символов — описывается существующая реальность. Поскольку человечество уже давно создало для себя параллельную реальность, при помощи языка оно отражает синтетическую образно-знаковую картину мира. При этом с помощью образов создаются картины не только реально (здесь и сейчас) существующего мира, но и осуществляется опережающее отражение возможного мира. Поведение человека определяется не только непосредственно действующими на его сознание стимулами и образами памяти. Существует еще оперантное обусловливание, которое в отечественной педагогике А.С. Макаренко объяснял феноменом «завтрашней радости».

Язык как семиотическая система может конструировать реальность благодаря возможности комбинирования репрезентации в знаковых системах образов, суждений и представлений о действительном мире с образами фантазийными, создавая особый конструкт, лежащий в основе индивидуального и уникального образа мира личности, тем не менее несущего в себе базовые значения и категории, характеризующие тот или иной социум.

Согласно В. Гумбольдту [Гумбольдт], являясь системой понятий и представлений реального этноса о мире и его хронотопе, он определяет (а иногда и предопределяет) поведение субъектов данной большой группы в реальном мире. Он и сам является медиатором между социумом, народом и миром объективным. Не удивительно, что значительная часть российских ученых с реальным удивлением реагирует на попытки преподавать русский язык на территории современной России как иностранный для значительного числа россиян.

М. Хайдеггер подчеркивал, что семиотические отношения отражают суть существования человека в мире, а именно, что без языка невозможно понимание человека в системе связей с миром людей [Хайдеггер]. Речь — это экзистенциал, открывающий и словесно выражающий его бытие в мире как совместное бытие.

В отечественных философских и психологических направлениях, в том числе связанных с культурно-историческим и деятельностным подходами, проблема семиозиса как способа бытия человека, осмысление знака и значения как структурной составляющей сознания [Анисимов; Дмитриевская; Портнов, Турчин; Гальперин; Глотова и др.], а также как условия реалистичности социокультурной картины мира и человеческого бытия в нем понимаются как семиотические образования, тексты, строящиеся по правилам, заданным социокультурными и психологическими факторами. Если учитывать научную позицию Ю.М. Лотмана [Лотман], определявшего культуру как текст, то картина мира, как внутренний текст, проявляется через «внешние тексты» — дискурсы. Окружающая картина мира представлена не как результат работы восприятия, а как результат их вторичной переработки с помощью знаковых систем. Обращаясь к этой идее, можно сделать вывод о том, что знаковое пространство личности важнее, нежели внешняя образная оболочка, на «разукрашивание» которой было брошено столько средств в последние годы. Без

изменения основ психодидактики в соответствии с запросом общества на личность, способную к саморазвитию, а не на личность «культурного потребителя» разнообразных благ, относящейся к образованию как к пресловутой «услуге», можно добиться лишь того явления, которое сродни регрессии возраста, когда ребенок начинает вести себя «как маленький». В системе высшего профессионального образования это может выражаться в обращении к наглядности и развлекательности, поскольку великовозрастные дети не хотят думать, а надеются на то, что гугл подскажет. Для подготовки профессиональных психологов это означает также необходимость перехода к освоению текстовой деятельности второго уровня [Турчин] как профессионально необходимой, предполагающей не только работу с готовыми текстами, но их вариативное преобразование с «вычерпыванием», по С.Л. Рубинштейну [Рубинштейн], нового знания, поворачивая мысленно исследуемый предмет, и с опорой на семиотические средства, фиксирующие в сознании новые существенные связи и отношения.

Список литературы / References

- Анисимов О.С. Знак, смысл, значение и структурирование внутреннего мира человека // Мир психологии. 2008. № 2. С. 14—26.
(Anisimov O.S. Sign, meaning, meaning and structuring of the inner world of a person, *World of Psychology*, 2008, no. 2, pp. 14—26. — In Russ.)
- Гальперин П.Я. Психология как объективная наука М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. 480 с.
(Galperin P.Ya. Psychology as an objective science, Moscow; Voronezh, 1998, 480 p. — In Russ.)
- Гамезо М.В. Психосемиотические аспекты проблем познавательной деятельности и общения // Психосемиотика познавательной деятельности и общения. М., 1983. С. 4—17.
(Gamezo M.V. Psychosemiotic aspects of problems of cognitive activity and communication, *Psychosemiotics of cognitive activity and communication*, Moscow, 1983, pp. 4—17. — In Russ.)
- Глотова Г.А. Человек и знак: семиотико-психологические аспекты онтогенеза человека Свердловск, 1990. 256 с.
(Glotova G.A. Man and sign: semiotic and psychological aspects of human ontogenesis, Sverdlovsk, 1990, 256 p. — In Russ.)
- Грэхэм Дж. Как стать родителем самому себе. М.: Независимая фирма Класс, 1993. 206 с.
(Graham J. How to become a parent to yourself, Moscow, 1993, 206 p. — In Russ.)
- Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры. М.: Наука, 1985. 450 с.
(Humboldt V. von Language and philosophy of culture, Moscow, 1985, 450 p. — In Russ.)
- Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.
(Davydov V.V. Theory of developing learning, Moscow, 1996, 544 p. — In Russ.)
- Давыдов В.В. Содержание и структура учебной деятельности школьников // Формирование учебной деятельности школьников / под ред. В.В. Давыдова, И. Ломпшера, А.К. Марковой. М.: Педагогика, 1982. С. 10—21.
(Davydov V.V. Content and structure of educational activity of schoolchildren, *Formation of educational activity of schoolchildren*, ed. by V.V. Davydov, I. Lompsher, A.K. Markova, Moscow, 1982, pp. 10—21. — In Russ.)

Дмитриевская И. Системный подход к информационной ценности знаний // Сознание и диалектика процесса познания. Иваново, 1979. С. 154—163.
(Dmitrievskaya I. A systematic approach to the information value of knowledge, *Consciousness and dialectics of the cognition process*, Ivanovo, 1979, pp. 154—163. — In Russ.)

Докука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 169—178.
(Dokuka S.V. Clip thinking as a phenomenon of information society, *Social sciences and modernity*, 2013, no. 2, pp. 169—178. — In Russ.)

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 286 с.
(Dridze T.M. Textual activity in the structure of social communication, Moscow, 1984, 286 p. — In Russ.)

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
(Leontiev A.N. Activity. Conscience. Personality, 2nd ed, Moscow, 1977, 304 p. — In Russ.)

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
(Lotman Yu.M. Semiosphere, St. Petersburg, 2000, 704 p. — In Russ.)

Портнов А.Н., Турчин А.С. Семиотическая функция: философские, социологические и психологические аспекты // Вестник Ивановского государственного Университета. 2002. Вып. 2. С. 62—74.
(Portnov A.N. Semiotic function: philosophical, sociological and psychological aspects, *Bulletin of Ivanovo State University*, 2002, iss. 2, pp. 62—74. — In Russ.)

Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: АПН РСФСР, 1958. 147 с.
(Rubinstein S.L. On thinking and the ways of its research, Moscow, 1958, 147 p. — In Russ.)

Турчин А.С. Семиотическая функция и процесс обучения. Монография. СПб.: Центр стратегических исследований. 2019. 132 с.
(Turchin A.S. Semiotic function and learning process. Monograph, St. Petersburg, 2019, 132 p. — In Russ.)

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
(Heidegger M. Being and time, transl. from German by V.V. Bibikhin, Moscow, 1997, 451 p. — In Russ.)

THE SYMBOLIC SPACE OF PERSONALITY CONSCIOUSNESS AND THE LEARNING PROCESS

Anatoly S. Turchin

St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation, ast55@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of interaction of the main structural components of the personality's consciousness in the process of its educational and cognitive activity. The necessity of solving a number of issues relevant to the psychology of learning related to the organization of the introduction of innovative approaches into the practice of modern education is noted. The semiosphere of personality is considered as a symbolic space, the organization of which depends on many external and internal conditions. The main attention is paid to the consideration of the role of language as a means of transforming the picture of the world and the image of the world of the individual in the course of its appropriation of universal socio-cultural experience. The conclusion is substantiated about the undesirability of further primitivization of the system of teaching aids in both primary and higher education under the pretext of reducing the requirements for

the levels of development of the semiotic function of consciousness of students demonstrating the phenomena of “clip thinking”.

Keywords: semiosphere, sign, text activity, clip thinking, didactic system

For citation: Turchin A.S. Sign space of personality consciousness and the learning process, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 156—162.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Турчин Анатолий Степанович — доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии, Санкт-Петербургский военный ордена Г.К. Жукова институт Национальной гвардии России, г. Санкт-Петербург, Россия, ast55@mail.ru

Turchin Anatoly Stepanovich — Doctor of Sciences (Psychology), professor of the Department of General and Applied Psychology, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation, ast55@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 163—173.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 163—173.

Научная статья

УДК 165.12

DOI: 10.46726/И.2023.4.19

«ИХ ОТУЧИЛИ ДУМАТЬ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЗНАНИЯ И ДЕГУМАНИЗАЦИЯ ВРАГА В ЯЗЫКЕ ПРОПАГАНДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Олег Вячеславович Рябов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, riabov1@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме специфики языка описания сознания в военной пропаганде. Среди приемов создания пропагандой образов врага важнейшую роль играет дегуманизация. Поскольку наличие сознания является необходимым признаком человека, то практики дегуманизации включают в себя репрезентации сознания «чужих» и его отличий от сознания «своих». Новизна определяется тем, что впервые репрезентации сознания исследуются как ресурс конструирования образа врага. В основу методологии анализа положена концепция Ника Хэслема, согласно которой дегуманизация аутгруппы как полное или частичное отрицание человечности осуществляется в двух формах: анималистской, при помощи сравнения людей с животными, и механицистской, за счет их уподобления неодушевленным механизмам. Особое место дискуссии о подлинной человечности занимали в «борьбе за сердца и умы» периода Холодной войны, и в статье анализируются репрезентации различных компонентов сознания «своих» и «чужих» (когнитивного, эмоционального, волевого) на материале советского и американского кинематографа. Автор показывает, что для расчеловечивания «чужих» кинематограф использовал такие характеристики их сознания, как неумение мыслить критически и творчески, узость кругозора, низкий уровень образованности, нехватка теплоты в человеческих отношениях, неспособность к эмпатии и к самоконтролю, отсутствие собственной воли.

Ключевые слова: сознание, дегуманизация, образ врага, пропаганда, Холодная война, кинематограф

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>

Для цитирования: Рябов О.В. «Их отучили думать»: репрезентации сознания и дегуманизация врага в языке пропаганды Холодной войны // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 163—173.

Введение

«Это американцы в Южном Вьетнаме. Их отучили думать и научили убивать», — так диктор комментирует один из кадров советского документального фильма «Фабрика манекенов» (реж. А. Габрилович, 1966). Фильм рассказывает о том, как массовая культура США воспитывает американцев в духе идеологии милитаризма, в результате чего многие из них утрачивают свою человечность: «Это уже не люди, а манекены, любимый девиз

© Рябов О.В., 2023

которых — «Все человеческое мне чуждо»». Фильм может служить примером того, как пропаганда объединяет антропологический и геополитический дискурсы, привлекая для этого репрезентации когнитивных способностей врага.

Дегуманизация врага — полное или частичное отрицание его человечности — является одним из важнейших приемов пропаганды [Keen; Delori, Ware; Kronfeldner и др.]. Перед военной пропагандой всегда стоит задача легитимировать убийство человеческих существ, что предполагает изображение представителей аутгруппы таким образом, чтобы оправдать негативные чувства к ним или даже их уничтожение. «Чужие» должны максимально отличаться от «своих», воплощающих норму человечности; символическая граница между ними должна быть границей между человеческим и нечеловеческим. Поскольку сознание является одним из главных атрибутов человека, то резонно предположить, что дегуманизация требует противопоставления сознания «своих» и сознания «чужих», стигматизацию сознания «чужих» как девиантного, не вполне человеческого.

Образ врага в мировой науке изучается активно; в числе прочего исследуется, как в практиках дегуманизации используются самые разнообразные дискурсы: расовый, гендерный, религиозный, пространственный, эстетический и др. [Rieber, Kelly; Harle; Zimbardo; Oppenheimer; Морозова; Fettweis; Козырев; Riabov, Riabova]. Однако такой ресурс дегуманизации, как репрезентации сознания, насколько нам известно, еще не исследовался; это позволяет нам оценивать настоящую статью как оригинальную.

Образ врага — постоянный элемент человеческой истории, но особенно богатый материал для его изучения дает эпоха Холодной войны. Специфика практик дегуманизации, применяемых в ходе этой конфронтации, определялась тем, что с появлением атомного оружия врагом, против которого допускалось ведение боевых действий, становилось все гражданское население противника, а не только армия. Жители СССР и США должны были свыкнуться с мыслью о том, что они потенциально являются либо соучастниками массовых убийств, либо мишенью смертоносной атаки противоположной стороны [Rieber, Kelly: 5]. Еще в написанной в разгар Холодной войны работе «Теория партизана» (1962) немецкий политолог К. Шмитт отмечал, что «супраконвенциональное оружие предполагает супраконвенционального человека». Те, кто применяет это оружие против других людей, вынуждены и морально их уничтожать, «должны объявить противную сторону в целом преступной и нечеловеческой, тотальной малоценностью. Иначе они сами являются преступниками и чудовищами, нелюдьми» [Шмитт].

Таким образом, цель статьи — исследовать, как военная пропаганда изображает специфику сознания врага в контексте практик дегуманизации. Предметом анализа является не содержание сознания «своих» и «чужих» (скажем, «пролетарское сознание», «буржуазное сознание»), а именно особенности его функционирования, для чего мы рассмотрим репрезентации его когнитивного, эмоционального и волевого компонентов.

Проблема исследуется в статье на материале советского и американского кинематографа Холодной войны. В силу специфики Холодной войны (прежде всего, того значения, которое в конфронтации двух блоков имело манипулирование эмоциями, символами, образами, идеями) фильмы СССР и США дают особенно содержательный материал для анализа способов конструирования образа врага. Вначале будут уточнены методологические основания

изучения дегуманизации. Далее мы рассмотрим исторический контекст проблемы, охарактеризовав особенности практик дегуманизации в пропаганде СССР и США. Наконец, предметом анализа станет противопоставление сознания «своих» и сознания «чужих» в кинематографе.

Методология: две формы дегуманизации врага

Наиболее полезной для методологии настоящего исследования нам представляется разработанная Н. Хэслемом дуальная концепция дегуманизации. Согласно этой концепции, следует различать два набора характеристик, атрибутируемых человеку: уникально человеческие, которые отличают его от животных, и сущностно человеческие, отличающие его от машины [Haslam: 255—257]. Первые включают в себя цивилизованность, мораль, воспитанность и способность к абстрактному мышлению, вторые — эмоциональность, теплоту в межличностных отношениях, индивидуальность, эмпатию, способность испытывать боль, субъектность, креативность. Отрицание этих характеристик у представителей аутгруппы используется в двух формах дегуманизации: соответственно, анималистской (animalistic) и механицистской (mechanistic). Наделение образа «чужих» такими чертами, как нецивилизованность, аморальность, нехватка интеллектуальных способностей и образования, грубость, неспособность к самоконтролю свойственно анималистской форме [Там же: 255]. Кроме того, способом анималистской дегуманизации является инфрагуманизация: «чужим» приписываются только первичные эмоции, то есть те, которые свойственны и животным (в том числе радость, огорчение, страх, вожделение, гнев), а «своим» — также и вторичные (включая любовь, надежду, сожаление, ностальгию) [Leuens et al]. Атрибутирование в рамках анималистской дегуманизации отмеченных качеств представителям аутгрупп способствует формированию определенного отношения к ним: общение с ними не предполагает равного диалога, поэтому разрешается ими манипулировать; происходит их объективация, поэтому допустимо относиться к ним не как к цели, а только как к средству; ими необходимо управлять, поскольку они неспособны к самоконтролю [Haslam: 254, 260]. Механицистская форма дегуманизации включает в себя лишение представителей аутгруппы таких характеристик, как воля, субъектность, индивидуальность, эмоциональность, теплота в межличностных отношениях, страдание, гибкость мышления, способность испытывать боль [Там же: 256]. Уподобление «чужих» машине предполагает моральное исключение; отношение к ним как к неодушевленной вещи; отсутствие способности сопереживать им, в том числе в случае их уничтожения [Там же: 254, 260].

Исторический контекст: дегуманизация «врага номер один» в пропаганде Холодной войны

Одним из центральных в «борьбе за сердца и умы» периода Холодной войны был вопрос, какая именно социально-экономическая система — коммунизм или капитализм — лучше соответствует сущности человека, а какая ведет к расчеловечиванию.

В советской культуре тема гуманизма стала особенно востребованной во время Великой Отечественной войны: нацистская идеология обвинялась в отрицании самой ценности принадлежности к человеческому роду. Любопытную оценку противоположности советского и нацистского мировоззрения дал И. Сталин вскоре после окончания войны: по его словам, первая задача советской культуры — «уничтожить в человеке зверя, вытравить в человеке зверя, который

в нем есть, вытравить или, по крайней мере, уменьшить звериное в человеке. Фашисты как раз культивировали зверя в человеке, а мы ставим задачу уничтожить зверя в человеке» [Сталин]. Подобное видение политики СССР как борьбы за развитие в человеке человеческого начала в значительной степени сохранилось в период Холодной войны: символическая нацификация «врага номер один» предполагала в том числе репрезентации американского империализма как наследника идеологии гитлеризма в понимании человека.

США также позиционировали себя как защитников подлинной человечности, обвиняя своего противника в том, что он уничтожает такие ее важнейшие черты, как уважение к человеческой личности, ее индивидуальность и свободу.

К дегуманизации «врага номер один» активно прибегали и советская, и американская пропаганда; прежде всего это справедливо в отношении анималистской формы. Советская пропаганда очень часто, особенно в 1940—1950-х гг., использовала эпитет «звериный» для характеристики американского образа жизни. «Джунгли» — еще одна метафора, привлекаемая в практиках дегуманизации капиталистического мира; распространенным был образ американского города как «каменных джунглей» — и из-за «звериных» отношений между его обитателями, и из-за антигуманного характера архитектуры (прежде всего, небоскребов, которые выступали важным маркером американскости в советской культуре [Riabov, Riabova]). Особое место в анималистской дегуманизации США занимал образ волка. Возможно, в основе его востребованности в советском бестиарии Холодной войны лежало положение пропаганды о том, что американское общество основано на принципе «человек человеку волк»; вероятно, свою роль сыграло и то, что в волчьем обличье часто изображали гитлеровцев. Так или иначе, этот образ активно привлекался для экспликации пороков американского образа жизни [«Враг номер один»].

Помимо анималистской формы дегуманизации, использовалась и механицистская. Среди способов последней отметим, прежде всего, уподобление американского общества машине — бездушной, безжалостной, бесчеловечной.

Американский антропологический дискурс критиковал коммунистического врага с трех позиций: религиозной, политической и цивилизационной. Утверждалось, во-первых, что атеистическая и материалистическая идеология коммунизма отрицает связь между человеком и Всевышним, игнорирует духовное измерение человеческого бытия, уничтожает достоинство человека как образа и подобия Божьего и тем самым низводит его до уровня животных. Во-вторых, постулировалось, что коммунизм противоречит природе человека, рассматривая его не как отдельную личность, но лишь как часть коллектива, как винтик бездушной социальной машины. В-третьих, ориентализм в репрезентациях коммунистического Востока способствовал изображению русских как варварских, звероподобных существ.

В США использование анималистской формы дегуманизации включало в себя прямое уподобление советского человека животным, среди которых следует назвать, в первую очередь, муравьев, спрута и медведя, символизирующих соответственно тоталитарный коллективизм, мировой коммунистический заговор и российский империализм и деспотизм. Помимо прямой, использовались и косвенная форма анималистской дегуманизации, предполагающая приписывание врагу характеристик, означающих недостаточную окультуренность и, тем самым, недостаточную человечность. Среди качеств, атрибутируемых представителям коммунистического мира, можно выделить те, которые акцентируют внимание на отсталости СССР как на недостатке цивилизованности:

ужасные бытовые условия и грязь; необразованность населения; дурные манеры. Кроме того, это черты, призванные подчеркнуть отсутствие уважения к человеческой личности: деспотизм властей, подавление индивида коллективом, игнорирование права на частную жизнь.

Активно применялась и механицистская форма дегуманизации. Массовая культура США была весьма изобретательна в создании сюжетов, в которых «враг номер один» изображался как машина. Так, в кинематографе можно выделить три сюжета, в зависимости от того, как в них представлен источник дегуманизации: роботоподобное существование индивидов в тоталитарном обществе (например, «Шелковые чулки» (реж. Р. Мамулян, 1957)); превращение коммунистами американцев в зомби при помощи советской науки (например, «Маньчжурский кандидат» (реж. Дж. Франкенхаймер, 1962)); похищение тел американцев инопланетным разумом как аллегория захвата США коммунизмом (например, «Вторжение похитителей тел» (реж. Д. Сигел, 1956)).

Кинообразы врага и репрезентации сознания

Кинематограф был одним из основных театров «культурной Холодной войны». В кинематографическую Холодную войну были вовлечены ведущие режиссеры, актеры, сценаристы по обе стороны «железного занавеса»; были сняты сотни фильмов, так или иначе затрагивающих тему советско-американской конфронтации*. Образы «врага номер один», производимые в советских и американских фильмах, носили во многом зеркальный характер. Среди же наиболее значимых различий необходимо отметить следующее: если образы врага, создаваемые в кинематографе США, строились на национальном принципе, важнейшим компонентом советского антиамериканизма была идея «двух Америк»: «реакционной» и «прогрессивной». Сама сущность советской идеологии с ее приоритетом классового над национальным требовала, чтобы, помимо «плохих американцев», в фильмах были представлены и «хорошие», то есть коммунисты, рабочий класс, борцы за мир, темнокожие американцы, «простой народ». Это отражалось и в практиках дегуманизации; их объектом в советском кино становились только «плохие американцы».

Рассмотрим, как фильмы Холодной войны достигают цели дегуманизации врага при помощи репрезентаций когнитивного, эмоционального и волевого компонентов сознания.

Когнитивный компонент

Дегуманизация аут-группы, во-первых, связана с отрицанием у ее представителей наличия знаний и образованности; расчеловечивание всегда предполагает «раскультуривание». Если в кино США невежество врага было представлено в русле ориенталистских тропов, подчеркивающих дикость и варварство Советской России как «полуазиатской империи», то советские фильмы акцентировали убожество массовой культуры США как результат сознательной политики правящих кругов, направленной на отвлечение трудящихся от борьбы за свои интересы. В связи с этим показывался примитивизм американской «культуры жевательной резинки», как ее охарактеризовал журнал «Огонек» [Трубникова: 41], ее стремление к максимальному упрощению. Стереотипное представление о «янки» как необразованных и к тому же

* О кинематографической Холодной войне см.: [Strada, Troper; Shaw, Youngblood; Федоров; «Враг номер один»] и др.

полностью лишенных пиетета перед культурой эксплуатируется, например, во «Встрече на Эльбе» (реж. Г. Александров, 1949). Заметим, что тема невежества врага позволяла демонстрировать культурное превосходство «своих» над «чужими» как свидетельство превосходства собственного образа жизни в целом, что имело первостепенное значение для пропаганды Холодной войны.

Во-вторых, свидетельством ущербности когнитивных возможностей врага является его неспособность к критическому мышлению. Именно поэтому население вражеской страны становится легкой добычей пропаганды, которую ведут ее правящие круги, именно этим обусловлена его враждебность.

Помимо прочего, в художественных произведениях данная черта в образе врага помогала добиваться комического эффекта. Так, в советском фильме «Русский вопрос» (реж. М. Роом, 1947) высмеивается невежество американских обывателей, слепо верящих мифам антисоветской пропаганды; «Почему у русских общие жены?» — такой вопрос нью-йоркский парикмахер задает Гарри Смигу, протагонисту картины, и продолжает: «Все понимаю. Но как можно жить в стране, где нельзя иметь собственные велосипед или жену — этого я понять не могу».

Кино США также создавало образы представителей вражеской страны, которые слепо верят пропаганде (например, в таких кинокомедиях, как «Шелковые чулки», «Один, два, три» (реж. Б. Уайлдер, 1961)). Им были противопоставлены образы жителей «свободного мира», американцев, которые, конечно же, нередко высказывали критические замечания в адрес пропагандистских машин обеих сверхдержав.

Следует отметить еще одну жертву вражеской пропаганды — внутренних «чужих». Образ внутреннего врага, способствуя политической мобилизации, был особенно важен для пропаганды Холодной войны. Киноновелла «Иностранцы» (реж. Э. Змойро, 1961) высмеивает безграничное восхищение всем заграничным, которое свойственно стилигам. Это восхищение сделало их жертвой розыгрыша, устроенного советским журналистом: он выдает себя за богатого американца Фрэнка для того, чтобы подготовить фельетон, разоблачающий нравы стилига. Те безоговорочно соглашались со всеми оценками, которые высказывает «штатник»; они не могут допустить и мысли о том, что США могут в чем-то уступать СССР. «Как мы все-таки отстаем!», — восклицает одна из представительниц «внутренней Америки». Несколько раз в кадр попадает игрушечная обезьянка, которая украшает квартиру главного героя, стилига «Джорджа» Волобуева — как некий символ бездумной подражательности внутренних «чужих».

Наивную веру американских «красных» в «коммунистический рай» разоблачали голливудские фильмы, показывая, что реальность имеет мало общего с пропагандой. Так, в анимационном фильме «Я выбираю свободу» (реж. Дж. Барбера, У. Ханна, 1948) утверждается, что теория коммунизма, которая требует от американцев отказа от свободы, в реальности оборачивается для рабочих запретом профсоюзов, забастовок и других форм борьбы за свои права; теперь никто не защищен от произвола государственной машины.

В-третьих, мышлению врага, уподобляемого машине, свойственны ригидность и запрограммированность; способность мыслить творчески у него отсутствует. В этом плане показательна сцена из фильма «Вторжение похитителей тел», когда главные герои убегают от преследующих их инопланетян, принявших человеческий облик. Создатели фильма акцентируют внимание на том, насколько нелепо ведут себя роботоподобные преследователи, как они

мешают друг другу. На их лицах написано такое недоумение, что зритель не должен сомневаться, что беглецам удастся уйти.

Эмоциональный компонент

Репрезентации оценочной функции сознания представителей вражеского мира также свидетельствуют о том, что людьми в полной мере они не являются. Наделение их роботоподобными чертами, во-первых, означает отрицание способности испытывать эмоции; они не проявляют не только любви и сострадания, но также гнева, ненависти, ярости, страха.

Во-вторых, эмоциональное убожество эксплицируется через специфику межличностных отношений, в которых полностью отсутствует человеческая теплота. Так, в голливудской кинопродукции «красные» взаимодействуют друг с другом эффективно, но дружба не представляет для них ценности. Коммунистических женщин отличает полное отсутствие романтики, которую они расценивают как буржуазную глупость, лишённую практического смысла; это обнаруживает себя и в отношении «красных» к любви. Не нужна коммунистам и семья: в фильмах нет и намека на то, что родители любят своих детей; те же, в свою очередь, доносят на своих пап и мам в органы госбезопасности.

В-третьих, приемом дегуманизации является репрезентация врага как не боящегося смерти, а также полностью лишённого религиозного чувства.

Аналогичным образом эмоциональный компонент сознания «врага номер один» изображен в советском кино — например, в «Фабрике манекенов». Массовая культура, реклама и пропаганда способствуют стандартизации американцев, «оболваниванию» их, превращению из людей в манекены, лишённые человеческих эмоций. Кроме того, все человеческие чувства в них заглушается культом денег; любовь, дружба, товарищество лишены смысла в американском обществе, где главное — доллар.

Специфику эмоциональных способностей врага кинематограф отображает и в особенностях мимики персонажей фильма. Уподобляя отрицательных героев машине, фильмы показывают неподвижное лицо, остекленевший взгляд; излишне говорить, что они не улыбаются. В Голливуде канон такой модели коммунистической мимики был установлен, по всей вероятности, в фильме «Ниночка» (реж. Э. Любич, 1939); исполнительница главной роли Грета Гарбо идеально подходила для нее в том числе и потому, что за ней еще по ролям в немом кино закрепилась слава актрисы, которая никогда не улыбается. В дальнейшем улыбка продолжала играть важную роль в противопоставлении кинематографических «своих» и «чужих». Так, классическим для механистической дегуманизации Холодной войны стал образ советского боксера Ивана Драго из фильма «Рокки 4» (реж. С. Сталлоне, 1985). Безжалостная машина, он лишен эмоций, он не чувствует боли, он почти не разговаривает. Разумеется, в отличие от американцев, он не улыбается (ил. 1).

Ил. 1. Кадр из фильма «Рокки 4»
(реж. С. Сталлоне, 1985)

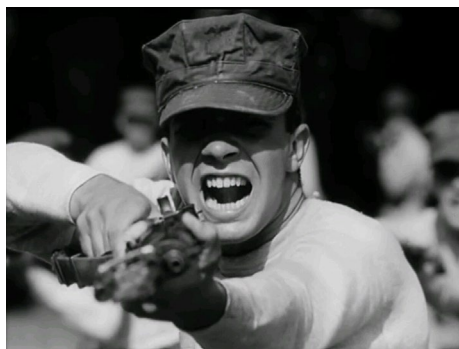
Улыбка — механическая, неискренняя, искусственная, не имеющая ничего общего с человеческими чувствами — занимает важное место и в советских кинорепрезентациях «врага номер один». Именно такую фальшивую улыбку носит во «Встрече на Эльбе» героиня Фаины Раневской, миссис Макдермот (ил. 2). О функции улыбки как символического пограничника, разделяющего два лагеря Холодной войны, можно судить и по сцене из «Русского сувенира» (реж. Г. Александров, 1960), когда в ответ на недоумевающий вопрос американского миллионера Скотта, почему русские не всегда улыбаются, его соотечественник Гомер в ответ говорит, что это только в Америке улыбка не имеет отношения к настроению.

Ил. 2. Кадр из фильма «Встреча на Эльбе» (реж. Г. Александров, 1949)

Расчеловечить врага была призвана и звероподобная мимика киногероев, отражающая животные эмоции — этот прием использовался в кинопродукции обеих стран. В Голливуде одним из ярких примеров стал фильм «Зверь из долины Юкка» (реж. К. Фрэнсис, 1961), в котором представитель коммунистического мира, ученый, превращается в зверя в буквальном смысле.

Советский кинематограф иллюстрирует тезис об утрате человечности, например, при помощи изображения мимики представителей «американской военщины» в фильмах, которые рассказывают о преступлениях США во Вьетнаме, также призванных раскрыть «звериный оскал империализма» (ил. 3).

Ил. 3. Кадр из фильма «Фабрика манекенов» (реж. А. Габрилович, 1966)

В «Иностранцах» стилисты так заигратно исполняют танец «рок-энд-брик», который, как заверяет их придумавший его «американец Фрэнк», является самым модным в США, что теряют человеческий облик, и это также находит выражение в мимике (кстати, эта сцена может служить иллюстрацией тезиса советской пропаганды о том, что экспорт массовой культуры США, культивирующей низменные, звериные инстинкты, грозит расчеловечиванием всей человеческой цивилизации).

Волевой компонент

Дегуманизация представителей аутгруппы осуществляется, во-первых, при помощи приписывания им неспособности к самоконтролю. И советский, и американский кинематографы многократно эксплицитовали это через показ сцен, собственных «чужим»: пьянства, бытового насилия, изнасилований (например, в таких кинолентах, как «Вторжение, США» (реж. А. Грин, 1952) (ил. 4)).

Во-вторых, характерной чертой представителей вражеского мира выступают отсутствие собственной воли и беспрекословное подчинение приказам

руководителей. Это относится к образам не только военных (например, муштра новобранцев выразительно показана в «Фабрике манекенов»), но и представителей самых различных социальных групп.

Заключение

Мы рассмотрели, как при помощи репрезентаций функционирования сознания, включая его когнитивный, эмоциональный и волевой компоненты, происходит дегуманизация «врага номер один» в период Холодной войны. Среди тех характеристик сознания «чужих», которые способствовали расчеловечиванию их кинообразов, были отмечены неумение мыслить критически и творчески, узость кругозора, низкий уровень образованности, отсутствие теплоты в человеческих отношениях, неспособность к эмпатии и к самоконтролю, отсутствие собственной воли и субъектности.

Разумеется, на протяжении почти полувекового периода кинематографической Холодной войны способы изображения советско-американских отношений не оставались неизменными. В кино США наиболее ярким примером регуманизации «чужих», в том числе при помощи репрезентаций сознания, стал фильм «Русские идут! Русские идут!» (реж. Н. Джуисон, 1966). В нем образы советских моряков наделяют такими качествами, как креативность мышления, интерес к искусству, юмор, страх смерти, религиозность; их отличают взаимопомощь, товарищество, забота друг о друге. Они показаны достаточно воспитанными; некоторые из них говорят по-английски (что имело немало важное значение для киноаудитории в Соединенных Штатах). Важнейшую роль в регуманизации сыграло изображение такой эмоции, как любовь между советским моряком и американской девушкой. Аналогичным образом некоторые советские фильмы оттепели создавали более очеловеченный образ «классово чуждых» американцев (например, «Подводная лодка» (реж. Ю. Вышинский, 1961), «Вашингтонская история» (реж. И. Анненский, 1962)).

Еще одна оговорка состоит в том, что следует принимать во внимание амбивалентность репрезентаций Другого, каковыми для *homo sapiens* в данном случае выступают животное или машина. Война нередко требует от ее участников качеств, которые более свойственны зверю или механизму, чем человеку, и военная пропаганда активно создает образы «своих», которые обладают звериной яростью и хладнокровием механизма, животной интуицией и расчетливостью машины. Однако в целом норму в военной пропаганде воплощает человек, и столь значимая для нее функция легитимации насилия и убийства реализуется через расчеловечивание «чужих».

Таким образом, репрезентации сознания являются одним из ресурсов конструирования образов врага. Целью описания сознания, в том числе языком кинематографа, может быть не только поиск философской истины, но и получение преимуществ в геополитическом противостоянии.

Ил. 4. Кадр из фильма «Вторжение, США» (реж. А. Грин, 1952)

Список литературы / References

- «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
(“Enemy Number One” in Symbolic Politics of Soviet and American Cold War Cinema, ed. by O.V. Riabov, Moscow, 2023, 400 p. — In Russ.)
- Козырев Г.И. Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 52—58.
(Kozyrev G.I. The image of the external enemy as a factor of legitimation of political regime in contemporary Russia, *Sociological Studies*, 2018, no. 1, pp. 52—58. — In Russ.)
- Морозова Е.В. Дегуманизация как технология формирования образа другого/чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6. С. 121—128.
(Morozova E.V. Dehumanization as a technique of forming the image of Other / “them” in politics, *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2015, no. 6, pp. 121—128. — In Russ.)
- Сталин И.В. Беседа с делегацией общества «Финляндия — СССР», 8 октября 1945 // Сталин И.В. Сочинения. М.: ИТРК, 2011. Т. 16 (сентябрь 1945 — декабрь 1948). URL: <https://textarchive.ru/c-1851602-p3.html> (дата обращения 10.05.2023).
(Stalin I.V. Talk to delegation of society “Finland — USSR”, October 8. 1945, *Stalin I.V. Works*, Moscow, 2011, vol. 16 (September 1945 — December 1948). — In Russ.)
- Трубникова А. Культура жевательной резинки // Огонек. 1950. № 5. С. 41.
(Trubnikova A. The culture of chewing-gum, *Ogoniok*, 1950, iss. 5, p. 41. — In Russ.)
- Шмитт К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического. М.: Праксис, 2007. 304 с.
(Shmitt K. Theory of the partisan: An interim note on the concept of political, Moscow, 2007, 304 p. — In Russ.)
- Федоров А.В. Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей. М.: Информация для всех, 2017. 389 с.
(Fedorov A.V. Reflections: The West on Russia / Russia on the West. Cinematic images of countries and peoples, Moscow, 2017, 389 p. — In Russ.)
- Delori M., Ware V. The faces of enmity in international relations. An introduction, *Critical Military Studies*, 2019, vol. 5, no. 4, pp. 299—303.
- Fettweis C.J. Misreading the Enemy, *Survival*, 2015, vol. 57, no. 5, pp. 149—172.
- Harle V. The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History, Westport: Praeger Publishers, 2000, 232 p.
- Haslam N. Dehumanization: An integrative review, *Personality and social psychology review*, 2006, vol. 10, no. 3, pp. 252—264.
- Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination, San Francisco: Harper & Row, 1986, 200 p.
- Kronfeldner M. Mapping dehumanization studies, *The Routledge Handbook of Dehumanization*, ed. by M. Kronfeldner, London: Routledge, 2021, pp. 1—35.
- Leyens J.P. et al. Infra-humanization: The wall of group differences, *Social Issues and Policy Review*, 2007, vol. 1, no. 1, pp. 139—172.
- Oppenheimer L. The Development of Enemy Images: A Theoretical Contribution, *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2006, vol. 2, no. 3, pp. 269—292.
- Riabov O., Riabova T. The Images of Urban Space in Constructing the Cold War Enemy: US Skyscrapers in Soviet Animation, *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 2021, no. 2, pp. 122—138.
- Rieber R.W., Kelly R.J. Substance and shadow: Images of the enemy, *Psychology of war and peace: The image of the enemy*, ed. by R.W. Rieber, Boston: Springer Publ., 1991, pp. 3—39.

Shaw T., Youngblood D.J. Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Heart and Minds, Lawrence: Univ. Press of Kansas, 2010, 301 p.

Strada M., Troper H. Friend or Foe: Russians in American Film and Foreign Policy, Lanham: Scarecrow Press, 1997, 255 p.

Zimbardo P. The Lucifer effect: Understanding how good people turn evil, New York: Random House, 2007, 576 p.

**“THEY WERE WEANED FROM THINKING”:
REPRESENTING CONSCIOUSNESS
AND DEHUMANIZING THE ENEMY
IN THE LANGUAGE OF THE COLD WAR PROPAGANDA**

Oleg V. Riabov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg,
Russian Federation, riabov1@inbox.ru

Abstract. The article deals with the problem of the language of consciousness description in war propaganda. Dehumanization is one of the most important methods of creating image of the enemy by propaganda, and since consciousness is an essential feature of human being, the practices of dehumanization include representations of “their” consciousness and its differences from “our” consciousness. The article is original since for the first time representations of consciousness are investigated as a resource for constructing the image of the enemy by war propaganda. The methodology of the analysis is based on Nick Haslam’s concept, according to which the dehumanization of the representatives of the out-group is carried out in two forms: animalistic form by comparing them with animals and mechanistic one by likening them to inanimate mechanisms. Discussions about the genuine humanity occupied a special place in the Cold War “struggle for hearts and minds”, and the article analyzes the representations of various components of the consciousness of “us” and “them” (cognitive, emotional, and volitional) on the materials of Soviet and American cinema. The author points out that such characteristics of the consciousness of “them” as the inability to think critically and creatively, narrow-mindedness, low level of education, lack of warmth in human relations, empathy, self-control and self-will contributed to the dehumanization of their cinematic images.

Keywords: Consciousness, dehumanization, image of the enemy, propaganda, Cold War, cinema

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>

For citation: Riabov O.V. “They were weaned from thinking”: representing consciousness and dehumanizing the enemy in the language of the Cold War propaganda, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 163—173.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 12.09.2023.

The article was submitted 20.05.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 12.09.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabov1@inbox.ru

Riabov Oleg Viacheslavovich — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, riabov1@inbox.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 174—184.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 4. P. 174—184.

Научная статья

УДК 1

DOI:10.46726/И.2023.4.20

НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ

Роман Владимирович Шорин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, romanshorin@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка дать определение понятию «неакадемическая философия». Отмечается, что это понятие встречается как в общественном дискурсе, так и в научно-исследовательских работах отечественных и зарубежных авторов. При этом оно остается понятием без своего более или менее четкого определения. Между тем, неакадемическая философия — это значимый социокультурный феномен, заслуживающий более пристального исследовательского внимания. Его значимость подтверждает, например, следующее обстоятельство: прежде всего через неакадемическую философию так называемый широкий круг читателей знакомится с философскими идеями, с ее помощью пытается осмыслить свою жизнь и свое место в мире, ответить на «вечные вопросы». Кроме того, неакадемическая философия оказывает существенное влияние на академический философский дискурс. В статье выделены существенные и взаимосвязанные между собой признаки неакадемической философии, позволяющие дать ее определение, предпринят их анализ. Обобщены подходы к неакадемической философии, присутствующие в отечественном исследовательском нарративе. Отмечено возрастание значения неакадемических философских практик внутри общефилософского дискурса в условиях современности (развитие социальных медиа и др.). В качестве методологии исследования, в частности, выступает системный подход, согласно которому системообразующим свойством признается концепт. Выявление концепта позволяет выйти к дефиниции явления.

Ключевые слова: неакадемическая философия, академическая философия, общефилософский дискурс, философия, наука, системный подход, концепт, социокультурный феномен

Для цитирования: Шорин Р.В. Неакадемическая философия: проблема дефиниции // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 174—184.

Введение. Интерес автора статьи к феномену неакадемической философии обусловлен многолетним личным опытом неакадемического изучения философии и создания философских текстов «вольного» формата. Впрочем, этот субъективный фактор вполне может быть дополнен объективными обстоятельствами, а именно: возрастанием значения неакадемических философских практик внутри общефилософского дискурса в условиях современности. К этим условиям, например, можно отнести цифровизацию, интернет, а конкретнее — развитие социальных (горизонтальных) медиа, позволяющих конструировать философию как личное дело и делать это в публичном

пространстве. Наличие возможности неизбежно ведет к появлению тех, кто готов ею воспользоваться, и далее — к увеличению их числа. Можно говорить и об определенном общественном запросе на философствование в своей первоначальной (наивной) форме, о поощрении вне-институциональных философских практик. Другими словами, в современных условиях феномен неакадемической философии становится более выпуклым, в известном смысле «напрашиваясь» на исследовательское внимание.

Разумеется, это отнюдь не новое явление. Более того, неакадемическая философия появилась раньше академической. Имеется в виду следующее: мыслители, ставящие вопросы философского характера, появились прежде, чем сложилась академическая система с ее институциями, канонами и традициями. Таким образом, неакадемическая философия лежит в основе академической, а также сопровождает ее в качестве неперменного спутника в течение всего периода существования академической философской традиции. Более того, если — волею судеб — академическая философская традиция может исчезнуть, прерваться, деградировать, то неакадемическая философия, в свою очередь, останется, ведь она «может исчезнуть лишь тогда, когда исчезнет в ней и социальная, и экзистенциальная потребность» [Пржилеский: 61]. Пока будет человек, будет и вышеуказанная потребность.

Очевидно, что задаваться вопросами, носящими философский характер, — это свойство, присущее человеку вообще, а не только специалисту определенного профиля. Соответственно, есть все основания допускать, что философия возможна и вне университетских стен, вне академической системы. При этом можно говорить о существенном влиянии неакадемической философии на академическую, об их бытии в качестве «сообщающихся сосудов», которое дает синергетический эффект. Кроме того, неакадемическая философия выполняет важную социальную функцию, поскольку прежде всего через нее так называемый широкий круг читателей знакомится с философскими идеями, с ее помощью пытается осмыслить свою жизнь и свое место в мире, ответить на «вечные вопросы». Добавим, что целевой аудиторией неакадемической философии является также и академическое философское сообщество.

Понятие без определения. Понятие неакадемической философии встречается как в общественном дискурсе, так и в научно-исследовательских работах отечественных и зарубежных авторов. При этом оно остается понятием без своего более или менее четкого определения — понятием, смысл которого — по мнению того, кто его употребляет — улавливается интуитивно; либо понятием, как будто предполагающим некую негласную общепринятую конвенцию относительно своего значения. Кроме того, возможно, имеет место иллюзия самоочевидности данного понятия. Иллюзия как минимум с точки зрения соблюдения принципов научности, один из которых состоит в том, что не бывает понятий, свободных от своего определения.

В то же время следует отметить, что в понятии неакадемической философии уже заложен зачаток определения. Очевидно также, что в самой формулировке понятия «неакадемическая философия» содержится отрицание или отталкивание. Тем не менее, даже отрицательный характер понятия подразумевает указание на отдельность и относительную самостоятельность исследуемого явления. Неакадемическая, то есть другая, но тоже философия. В самом создании понятия неакадемической философии уже произведена работа по раскрытию этого понятия через ближайший род и видовое отличие в полном соответствии с требованиями формальной логики.

Благодаря частице «не» мы уже можем дать самое общее определение неакадемической философии как философии за пределами академической системы и университетских стен. Данное определение не только чересчур общее: оно еще и формальное или пространственное (обеспечивающее локализацию явления). Как представляется, формального определения неакадемического философии недостаточно в силу следующей причины: история философии имеет немало примеров, когда тот или иной мыслитель с формальной точки зрения подходил под критерии академического философа, однако и содержание, и стилистика его текстов имели все признаки неакадемичности. К такого рода философам можно отнести цитируемых ниже Карла Ясперса, Мартина Хайдеггера и М.К. Мамардашвили.

Итак, проблема дефиниции неакадемической философии является актуальной. В настоящей статье будет предпринята попытка дать первые, рабочие определения этого феномена. Также актуальным является добавление в базовое определение неакадемической философии (состоящее в указании, чем она не является) признаков, которыми она обладает, которые являются для нее специфическими и которые раскрывают содержание того, чем она является. Для этого рассмотрим контекстуальные значения термина: те самые, которые, как отмечалось выше, могли полагаться интуитивно понятными. Говоря иначе, предпримем попытку экспликации того смыслового наполнения словосочетания «неакадемическая философия», которое подразумевалось использующими его авторами. «Расшифруем» те интуитивные значения, которыми оно наделяется, переведя их на язык рации.

Еще одним методологическим инструментом, которым, как представляется, важно воспользоваться, является системный подход, предложенный в свое время А.И. Уёмовым, И.В. Дмитриевской и активно развиваемый в последние десятилетия на кафедре философии Ивановского государственного университета. Согласно этому подходу, системообразующим свойством признается концепт. Как отмечает И.В. Дмитриевская, отношение или структура подчинены концепту, а субстрат — структуре [Дмитриевская: 81]. Выявив концепт, можно увидеть систему именно как систему. Другими словами, выйти к дефиниции явления «неакадемическая философия».

Рост научного интереса. Начнем с обращения к тем характеристикам неакадемической философии (отметим: довольно фрагментарным), которые присутствуют в современном отечественном исследовательском нарративе.

Прежде всего, упомянем состоявшуюся в 2006 году в Ростове-на-Дону конференцию «Академическая и неакадемическая философия: конфронтация и взаимодействие»¹, а также панельную дискуссию «О стиле философствования: академичность и ее альтернативы» на страницах журнала «Эпистемология и философия науки»². Как представляется, эти две дискуссии не столько закрыли, сколько открыли тему неакадемической философии. В ходе обсуждения в общих чертах были обозначены различия между академической и неакадемической философией, предпринята попытка типологизации неакадемической философии, сделан вывод об активном взаимопроникновении академической и неакадемической философской мысли, особенно в современный период.

¹ Тезисы конференции опубликованы в журнале: Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1.

² Эпистемология и философия науки. 2007. Т. XI. № 1.

При этом, однако, вопросов поставлено больше, чем ответов. Наиболее значимые из прозвучавших на этих мероприятиях идей будут представлены ниже.

В последние годы вопросы, так или иначе связанные с неакадемической философией, поднимает целый ряд исследователей. Например, В.В. Варава и А.А. Слепокуров, выделяя две формы философии — философию как феномен культуры и философию как феномен бытия, говорят о *философствовании* как «универсальном свойстве человека как такового» [Варава, Слепокуров: 91]. Т.В. Артемьева и М.И. Микешин изучают философию в текстах культуры, в том числе «метафизическое стихами», обнаруживая «эпистемологические возможности метафорического языка» [Артемьева, Микешин: 54]. Т.В. Маркова, В.И. Казакова указывают на оппозицию академического и неакадемического в отечественной философии, отмечая, что «не связанные академическими задачами философы, рассматривающие свою профессиональную деятельность в контексте свободы литературного творчества, отличались гораздо более глубокой постановкой проблем, связанных с определением духовно-нравственных оснований общества» [Маркова, Казакова: 393]. С.В. Борисов анализирует философствование в своей первоначальной (наивной) форме, а также принципы «глубинной философии», понимая под ней проективную деятельность — «создание проекта самого себя» [Борисов: 113]. При этом автор замечает, что глубинной философией невозможно заниматься, используя только «наше привычное дискурсивное мышление и его объективирующие структуры» [Борисов: 115].

Также отметим возрастание интереса к так называемой нефилософской философии советского периода (феномен, представленный именами В.И. Вернадского, С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, Л.Н. Гумилева, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, С.С. Хоружего, В.Б. Шкловского). Кроме того, упомянем регулярно проходящую в Ярославском государственном педагогическом университете научную конференцию «Философия и/или новое интегративное знание», где одна из постоянно звучащих тем — «наивное философствование как ученое незнание», которое может оказаться наиболее прямым путем к истине [Азов: 323]. Добавим, что автор настоящей статьи выступил на упомянутой конференции, состоявшейся в этом году, с докладом «Неакадемическая философия как субъект интегративного знания».

Степень исследованности. Остановимся подробнее на тех работах отечественных исследователей, где так или иначе затрагивается вопрос дефиниции неакадемической философии.

И.Б. Пржиленская указывает на мотивации неакадемической философии, благодаря которым она и становится, собственно, неакадемической. Таких мотиваций, по мнению автора, три: нежелание быть частью академического сообщества (социально, морально или эстетически обусловленное), желание осуществить инновацию или революцию «в содержании господствующей философии» и стремление возродить «элементы философствования ушедших эпох» либо открыть новые его формы. В зависимости от мотивации выстраиваются отношения с академической философией [Пржиленская: 227].

Е.В. Золотухина-Аболина относит к академической философии тексты, которые написаны «в рамках академических институтов или несут на себе груз квалификационных требований, по преимуществу наукообразные». В свою очередь, под неакадемической философией она понимает «произведения вольные, вольно мыслящие», подчас «действующие на эмоции, а не только на логическую способность» [Золотухина-Аболина: 50].

Важное различие между академическим и неакадемическим философствованием, по мнению Е.В. Золотухиной-Аболиной, состоит «в степени личной вовлеченности автора в утверждение того, что он отстаивает». Это находит свое выражение в авторском самоименовании. В академическом тексте автор пишет «мы» или вообще избегает обнаружения себя, вещая как бы от имени науки или научного сообщества (как если бы это была действительно сплоченная, единая группа). «Эссеист же вполне отдает себе отчет в субъективности своего текста» [Там же: 52].

Еще одним различием двух видов философствования, по мнению автора, выступает материал, служащий их отправной точкой. Так, академическая философия работает главным образом с текстами других авторов. Неакадемический же подход основывается прежде всего на собственном опыте мыслителя.

В.И. Пржиленский выделяет две особенности неакадемической философии, в чем-то схожие с приведенными выше. Во-первых, большинство академических текстов, по мнению автора, — это разбор проблем, возникающих «в процессах систематизации или каталогизации накопленного философского знания». Неакадемические тексты, напротив, «порождаются желанием сказать о чем-то внутреннем, интимном» [Пржиленский: 58]. Во-вторых, если в академической философии обнаруживается стремление к выражению универсального, то «в неакадемической мысли, скорее, содержится осознание ценности уникального и неповторимого». Иными словами, неакадемическая философия придает уникальному онтологический статус [Там же].

Исследователь полагает, что академическая и неакадемическая философия решают разные задачи: первая «реализует стратегию сохранения», а вторая направлена, скорее, на изменение. Еще одно важное различие состоит в том, для исчезновения академической философии «вполне достаточно решения чиновников, чем бы последнее не было мотивировано». В свою очередь, неакадемическая философия «может исчезнуть лишь тогда, когда исчезнет в ней и социальная, и экзистенциальная потребность» [Там же: 61].

Согласно И.Г. Геращенко неакадемическая философия является общественным, а не государственным институтом, поэтому она менее стандартизирована и формализована. «Философы данного направления обладают большей свободой и независимостью от академических авторитетов. Они могут создавать собственную философскую риторику, которая со временем трансформируется в академическую». В качестве примера автор приводит Карла Маркса: «Развиваясь как неакадемический философ, он создал оригинальную философско-экономическую риторику, ставшую основой социалистической идеологии и новой формы академической философии» [Геращенко].

Г.Л. Тульчинский вводит разделение на два «акцентуированных типа бытования философской мысли»: живое философствование «как многообразное и разнообразное в своей жизненной полноте осмысление мира» и философию как «рациональную систематизацию философствования» [Тульчинский: 70]. При этом живое философствование «всегда получало и получает мощный импульс для своего развития из-за пределов собственно философской культуры» [Тульчинский: 69].

Необходимо признать, что различие академической и неакадемической философии признается далеко не всеми современными специалистами. Так, М.В. Расторгуев настаивает на том, что оно не имеет отношения к «существованию философии» [Расторгуев: 55]. Условность разделения философии на две вариации, по словам исследователя, конкретно-исторична: один и тот же

мыслитель, в зависимости от «времени и места» может быть приписан к разным категориям философии [Там же: 56].

Анализ существенных признаков. Опираясь как на изложенные точки зрения, так и на собственное исследование, выделим следующие специфические черты неакадемической философии.

Во-первых, философ неакадемического направления, в отличие от «академика», занимающегося комментированием, классификацией и обобщением уже имеющегося на данный момент философского материала, строит свою собственную философию или, выражаясь иначе, философствует от первого лица. Тем самым, он явно или неявно предполагает, что философию имеет смысл «переизобрести» или «пересобрать» заново. Это согласуется с замечанием Карла Ясперса, согласно которому «философское мышление каждый раз должно начинаться с самого начала» [Ясперс 2000: 11].

Во-вторых, для неакадемической философии характерна более высокая степень свободы самовыражения, в том числе жанровая. Ее основным форматом выступает самый свободный жанр — жанр эссе. Кроме того, она вступает в тесное взаимодействие с другими формами духовной жизни, работая на стыке философии и искусства, философии и религии, философии и науки. Ей присущи институциональная независимость, опора на личный опыт автора, ориентация на широкую читательскую аудиторию. Указанная свобода, в частности, выражается в активном использовании неакадемическими философами обыденного языка для изложения своих идей и концептов, а также в многозначности используемых ими понятий (или, если угодно, в их нечеткости, размытости).

В-третьих, если смотреть с академических позиций, неакадемическая философия видится как пребывающая на периферии. Казалось бы, это можно списать на ошибку (пристрастность) восприятия, однако, как это ни удивительно, сами представители неакадемической философии отнюдь не оспаривают такой подход. Неакадемический мыслитель довольствуется своим крайним и даже маргинальным положением, то есть полагает нормой рискованность бытия философом как таковым. О «глубочайшей внутренней двусмысленности философии» писал, например, Мартин Хайдеггер [Хайдеггер 1993: 334].

Неакадемическая философия есть философия не только *ad marginem* («по краям»), но и философия на фронтире — в точках встречи разного, непохожего, противоположного (как минимум внешне). В известном смысле она, реализуя стратегию изменения и новаций, выступает в качестве авангарда, неизбежно соприкасающегося с *иным*, в данном случае — с иными философии формами культуры или духовной жизни.

В то же время, связывая фронтирность или крайность своего статуса со спецификой самой философии, мыслители неакадемической линии могут предлагать далеко не периферийные философские нарративы. Их идеи и тексты нередко прорываются в центр общефилософского дискурса, либо оказывают на этот центр существенное влияние. Собственно, подобного рода удачи и образуют субстрат неакадемической философии. Итак, крайность и внешне периферийное положение составляют третью особенность неакадемической философии, важную с точки зрения выявления ее концепта.

В-четвертых, неакадемическая философия выступает как личное дело, когда мыслитель исследует ту или иную философскую проблему прежде всего, что называется, для себя, для собственного уяснения и понимания. Философствование предстает здесь как решение вопросов, стоящих перед человеком непосредственно, а не заданных, скажем, его профессией или определенным

функционалом в общественной иерархии. Другими словами, неакадемическая философия в большей степени, нежели академическая, есть «способ существования», если прибегнуть к выражению Мераба Мамардашвили [Мамардашвили: 110], или «одна из редких форм автономного и творческого существования», если позаимствовать формулировку у Мартина Хайдеггера [Хайдеггер 1991: 146]. «Мы совершаем свое дело ради него самого и для самих себя», — писал Артур Шопенгауэр. И добавлял: «В философских размышлениях удивительным образом только то, что каждый продумал и исследовал для себя самого, впоследствии идет впрок и другим, а не то, что уже с самого начала было предназначено для других» [Шопенгауэр: 11]. Отметим, что философия как личное дело, казалось бы, противостоит философии как общему делу. Однако вспомним, что сама формулировка — «философия общего дела» — принадлежит Н.Ф. Федорову, явно неакадемическому мыслителю. «Личное дело» в нашем контексте есть указание на внутреннюю, неформальную вовлеченность, а не на индивидуализм.

Заметим, что неформальная, внутренняя «захваченность» философией на внешнем, социальном плане может выражаться в том, что мыслитель неакадемического направления не имеет четкой институциональной встроенности. Если можно так выразиться, он философствует под свою личную ответственность, а потому выступает одиночкой, имея сложности с признанием и социальной реализацией. «Философ — человек единичный, он живет на свой страх и риск из собственных истоков» [Ясперс 1991: 475]. Из сказанного, впрочем, не следует, что неакадемический философ не может стать лидером мнений, популярной фигурой. Он может даже интегрироваться в академическое сообщество (пример Людвиг Витгенштейна) — впрочем, ровно в той же мере, в какой философ может из этого сообщества дезинтегрироваться (пример Мартина Хайдеггера «позднего» периода).

Как видим, характеристики неакадемической философии взаимосвязаны между собой. Так отмеченные крайность и фронтирность неакадемической философии органично вытекают из того, что ее представители рассматривают философию как «личное дело» или находят в ней свой «способ существования».

Стоит отметить, что «неакадемический философ» — это не только характеристика, данная извне. Она совпадает и с самоименованием. «Я никогда не был философом академического типа и никогда не хотел, чтобы философия была отвлеченной и далекой от жизни», — писал Николай Бердяев [Бердяев: 4]. «Мое философское мышление не наукообразное, не рационально-логическое, а интуитивно-жизненное», — продолжал он [Там же: 164].

На втором из замечаний мыслителя стоит задержаться. Ведь отказ от «наукообразности», своего рода антисциентизм свойственен и представителям неакадемической философии в целом. Разумеется, он не означает отказа от логики, доказательности, рационального обоснования своих идей.

По словам Мартина Хайдеггера, «философия выступает и выглядит как наука, не будучи таковой», она есть «нечто самостоятельное, последнее» [Хайдеггер 1993: 328]. Артур Шопенгауэр утверждал, что философия «начинается там, где как раз кончаются науки» [Шопенгауэр: 70]. «Философия есть наука в древнем и неизменном смысле методического мышления, а не наука в чисто современном смысле как исследование вещей, которое ведет к совершенно общезначимому, идентичному убедительному познанию», — отмечал Карл Ясперс [Ясперс 1991: 506]. И здесь мы выходим к пятому качеству-свойству неакадемической

философии — ее представители в большей степени не считают философию наукой (менее сциентичны), нежели философы академической направленности.

Разумеется, всех выявленных качеств будет недостаточно, чтобы неакадемический философ действительно стал таковым. Примерно так же, как не всякий графоман — писатель, далеко не каждый, кто формулирует философские идеи за пределами академической системы, является неакадемическим философом. Несмотря на указанную выше периферийность, если не маргинальность неакадемического философствования, неакадемическим философом оказывается тот, кто становится услышанным; кто в состоянии оказать влияние на современников или потомков. Говоря иначе, неакадемический философ должен соответствовать критериям философа как такового, начиная с определенного уровня образованности и заканчивая по-настоящему оригинальными идеями и формами их выражения, а также наличием возможности донести эти идеи до аудитории.

Несомненно, неакадемическая философия имеет и другие существенные признаки. Например, можно утверждать, что центральное место в ее онтологии занимает преимущественно человек. Говоря иначе, неакадемическая философия более антропологична, нежели академическая, которая в первую очередь занимается осмыслением мира (бытия) и только во вторую — места человека в нем. Однако этот и другие признаки имеют не вполне обязательный характер, хотя, разумеется, их не следует отбрасывать, поскольку полнота картины складывается в том числе из нюансов.

Рабочие определения. Разумеется, рамки статьи не позволят всецело доказать неизменность выявленных качеств — для этого пришлось бы «перебрать» слишком большое количество мыслителей неакадемической направленности. Однако в данном случае строгого доказательства не требуется, поскольку мы рассуждаем в пространстве постнеклассики, где исключение скорее подтверждает правило, и где наличие предзаданной «картины мира» не столько мешает, сколько помогает осмыслению явления, рассматриваемого как систему. Напомним, что, согласно системному подходу, исследование начинается с поиска свойства отношения между элементами, а не с изучения элементов системы.

Объединим отмеченные свойства в концепт неакадемической философии как системы. Как представляется, они с достаточной определенностью очерчивают как внешние, так и внутренние стороны неакадемической философии, тем более, если мы говорим о первых подступах к дефиниции этого феномена. На основании выявленного концепта предпримем попытку дать варианты рабочего определения неакадемической философии

Подчеркнем, что эти определения даются в порядке первого приближения. Безусловно, они потребуют своей доработки по мере более глубокого исследования явления. Итак, первый вариант определения: *неакадемическая философия — это разновидность философского осмысления мира, характеризующаяся институциональной независимостью (формальный критерий) и стремлением приблизить философскую проблематику к конкретному бытию конкретного человека, связать философствование с личностной реализацией (содержательный критерий).*

Второй вариант: *неакадемическая философия — это нишевый социокультурный феномен, представляющий собой попытку обойти ограничения академического подхода как не в полной мере отражающего специфику философии как таковой.*

Как уже отмечалось, неакадемическая философия заслуживает более пристального исследовательского внимания. Она занимает свою специфическую нишу в социокультурном пространстве, и не будь этой ниши или будь она пустующей — это негативным образом сказалось бы на культуре в целом, на эффективности социума как открытой системы. Недостаточная исследованность неакадемической философии связана с известной предвзятостью по отношению к этому феномену, в то время как философская и научная честность обязывает к избавлению от предвзятостей.

Список литературы / References

- Азов А.В. Проблема нового интегративного знания: обзор дискуссий // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6. С. 320—325.
(Azov A.V. The problem of new integrative knowledge: a review of discussions, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2018, no. 6, pp. 320—325. — In Russ.)
- Артемьева Т.В., Микешин М.И. Интеллектуальная культура эпохи Просвещения в России. Учебное пособие. СПб.: Политехника Сервис, 2020. 356 с.
(Artemyeva T.V., Mikeshin M.I. *Intellectual culture of the Enlightenment in Russia*, St. Petersburg, 2020, 356 p. — In Russ.)
- Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. 446 с.
(Berdiaev N. A. *Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography)*, Moscow, 1991, 446 p. — In Russ.)
- Беседа с Хайдеггером // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С. 146—157.
(Conversation with Heidegger, *Heidegger M. Conversation on a country road*, Moscow, 1991, pp. 146—157. — In Russ.)
- Борисов С. В. Рождение «глубинной философии» из «духа онтопроектирования» // Социум и власть. 2019. № 5. С. 113—122.
(Borisov S. V. The birth of “deep philosophy” from the “spirit of onto-design”, *Socium and power*, 2019, no. 5, pp. 113—122. — In Russ.)
- Варава В.В., Слепокуров А.А. Философствование как особенность русской мысли // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 89—99.
(Varava V.V., Slepokurov A.A. Philosophizing as a Feature of Russian Thought, *Proceedings of the Tula State University. Humanitarian sciences*, 2015, no. 4, pp. 89—99. — In Russ.)
- Герашченко И.Г. Экономические архетипы философии // CREDO NEW. 2021. № 2. URL://credo-new.ru/archives/2465 (дата обращения 27.04.2023).
(Gerashchenko I.G. Economic archetypes of philosophy, *CREDO NEW*, 2021, no. 2. — In Russ.)
- Дмитревская И. Текст как система: понимание, сложность, информативность. Иваново: Ивановский государственный университет, 1985. 86 с.
(Dmitrevskaia I. *Text as a system: understanding, complexity, information content*, Ivanovo, 1985. — In Russ.)
- Золотухина-Аболина Е. В. Философский текст: академичность или свобода // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. XI. № 1. С. 49—54.
(Zolotukhina-Abolina E. V. Philosophical text: academic or freedom, *Epistemology and Philosophy of Science*, 2007, vol. XI, no. 1, pp. 49—54. — In Russ.)
- Мамардашвили М. К. Мысль под запретом (Беседы с А. Апелъбуэн) // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 100—115.
(Mamardashvili M.K. *Thought is forbidden (Conversations with A. Applebaum)*, *Questions of Philosophy*, 1992, no. 5, pp. 100—115. — In Russ.)

- Маркова Т.В., Казакова В.И. к вопросу об онтогносеологических основаниях русской неакадемической философии // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы четвертой Всероссийской научно-практической конференции, 24 мая 2013 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева. 2013. С. 393—394.
- (Markova T.V., Kazakov V.I. To the question of the ontognoseological foundations of Russian non-academic philosophy, *Actual problems of social communication: materials of the fourth All-Russian scientific and practical conference*, Nizhny Novgorod, 2013, pp. 393—394. — In Russ.)
- Пржиленский В.И. И академичность, и свобода! // Эпистемология и философия науки, 2007. Т. XI. № 1. С. 58—61.
- (Przhilenskii V.I. Both academic and freedom! *Epistemology and Philosophy of Science*, 2007, vol. XI, no. 1, pp. 58—61. — In Russ.)
- Пржиленская И.Б. О возможной типологии неакадемической философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1. С. 227.
- (Przhilenskaya I.B. On a possible typology of non-academic philosophy, *Humanitarian and socio-economic sciences*, 2007, no. 1, p. 227. — In Russ.)
- Расторгуев М.В. Академичность или институциональная признанность? // Эпистемология и философия науки, 2007. Т. XI. № 1. С. 55—59.
- (Rastorguev M.V. Academic or institutional recognition? *Epistemology and Philosophy of Science*, 2007, vol. XI, no. 1, pp. 55—59. — In Russ.)
- Тульчинский Г.Л. Философская культура и способы философствования // Философские науки, 2011. № 11. С. 65—76.
- (Tul'chinskii G.L. Philosophical culture and ways of philosophizing, *Philosophical Sciences*, 2011, no. 11, pp. 65—76. — In Russ.)
- Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 391—406.
- (Heidegger M. Basic concepts of metaphysics, *Heidegger M. Time and being: Articles and speeches*, Moscow, 1993, pp. 391—406. — In Russ.)
- Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: АСТ. 2020. 672 с.
- (Schopenhauer A. *The World as Will and Representation*, Moscow, 2020. — In Russ.)
- Ясперс К. Философская вера. // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 420—494.
- (Jaspers K. Philosophical faith, *Jaspers K. The meaning and purpose of history*, Moscow, 1991, pp. 420—494. — In Russ.)
- Ясперс К. Введение в философию. Минск: Пропилеи, 2000. 192 с.
- (Jaspers K. *Introduction to Philosophy*, Minsk, 2000, 192 p. — In Russ.)

NON-ACADEMIC PHILOSOPHY: THE PROBLEM OF DEFINITION

Roman V. Shorin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, romanshorin@mail.ru

Abstract. The article attempts to define the concept of “non-academic philosophy”. It is noted that this concept is found both in public discourse and in research works of domestic and foreign authors. However, it remains a concept without more or less clear definition. Meanwhile, non-academic philosophy is a significant socio-cultural phenomenon that deserves closer research attention. Its significance is confirmed, for example, by the following circumstance: first of all, through non-academic philosophy, the so-called wide circle of

readers gets acquainted with philosophical ideas, with its help they try to comprehend their life and their place in the world, answer "eternal questions". In addition, non-academic philosophy has a significant impact on academic philosophical discourse. The article highlights and analyzes the essential and interconnected features of non-academic philosophy, allowing to define it. The approaches to non-academic philosophy present in the domestic research narrative are summarized. An increase in the importance of non-academic philosophical practices within the general philosophical discourse in modern conditions (the development of social media, etc.) is noted. The research methodology, in particular, is a systematic approach, according to which the concept is recognized as a system-forming property. Identification of the concept allows one to approach the question of the phenomenon's definition

Keywords: non-academic philosophy, academic philosophy, general philosophical discourse, philosophy, science, systemic approach, concept, sociocultural phenomenon

For citation: Shorin R.V. Non-academic philosophy: the problem of definition, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 4, pp. 174—184.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Шорин Роман Владимирович — аспирант кафедры философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, romanshorin@mail.ru

Shorin Roman Vladimirovich — postgraduate student of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, romanshorin@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)). Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.). Периодичность издания — четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

- 1) текст статьи с аннотацией, ключевыми словами на русском и английском языке и сведениями об авторе;
- 2) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля — верхнее 2,7 см, левое и правое 4 см, нижнее 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы — не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи — не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. XX—XX.

Научная статья

УДК

DOI:

НАЗВАНИЕ

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя, отчество, фамилия (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Аннотация. На русском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10. Должна содержать: постановку проблемы, обозначение новизны подходов, концепции, результатов и др., исследовательские выводы.

Ключевые слова: на русском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Благодарности (при необходимости): работа выполнена при поддержке... (Times New Roman, кегль 10).

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Original article

НАЗВАНИЕ на английском языке
(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя О. Фамилия на английском языке (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация на английском языке (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Abstract. На английском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10.

Keywords: на английском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Acknowledgments (при необходимости): the work was supported by... (Times New Roman, кегль 10).

For citation: Familiya I.O. Article title, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Основной текст статьи (Times New Roman, кегль 11).

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- между инициалами и фамилией ставится неразрывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с пристатейным «**Списком литературы**»: указывается фамилия автора (без инициалов) и при необходимости, после двоеточия, страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую. Например:

[Иванов], [Smith]

[Иванов: 35], [Smith: 35]

[Иванов, Петров: 35]

В случае ссылки на издание без автора следует указывать сокращенное название работы:

[Философия культуры...: 35].

Если в библиографическом списке приводятся две или более работы автора, то указывается год [Иванов 2007]; если работы опубликованы в одном и том же году, то добавляется латинская буква в тексте статьи и списке литературы: [Иванов 2007a; 2007b].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков перед двоеточием указывается номер тома или выпуска: [Булгаков 4: 275].

Сноски постраничные, ставятся автоматически. В сноски выносятся комментарии, примечания, дополнительная информация. Ссылки на источники и исследования, упоминаемые в сносках, оформляются так же в квадратных скобках.

Список литературы / References

Шрифт Times New Roman 10.

Формируется по алфавитному принципу, без нумерации.

Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

В References

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: In Russ.

Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Примеры оформления:

Платонов А.П. Собрание сочинений: в 8 т. / сост. Н.В. Корниенко. М.: Время, 2009—2011.

(Platonov A.P. Collected works: in 8 vols., ed. by N.V. Kornienko, Moscow, 2011. — In Russ.)

Жолковский А.К. Инфинитивное письмо: тропы и сюжеты (Материалы к теме) // Эткиндовские чтения: сборник статей по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинды (27—29 июня 2000 г.). СПб., 2003. С. 250—271.

(Zholkovskiy A.K. Infinitive writing: tropes and plots (Materials for the topic), *Etkind's readings: a collection of articles based on materials from the Readings in memory of E.G. Etkind (June 27—29, 2000)*, Saint Petersburg, 2003, pp. 250—271. — In Russ.)

Давыдов Д. Последовательность гнева // Книжное обозрение. 2015. № 1—2. URL: http://hylaеa.ru/davyd_rez_peret.html (дата обращения: 17.04.2020).

(Davydov D. Sequence of anger, *Book review*, 2015, no. 1—2. — In Russ.)

Goldsmith K. Uncreative Writing: Managing Language in the Digital Age, N.Y.: Columbia University Press, 2011. 272 p.

Статья поступила в редакцию XX.XX.2022; одобрена после рецензирования XX.XX.2022; принята к публикации XX.XX.2022.

The article was submitted XX.XX.2022; approved after reviewing XX.XX.2022; accepted for publication XX.XX.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Фамилия Имя Отчество — ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail (на русском и английском языках)

Например:

ТЮЛЕНЕВА Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

TYULENEVA Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Порядок рецензирования рукописей статей

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя/консультанта. Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью (присылаются сканом на электронную почту).

О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций.

Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи.

Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев.

При наличии отрицательной рецензии на рукопись статья отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Не допускаются к публикации в научном журнале статьи:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- содержащие недобросовестные заимствования;
- представленные без соблюдения правил оформления публикаций;

- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научного или технического уровня.

Редакционная этика

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие **этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.**

Для авторов:

- авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе;
- автор подтверждает, что его материалы публикуются впервые, не представлены в несколько журналов одновременно, а также не содержат плагиат в какой-либо форме;
- все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, должны быть указаны как соавторы;
- авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или любые другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в «Вестнике ИВГУ».

Для редколлегии:

- журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики;
- редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);

- если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента:

- рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументированно выражать свое мнение, неприемлема персональная критика автора(ов);
- рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, рецензент не может использовать в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Тимирязева, 5, к. 304.

Более подробная информация — на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
**Серия «Гуманитарные науки»
2023. Вып. 4**

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреянова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андреяновой*

Дата размещения на сайте 15.12.2023 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 14,3. 5,80 МБ

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год